

Книжный червь | Переводы книг
Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ и не только

Иредложение

КАРИНА ХЕЙЛ

Пролог

Шесть месяцев назад

— Живи без сожалений.

— Это ты о чем, дорогая?

Я медленно поднимаю взгляд от точки на траве, на которую глазела последние пять минут, и в отблеске прожекторов вижу высокий мужской силуэт, направляющийся прямоком ко мне. Я несколько раз моргаю и снова опускаю взгляд. Его лицо в тени, но я знаю, кто он. Его шотландский акцент говорит мне все, что мне надо знать.

Я прочищаю горло и приканчиваю бокал вина, который держу в руке. Шумные звуки свадьбы стихли, и я удивлена, что Брэм МакГрегор все еще здесь. Он был шафером, я подружкой невесты, но, мне казалось, он нигде не задерживается надолго, даже на свадьбе собственного брата. Брэм провожал взглядом каждую женщину в радиусе пяти метров, в том числе и меня, и казалось, так скучал во время церемонии, будто еще чуть-чуть и он заснет.

— Прости, — говорю я, прочищая горло. — Болтаю сама с собой.

— Я вижу, — отвечает он и садится рядом со мной на каменную скамью, принося запах сигар и сандалового дерева.

Мы сидим на лужайке яхт-клуба в Тибуроне, где проходила свадьба. Я наткнулась на эту скамейку и милый сад, огни города мерцают через залив Сан-Франциско. Я готова ехать домой и просто хотела побыть одна, прежде чем отправиться к себе, отпустить няню. Даже несмотря на то, что моя лучшая подруга Стефани выходила замуж за отличного парня, брата Брэма — Линдена, не поймите меня неправильно, я не могла не радоваться за нее, все же, это была свадьба, а я была одна, и с каждой минутой чувствовала себя все хуже и хуже по этому поводу.

— Итак, живи без сожалений, — повторяет он, небрежно подавшись вперед и переплетая пальцы рук. Если бы я была трезвой, мне было бы неловко, ведь он поймал меня за разговорами с самой собой, но сейчас мне нет до этого дела. То, что подумает обо мне Брэм, это меньшая из моих проблем.

Я пожимаю плечами.

— Это мой девиз.

Он фыркает, и я поднимаю на него глаза.

— Эй, — говорю я, краснея. — У большинства людей есть свой девиз.

Уголок его губ приподнимается в улыбке. Надо отдать ему должное, он красивый мужчина. Но, после того, как мой бывший подставил меня, когда я была беременна, оставил меня одну растить нашу дочь, плейбои у меня в черном списке, а Брэм МакГрегор, определенно, из их породы. Это означает, что для меня он враг номер один и ни принесет мне ничего кроме неприятностей и пустой болтовни.

А цель моей жизни — избежать неприятностей. И я не собираюсь забыть об этом из-за этого шотландского акцента, серых глаз, ямочек и отличного тела. И, знаете, из-за прочих убийственных качеств.

— У меня нет, — сообщает он, глядя мне в глаза и ухмыляясь. — Но это считается, если у других есть девиз о тебе?

Я не хочу спрашивать его, что он имеет в виду, но, каким-то образом мой рот открывается, и я проглатываю наживку.

— У других людей есть девиз о тебе? — спрашиваю я.

Он еще сильнее ухмыляется.

— У женщин, в основном.

— Понимаю, — говорю я, пытаюсь придумать что-то остроумное, что собьет с него спесь. — Если однажды ты пойдешь с Брэмом...

— Ты не сможешь оторваться, — заканчивает он. Смотрит на темное небо и наклоняет голову. — Или, я слышал, если проведешь одну ночь в моей постели, то твои ноги так и останутся раздвинутыми.

Я с отвращением поджимаю губы.

— Это ужасно.

Он пожимает плечами.

— Не осуждай их, пока сама не попробуешь, дорогая. — Он делает паузу. — Думаю, это еще один девиз для тебя.

Он смотрит на пустой бокал в моих руках, потом на меня, и моргает, будто видит меня в первый раз за вечер. На секунду я радуюсь, что Стефани выбрала самое льстивое коктейльное платье для подружки невесты из Anthropologie. А потом снова напоминаю себе, мне все равно что он обо мне думает.

— Что? — спрашиваю я, кожу покалывает от того, как он разглядывает мое тело.

— Почему ты сидишь здесь одна и трезвая?

Я кручу ножку бокала между пальцами.

— Я не трезвая.

— А я думал, ты не одна, — говорит он. — Могу я предложить тебе выпить?

— Ты предлагаешь? — не знаю, почему я удивлена, но так и есть.

Он пару секунд смотрит на меня, темные брови сошлись на переносице. Затем он расслабляется, на лице появляется ленивая улыбка. Как у кота, который только что проснулся.

— Никогда не позволю красивой женщине платить за напиток, — говорит он.

Хоть часть меня (небольшая часть) в восторге от того, что он назвал меня красивой, особенно после того, насколько в последнее время была скудной моя личная жизнь, и единственным человеком, называвшим меня красивой, была Ава (хорошо, и Стеф, когда на свадьбе я волшебным образом преобразилась с этой прической и макияжем), я не позволю этим милым словам очаровать меня.

Спокойно смотрю на него.

— Неужели, ты думаешь, я поведусь на этот подкат?

Он издает смешок, глаза мерцают.

— Подкат? Что, шафер не может предложить подружке невесты выпить? Знаешь, я слышал, что ты не умеешь веселиться, но не верил в это. Ни с таким телом.

Я потрясена. Мое лицо горит, я еле произношу.

— Кто тебе сказал, что я не умею веселиться?

Его улыбка стала мягче, но он по-прежнему выглядит так, будто ему доставляет удовольствие играть со мной.

— Не имеет значения. Я дал тебе шанс опровергнуть это, но, полагаю, они были правы.

— Это Линден? — спрашиваю я, чувствуя тошноту. Мне нравился Линден, и, хотя его

мнение обо мне не так уж и важно, мне не нравилась идея, что это может быть чем-то плохим, особенно тем, чего я так боюсь. Клянусь Богом, я умею веселиться, но когда в жизни приходится трудно, веселье приходится поставить на паузу, вместе с маникюром, отношениями на одну ночь и ужинами в хороших ресторанах.

Брэм молчит, и я понимаю, что права. Это его брат.

— Ты краснеешь? — спрашивает он, внимательно меня разглядывая. До меня снова доносится аромат сигар.

— Я веселюсь, — говорю я, медленно отодвигаясь от него. В этом нет смысла, но должна же я себя защитить.

— Именно поэтому ты здесь одна с пустым бокалом?

— То, что я не напилась и не прыгнула к тебе в постель, не делает меня добропорядочной.

О Господи, добропорядочной? Теперь я говорю так, словно родилась в 50-е.

— Нет, — медленно говорит он, наклоняясь ближе ко мне. — Но это звучит не весело, не так ли? — Я чувствую его горячее дыхание на своей щеке, и борюсь с желанием повернуться и посмотреть на него. Есть что-то такое в его глазах, он словно видит меня насквозь. Я знаю, он точно прямо сейчас представляет, как я выгляжу под этим платьем. Мне не надо, чтоб он копал глубже и увидел, в каком невеселом беспорядке я пребываю.

— Мне нравится, когда ты выглядишь так, будто смущена, — говорит он, голос низкий, акцент подчеркивает каждое слово. — Готов поспорить, ты выглядишь так же, когда собираешься кончить. Застигнутой врасплох и такой открытой.

И опять же, я теряю дар речи. У меня глаза лезут на лоб, я почти отвечаю ему пощечину и убегаю, потому что именно так я поступаю с такими как он. Отшиваю их. Даю им знать, что у них никогда не будет того, что они не заслуживают.

Но я этого не делаю. Потому что несмотря на все, чем я дорожу, его страстные слова отправляются прямиком в мой мозг, пробираются в сердце и оказываются у меня между ног. Они заставляют меня захотеть сжать бедра, попытаться сохранить это тепло.

Они зажигают что-то внутри меня, то, о чем я изо всех сил пытаюсь не думать.

Я с трудом сплываю и смотрю на кусты перед собой. Звуки свадьбы так далеки, будто мы здесь одни.

Брэм осторожно берет меня за подбородок и медленно поворачивает к себе, так, что у меня не остается выбора, и я смотрю прямо на него.

— Если я снова скажу тебе, как ты красива, — шепчет он, — ты покраснеешь? Или поверишь в это?

Черт. Черт, черт, черт. Я буду душой, если поведусь на эту лесть, но парень говорит так, что мне хочется в это верить.

По крайней мере, я не краснею. На это нет времени.

Прежде чем я понимаю, что происходит, Брэм наклоняется и целует меня. Его губы мягкие и влажные, вкус табака и мяты. Я втягиваю воздух, мое тело замирает, он застал меня врасплох, этого он и добивался. Мой мозг кричит «Шафер и подружка невесты замутили на свадьбе, какая банальность!» и «Он игрок, он просто играет с тобой», а мои губы, подбадриваемые алкоголем и глубоко сидящей тоской по чему-то, целуют его в ответ.

Все будто в замедленном темпе. Голоса в моей голове замолкают, и остается лишь огонь глубоко внутри. Его руки ложатся на мое лицо, он удерживает меня сильными, теплыми пальцами. Эти пальцы удерживают меня, пока его язык скользит по моему, и наши

губы сливаются в совершенном ритме. Если бы я могла соображать, я бы поняла, что это совсем не то, каким я думала, будет поцелуй с Брэмом МакГрегором. Он нежный, чувственный, и, скажу больше, серьезный.

Как только я обнаруживаю, что прижимаюсь к нему, молча требуя большего от его рук, желая пробраться под смокинг и почувствовать его твердую грудь, он отстраняется, его глаза закрыты, дыхание рваное.

— Ты прекрасна, — говорит он, прочищая горло. Он открывает глаза и лениво смотрит на меня сквозь длинные, темные ресницы, ресницы, за которые я бы убила.

— И ты все еще смущена. Ты так покраснелась. Даже больше, чем обычно. — Он поднимает бровь, его лицо все еще в нескольких сантиметрах от моего. — Я завел тебя?

Боже, а парень не плох. Знаю, Линден был всегда довольно непристойным со Стеф, никогда не стеснялся в выражениях, но Брэм, определенно, ушел дальше.

Мои губы приоткрываются, пока я пытаюсь придумать ответ, и он проводит большим пальцем по моей нижней губе.

— Такой красивый рот. Что еще ты умеешь делать этим ротиком?

Наконец, я моргаю, поразившись такой грубости. Вздвогнув, отвожу голову в сторону.

Он хмурится.

— Да ладно, не сердись, — говорит он, скользя рукой по моей руке. — Знаешь, я наблюдал за тобой весь вечер.

— Ну, это было не трудно, мы участвовали в церемонии, — говорю я, в горле пересохло, такое чувство, что этот поцелуй отнял у меня все силы.

— Тебе сложно принимать комплименты, — замечает он.

Я знаю, он прав. Я не уродина, не простушка, но материнство — и то, как мой бывший обошелся со мной — это не могло не повлиять на мою самооценку. Было время, когда я входила в комнату, и чувствовала себя королевой, или, по крайней мере, верила в это, но уже давным-давно я не чувствую такой уверенности.

Даже внимание Брэма, богатого, завидного шотландца не помогает. Наверное, потому что я знаю о его репутации сердцееда, и, несмотря на то, что сейчас он ничего не пьет, я чувствую вкус виски на его губах.

О, эти чертовы губы. Я быстро отрываю от них взгляд, пытаюсь забыть то, какие они сладкие и пленительные на вкус.

— Это серфер сказал тебе что-то, во что ты так веришь?

Серфер? Мне нужна минута, чтобы понять, кого он имеет в виду.

— Аарон? — спрашиваю я. — Это бывший Стефани.

Он лениво пожимает плечами.

— Она теперь замужем, уверен, он снова в игре. Он весь вечер с тобой заигрывал.

Да, это так, но Аарон всегда так делает, и мне до этого нет дела.

— Ты действительно наблюдал за мной?

Он мягко улыбается.

— Самая красивая женщина на свадьбе. — Он делает паузу. — Не считая невесты, конечно. — Он кладет руку мне на шею, и я стараюсь не вздрогнуть при мысли о том, что он может испортить мою прическу. — Как насчет того, чтобы нам с тобой сбежать? Думаю, Стефани и Линден уже уехали, а ночь только начинается.

Все происходит слишком быстро. Его слова, казалось, распутывают тугие сети внутри меня, те, которые заставляют меня мыслить здраво, а от небольшой грубости в его голосе у

меня волосы встают дыбом, но у меня есть обязанности, и они не предусматривают отношения на одну ночь с Брэмом МакГрегором. Несмотря на тоненький голосок, говорящий, что это будет весело, голосок, который я так часто игнорирую, он требует, чтоб я немного пожила, я не могу. К тому же, не с кем-то, вроде него.

Он снова наклоняется ко мне, нежно касаясь губами моих губ, тепло растекается по моим венам.

— Пойдем, — шепчет он, — Я знаю, где-то глубоко внутри ты смелая. Я же вижу. Позволь ей показаться. Давай я помогу.

О Боже. Если бы он только мог.

— Я не могу, — спокойно отвечаю я. — Я должна идти домой.

Он улыбается напротив моего рта. Прекрасное ощущение.

— Возьми меня с собой. Обещаю хорошо себя вести. — Он нежно целует меня, долго и медленно, прежде чем отстраниться. — На самом деле, обещаю похулиганить, — хрипло говорит он. — Но знаю, тебе это понравится.

Мне требуется время, чтобы отстраниться от него.

— Ты не понимаешь. Мне надо отпустить няню. Ей скоро надо идти.

— Няня? — говорит он, прочищая горло. — У тебя ребенок?

Я киваю, моя защита растет, я снова возвожу между нами стену, которую ненадолго опустила вниз.

— Ава. Ей пять.

— Я этого не знал, — говорит он, моргая. Почему мужчины всегда начинают волноваться, стоит им узнать, что я мать-одиночка? Можно подумать, в этом современном мире, это такая редкость, мужчинам стоило бы придерживаться более широких взглядов. К тому же, мне тридцать один, я не какой-то там тинейджер.

Ничего не могу с собой поделаться и кисло улыбаюсь ему.

— Ты обо мне много чего не знаешь. — Когда я начинаю об этом думать, то понимаю, прежде мы пересекались всего пару раз, всегда в компании, и в большинстве случаев мы кивали друг другу или пожимали руки. Не думаю, что до сегодняшнего вечера я вообще разговаривала с ним наедине.

Он смотрит на часы на руке, я не сразу их заметила. Серебро поблескивает под огнями.

— Ну, полагаю тебе лучше собираться, Золушка.

— Уже почти полночь? — спрашиваю я, чувствуя себя неловко во всей этой ситуации. Я медленно поднимаюсь на ноги, они ноют от боли в этих босоножках Ross Atwood, которые Стеф одолжила мне на свадьбу. Какие бы они не были сексуальные, ходить на них невозможно.

Он встает рядом, и даже на каблуках, которые добавили десять сантиметров к моему метру семидесяти, он все еще намного выше меня. Я стараюсь не обращать внимания на то, насколько он дьявольски красив в смокинге, и насколько близка я была к тому, чтобы узнать что скрывается под ним. Все, что я так старательно пыталась игнорировать, теперь мигает, словно неоновая вывеска «Горячий трах, только на одну ночь».

— Да, — говорит он с акцентом. — Могу ли я вызвать для тебя такси?

Я качаю головой.

— Я воспользуюсь Убером.

Он минуту смотрит на меня, как будто размышляя, а затем кивает.

— Жаль, что мне не удалось убедить тебя расслабиться, это ведь только на одну ночь.

Я смотрю на него, сжимая пальцами пустой бокал.

— Расслабиться это не вариант для матери-одиночки.

— Верно, — говорит он. — Позволь мне хотя бы проводить тебя. — Он протягивает мне руку, и, после минутного колебания, я беру ее. Должна сказать, я чувствую себя хорошо, когда он ведет меня из сада в вестибюль, будто мы с ним пара.

Но, как только мы приближаемся к людям, он отпускает меня и дарит быструю улыбку.

— Желаю добраться до дома без приключений, дорогая.

И что это было?

Я наблюдаю, как он сливается с толпой и направляется к бару. Вечеринка продолжается, но он прав, Стефани и Линден, должно быть, уехали, их нигде не видно. Я вижу родителей жениха и невесты, Аарона, Кайлу, Пенни, Джеймса, и несколько других наших общих друзей. Большинство из них навеселе, танцуют и веселятся, а на заднем фоне на волнах медленно покачиваются яхты.

Иногда быть Золушкой так отстойно.

Вздыхнув, я достаю телефон и заказываю такси. Сегодня вечер субботы, заказов много, и водитель приедет через пятнадцать минут. Я направляюсь к воротам яхт-клуба и сажусь на скамейку рядом с якорем из мрамора, моим ногам не помешает отдых. Я пытаюсь смотреть на дорогу, жду, когда же появится такси, но, внезапно слышу громкий смешок и поворачиваю голову.

Там вдали стоит Брэм, он обнимает тощую блондинку, я видела ее раньше. Думаю, она какая-то дальняя родственница Стеф. Она выглядит молодой, достаточно пьяной, как раз во вкусе Брэма.

К сожалению, он видимо думает так же. Она поскользывается на траве, едва не упав, и он ловит ее, притягивая к себе. Она смеется, жадно целуя его, и он отвечает ей тем же, прижимая к себе ее гибкое тело. Ее рука скользит вниз к его промежности, и обхватывает его, должно быть, внушительную эрекцию.

Он улыбается ей, этой глупой, тупой улыбкой, и ведет ее в сад, туда, откуда мы только что пришли. Я слышу ее хихиканье и ничего не могу поделать, представляю, как он раздевает ее, наклоняет через скамейку и расстегивает штаны.

Я какое-то время смотрю на кусты, видя, как они возятся там, чувствуя боль и странное возбуждение.

Это могла бы быть я.

Но это не я, нет. И когда я слышу ее хриплые стоны, я прихожу в себя. Господи, а он не промах, понял, что со мной ничего не выйдет и сразу нашел другую.

К тому времени, когда приехала моя машина, меня переполняют гнев и стыд. Что за свинья! Мне чертовски повезло, что я не отбросила предосторожность, или свои трусики, и не переспала с этим отвратительным шотландским мудаком. Я была права. От него одни неприятности, он опасен, и мне надо держаться подальше от таких мужчин. Теперь я жалею не только о том, что ответила на поцелуй, а что вообще с ним разговаривала.

Пока я накручиваю себя на заднем сиденье такси, мы проезжаем через мост Золотые Ворота, я вспоминаю свой девиз. Живи без сожалений? Я определенно сожалею, что позволила ему даже подумать о том, что он может со мной переспать.

У меня есть еще одно кредо: Обмани меня один раз, позор мне. Дважды ты меня не обманешь. Моя гордость никогда больше не позволит мне попасться на эту удочку.

Если раньше в моем черном списке не было Брэма МакГрегора, теперь он определенно

там есть.

Глава 1

НИКОЛА

— Никола Прайс, ты уволена, — говорит мой босс с таким видом, будто он Дональд Трамп. Только он не улыбается, будто это розыгрыш, и его волосы так обильно покрыты каким-то скользким средством, Трамп бы точно от стыда сгорел.

Кроме того, уверена, на самом деле он сказал:

— Никола, нам жаль это говорить, но мы должны тебя отпустить. — Но какая разница, как это звучит, ведь в сущности это одно и то же? За чертову пару секунд я потеряла работу. Мой доход. Мою стабильность.

Мое будущее.

Удивительно, как я еще не взорвалась, как Ава, когда она не может найти своего любимого плюшевого Снаффи. И даже не проронила ни одной слезинки. Вместо этого, я просто сижу там как идиотка, шокировано открыв рот, пока как мой босс Росс (теперь уже экс-босс) лепечет о том, как ему жаль и как бы он хотел удержать меня в компании, но им надо сокращать штат и они закрывают один из магазинов и бла бла бла.

Но, все это вообще не имеет значения, я знаю, что мне оставалось проработать одну неделю, и мой испытательный срок бы закончился. Я бы прошла испытательный срок и получила медицинскую страховку. Я бы получила повышение. Набралась ума и продолжила бы строить карьеру, к которой я так стремлюсь.

И теперь я зла, я понимаю, эти придурки знали, что никогда не наймут меня на постоянную должность, они просто хотели дешевого работника, и все. Это и был их план, водить меня за нос, обещать золотые горы, а потом, когда им будет удобно, послать меня куда подальше.

Звучит так, будто я говорю о своей личной жизни.

— Есть что-нибудь, что мы можем для тебя сделать? — спрашивает он, с беспокойством поглядывая на меня, видимо по моему лицу заметно, что я вот-вот взорвусь.

Ава, все всегда сводится к моей дочери. Если бы это не касалось ее, я бы лишь кивнула и ушла. Веди себя любезно, так ведь меня учили в детстве. Никогда никому не позволяй видеть свои слезы, никогда не позволяй им видеть себя в неподобающем виде. Смирись, остынь и успокойся.

Но сейчас моя жизнь совсем беспокойная, ну никак. Аренда за мою дерьмовую квартиру выросла. Машину надо отдать в сервис, но я не могу себе это позволить, и она просто стоит на улице Сан-Франциско, никому не нужная груда метала. Еще и Ава в последнее время все чаще болеет. Ничего серьезного, так говорит врач, она просто немного вялая, но я постоянно беспокоюсь за свою малышку, и у меня не всегда есть деньги, чтобы платить за каждый визит врача. Не говоря уже о том, что от этого врача никакого толку. Я рассчитывала на эту чертову медицинскую страховку для нее, не для себя.

И так же, как Брюс Баннер, когда он превращается в Халка — срывает с себя рубашку, так и я срываюсь на своего ничего не подозревающего экс-босса. Три месяца, три долгих месяца я всегда была правильной, сдержанной, «да, сэр», «нет, сэр», бегала по магазинам до изнеможения, всегда улыбаясь. Никогда не позволяй им видеть себя в мыле. Всегда сохраняй

спокойствие.

Нахрен все это.

Я даже не уверена, что собираюсь сказать. Будто все глубже и глубже погружаюсь в глубокую, черную яму накопившегося возмущения. Думаю, это как затмение. Все, что я понимаю, когда осознаю, что делаю, это то, что я стою, тыча пальцем в своего бывшего босса, и матерюсь.

— Знаете, если бы вы просто выкинули меня, все было б нормально. Но вы причинили зло моей дочери. Как вы смеете выгонять меня за неделю до оформления моей медицинской страховки! — Кричу я на него. — У вас вообще есть гребаное сердце?

Но, когда Росс лишь берет телефон и просит свою помощницу Мередит прийти в комнату, чтобы помочь мне найти выход, я понимаю, что у него вообще нет сердца.

Я никогда не нравилась Мередит, и последнее, что мне надо, это ее злорадство, так что я вылетаю из кабинета до того, как она увидит мое красное, безумное лицо. Я быстро собираю сумку в коморке для персонала, молча радуясь тому, что пока я три месяца работала здесь визуальным мерчендайзером, у меня не появился собственный рабочий стол. Мне было бы больно освободить его.

Я не прощаюсь с Присциллой, покупательницей, с которой подружилась, или Табби, региональным мерчендайзером, чье место, в один прекрасный день, я надеялась занять. Мне просто слишком стыдно рассказывать им, что же случилось, и мне еще хуже от понимания того, что они, вероятно, обо всем знали.

Когда я впервые нашла работу в популярной сети магазинов одежды для йоги Rusk, я думала — наконец-то, у меня получилось. Я потратила много времени, двигаясь то на пару шагов вперед, то на один назад. В этом городе не так-то легко найти работу, независимо от того, в какой отрасли ты работаешь. И мода, безусловно, одна из наиболее сложных областей.

Я вместе со Стефани ходила в Арт Институт в Сан-Франциско, мы тогда снова стали общаться. Мы росли вместе в Петалуме, небольшом городке к северу от Сан-Франциско, и общались в школе, пока мои родители не развелись, и я не переехала с мамой и ее ужасно богатым новым мужем в Пасифик Хайтс в Сан-Франциско. Короче говоря, окончив школу с богатыми детишками, и являясь одной из них, я поступила в институт, следуя своей страсти к моде. В конце концов, одежда, которую в свободное время я разрабатывала и шила, с графикой и эксцентричными фразами, никогда не приносила мне прибыль. Она была хороша, но «не настолько» (как заметил мой бывший отчим). И я подумала, что карьера в мерчендайзинге в сфере моды, будет именно тем, что мне надо.

Так и было. Обучение было удивительным. Я, наконец, почувствовала себя в своей стихии, в обществе тех, кто понимал мою страсть, кто видел меня. Но, найти работу оказалось не так-то просто. И хотя мне удалось устроиться на стажировку в парочку довольно известных компаний (Banana Republic одна из них), я изо всех сил пыталась найти работу, связанную с профессией и способную обеспечить меня и Аву.

Все ведет к ней, моей дочери. Её появление в моей идеальной жизни было неожиданным, но я спокойно отнеслась к этому, я влюбилась в нее. Да, всем сердцем. И я никогда, даже ни на секунду не жалею о том, что оставила ее. Но Фил, сбежавший папочка моей дочурки, вот кто все испортил. После этого, все так и продолжает разваливаться на части. Мы с Авой вдвоем против всего мира.

Хотя однажды, мы тогда еще были с Филом вместе, я думала, что мои молитвы

услышаны. Я получила работу в интернет-магазине ювелирных изделий в качестве копирайтера и байера. На самом деле, это было удивительное время. Зарплата была достойной, все указывало на то, что я построю здесь карьеру. Но розничная интернет-торговля беспощадна, конкуренция настолько огромная, что после нескольких лет компания обанкротилась. И я осталась без работы. И без парня. В то время мамочка изменила своему новому мужу, и я оказалась без какой-либо финансовой поддержки, оставила свою квартиру и переехала в студию в захудалом районе Тендерлоин, снова и снова пытаюсь найти работу.

Наконец, после годовичного декретного отпуска в качестве продавца в Nordstrom (не то, о чем я мечтала, но мне же надо платить по счетам), я наткнулась на вакансию в Rusk. Тогда я думала, что нашла именно то, что мне надо, и я смогу, наконец, дать Аве все. Нет, не то чтобы она что-то просила, но я хотела дать ей все, что могла. Ради нее я готова на все, даже если придется работать до изнеможения, это стоит того, ведь я дам ей все необходимое и не только.

Rusk обещали карьеру визуального мерчендайзера, удивительную зарплату и прочие бонусы. Хотя зарплата на испытательный срок и была чуть выше минимальной, я повелась на красивые обещания. Я бросила Nordstrom и ухватилась за этот шанс. Я действительно надеялась, что все изменится.

И все изменилось. К худшему. А теперь...теперь я несусь мимо толпы по Саттер стрит, пытаюсь не удариться в панику. Лица размыты, я вижу лишь облака на небе, а в моих глазах собираются слезы, горячие и сильные. Они никогда не падают, нет. Это что-то да значит. Я боец. Я справлюсь.

Я найду другую работу. Найду еще один шанс.

Порой мне кажется, что жизнь это словно череда кадров, череда попыток найти новый путь. Интересно, а что случается, когда ты понимаешь, что теперь другого пути нет?

Я иду вниз по Ливенворт, и народу становится меньше, но люди выглядят менее дружелюбными. Или слишком дружелюбными, зависит от того, как ты на них смотришь. Все тот же парень с беззубой улыбкой сидит рядом с винным магазином и спрашивает, нет ли у меня пары монет, но сегодня я не дам ему ни цента. Я просто смотрю вниз и иду через весь этот сброд, в то единственное место, которое я могу себе позволить в этом дорогом городе. Я дохожу до двери дома и открываю ее, попадая в холл.

Остановившись, я смотрю на дверь, собираюсь закрыть ее. Дверь из стекла, с длинными вертикальными прутьями, отлично характеризует окрестности. Я помню, когда съехал Фил, и я потеряла работу в интернет-магазине, я уже была не в состоянии позволить себе жить в Ной Велли, чудесном районе рядом с Кастро. Та квартира была для меня всем, но не было никакого способа остаться жить там и содержать Аву. Мы вдвоем переезжали с квартиры на квартиру, с каждым разом все хуже и хуже, пока я не обнаружила, что стою и смотрю на жуткий фасад этого здания, надеясь снять здесь квартиру и обещая себе съехать отсюда при первой же возможности.

Похоже, эта возможность появится не скоро.

Я вздыхаю, сердце словно камень в груди, и иду на второй этаж. Обычно по четвергам и пятницам с Авой сидит мама, а в остальные дни Лиза, моя няня. Я пыталась устроить дочь в садик, но в таком огромном городе, это чертовски трудно. Лист ожидания просто огромный, да и надо ведь знать, куда и кому ты доверяешь своего ребенка. Когда у меня не было Авы, я понятия не имела, насколько это трудно, содержать ребенка в безопасности и комфорте. Я

думала, что няни, детский сад, медицина, все это легко, может, потому что у меня в детстве так и было (или, может, когда ты ребенок, ты просто на все это не обращаешь внимания). Но теперь я знаю, это не так.

Никому, кроме вас самих, нет дела до вас или вашего ребенка.

Я вставляю ключ в замок и тихо открываю дверь, вдруг Ава спит. Квартира с одной спальней, всего лишь 50 метров. Я сделала все, что могла, и мне кажется, она выглядит такой же милой, как и моя квартира в Ной Вэлли. Честно говоря, здесь довольно много вещей из шоу-рума Anthropologie. Я больше не могу позволить себе делать там покупки, так что храню все свое старье, словно это золото, приклеиваю ручку к кофейной чашке, если та отвалилась, или зашиваю шторы, когда Ава слишком сильно за них дергает (это случилось не раз).

Ава с Лизой играют в куклы на ворсистом ковре, и, как только я вхожу, Ава улыбается такой огромной, яркой улыбкой, встает и бежит ко мне. Она обвивает руками мою ногу, и я даже не закрываю дверь, наклоняюсь вниз и крепко ее обнимаю. Я люблю просто быть рядом с ней, это всегда поднимает мне настроение. От этого все становится не таким сложным, я знаю, я со всем справлюсь. Я думаю, что когда вы что-то любите так сильно, вы понимаете, что вы можете потерять. Эта маленькая девочка в моих руках дарит мне душевное спокойствие, но я понимаю, что сделаю все, что в моих силах, чтоб с ней все было хорошо.

Когда я отстраняюсь, Ава с любопытством смотрит на мое лицо.

— Мамочка, почему ты плачешь?

Я даже не заметила. Быстро вытираю слезы и пытаюсь улыбнуться.

— Со мной все хорошо, ангел, — говорю я.

Лиза встает, вытирая руки об джинсы. Я тоже поднимаюсь, закрываю дверь и кладу руку на светлую головку Авы. Обычно у меня темные и длинные волосы, намного темнее, чем у Авы, но недавно Стеф подстригла их до плеч, и сделала мне мелирование. Когда она закончила, я сказала, что вместо открытия собственного бизнеса, ей стоило стать парикмахером.

— Все в порядке? — спрашивает Лиза, глядя на меня сквозь очки. Она высокая, худая, с неизменным хвостиком. Лиза очень умная студентка, она, кажется гораздо мудрее своего возраста, иногда даже более зрелая, чем я. Она уже два года, когда мы вписываемся в ее график, присматривает за Авой. Я не хочу ее отпускать, но понятия не имею, как сказать ей об этом, ведь я не смогу позволить себе ее услуги, пока буду безработной.

Дерьмо, если б все закончилось лучше, я бы может даже получила немного денег, я ведь работала на прошлой неделе. А теперь сомневаюсь, что даже в резюме могу упоминать о Rusk, не после того, как я наорала на Росса. Никто не захочет нанимать истеричку.

Я слегка качаю головой и говорю Аве пойти в спальню, уложить куклу. Она убегает, и я падаю на диван.

— Что случилось? — спрашивает Лиза, присаживаясь на подлокотник.

Я жую губу, избегая ее взгляда.

— Меня сегодня уволили.

Она резко вздыхает.

— Что...ты серьезно? За что?

Я пожимаю плечами.

— Наплели какую-то ерунду о закрытии магазинов, но это не тот, где я работала.

Думаю, им просто нужна была дешевая рабочая сила.

— Блин, это хреново, — говорит она. — И что ты собираешься делать?

Я сконфуженно смотрю на нее.

— Искать другую работу. Но, пока я ее не найду, боюсь, я не смогу тебе платить. С деньгами будет туговато.

Она на секунду морщит нос, но быстро расслабляется. Я и забыла, что она, возможно, зависит от меня так же, как я от нее.

— Я понимаю. Уверена, ты найдешь что-нибудь в ближайшее время.

— Я тоже на это надеюсь. Мне придется.

Она легонько хлопает меня по плечу.

— Ну, я лучше пойду. Полагаю, завтра вечером я тебе не нужна?

Я вопросительно смотрю на нее, а затем вспоминаю.

— Черт, — ругаюсь я, надеясь, что Ава меня не слышит. Завтра вечером день рождения Линдена, и он празднует его во вторник, а не в выходной, как любой нормальный человек. Я смотрю на Лизу. — Нет, думаю, нет. Мне лучше остаться дома.

Она кивает и поднимает свою сумочку. Мгновение она выглядит так, словно собирается заплакать.

— Я напишу тебе, как только что-то станет ясно, — говорю я, и она быстро улыбается мне, затем выходит и закрывает за собой дверь.

В квартире воцарилась тишина, я даже не слышу, как Ава играет в спальне. Затем я слышу ее тоненький голосок.

— Мамочка?

Я встаю, внезапно чувствуя себя такой старой, и плетусь в спальню. Я прислоняюсь к двери и вижу, что Ава уже уложила куклу. Она смотрит на меня, такая довольная и гордая собой.

— Смотри, я забочусь о ней. Так же, как и ты обо мне.

Мне приходится приложить огромные усилия и не сломаться прямо здесь, перед ней.

Вечер проходит как в тумане, я обнимаюсь с Авой на диване, смотрю ее любимые шоу и пытаюсь не думать ни о чем, кроме ужасной стрижки Доры и ее ужасного вкуса в одежде. Когда Ава ложится спать, я допиваю полбутылки вина, листаю Vogue и Harper `s Bazaar и избегаю сообщений от Стеф и Кайлы, а так же отправляю звонок мамы на голосовую почту. Они не в курсе, и я как можно дольше хочу это так и оставить. Мой папа, до того, как мама ушла от него, и он стал ездить по миру, перебравшись в Индию, чтобы заняться благотворительностью (хотела бы я сделать так же, после предательства Фила) дразнил меня, говоря мне, что я слишком гордая. Мы с мамой такие, да, никогда не признаем свои ошибки, никогда не просим о помощи.

Но теперь, в холодном, сером свете дня, поспав немного, мне надо объяснить Аве, что ее мамочка какое-то время побудет с ней дома, пора посмотреть правде в глаза. Мне нужно вернуть свою жизнь в нормальное русло. И лучше бы мне сделать это без посторонней помощи и жалости.

Я провожу утро, просматривая Крейгслист (прим. пер. сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей интернета), и кучу

других сайтов с объявлениями о работе, пока мое беспокойство не начинает расти, тогда я беру Аву, и мы идем на детскую площадку в Литл Сайгон. После этого мы перекусываем, а я все продолжаю проверять телефон, надеясь получить ответ на резюме. Этот сводящий с ума поиск работы. Каждый раз, читая описания вакансии, я влюбляюсь в нее и становлюсь просто одержимой. Все мои надежды снова оживают, у меня появляется чувство, что работа сделает мою жизнь в миллион раз лучше, что у меня появится еще один шанс. Но то, что я не могу включить Rusk в свое резюме, это своего рода шаг назад.

После того, как я игнорирую пятую смску от Стеф, она звонит мне. Я только уложила Аву спать, закрываю дверь в комнату, делаю глубокий вдох и отвечаю.

— Привет, — бодро говорю я. — Ты же никогда не звонишь.

— Потому что обычно ты отвечаешь на смс, — быстро говорит она. — Где ты была?

— Здесь, — отвечаю я.

— В Калифорнии, или где-то поконкретней?

— Просто...здесь.

— Ты в порядке?

Вот почему я не хочу разговаривать со Стеф. У нее шестое чувство на такие вещи.

— Ммм. — отличный ни к чему не обязывающий ответ.

— Ты ведь придешь сегодня, да?

— Ну...

— Никола! — говорит она. — Я тебя уже несколько недель не видела.

Это правда, хотя я в этом не виновата. Она была очень занята своим новым бизнесом. Она запускает интернет магазин Fog&Clothes, у нее уже есть точка в городе, но она хочет идти в ногу со временем и продавать одежду в интернете. Но, как и в компании, где я работала, это нелегко. Магазин достаточно конкурентоспособный, но до сих пор, вся компания это она и еще две женщины, которые работают на складе. Я редко вижу ее, особенно учитывая наступающий летний сезон.

— Слушай, — говорю я, убирая волосы за уши и глядя на бутылку вина на кухонном столе. Я бы отдала свою левую грудь за бокал вина, но я никогда не пью, когда Ава рядом. — Кое-что произошло, и Лиза не сможет сегодня посидеть с Авой.

— Что случилось?

— Я не хочу об этом говорить.

— Но я хочу знать.

Я закатываю глаза.

— Ну ты всегда хочешь знать, — я делаю глубокий вдох. — Ладно, пообещай не раздувать из мухи слона.

— Ладно...

— Я серьезно, пообещай, что мы не станем это обсуждать? Вообще.

Молчание.

— Может быть.

— Тогда я ничего не скажу.

— Ох, ну давай же, твою мать.

— Эй, язык, дамочка. Твоему мужу это не понравится.

Она хихикает, а я снова закатываю глаза. Думаю, даже если вы не видите, как человек закатывает глаза, вы каким-то образом понимаете, что он делает именно это.

— Ладно, пофиг, — говорю я. — Извращенка.

— Серьезно, — говорит она. — Я не буду об этом говорить. Просто давай, расскажи мне все.

И я рассказываю ей все. Надо отдать ей должное, она ни слова не говорит, пока я не слышу ее сердитое дыхание.

— Ничего себе, — говорит она. — Это...ну, я не собираюсь ничего говорить. Но... серьезно?

— Стефани, — предупреждаю я.

Она стонет.

— Ладно, отлично. Но ты должна прийти сегодня вечером. Ты не можешь сидеть там одна.

— Может быть, ты не слышала ту часть, где я сказала тебе, что у меня теперь нет няни?

— Привози Аву с собой!

Я почти смеюсь.

— Да, правильно. В бар?

— Ну, может не в бар, мы через час или два встречаемся у нас, чтобы выпить на дорожку. По крайней мере, ты можешь прийти сюда.

— Я даже не могу позволить себе такси, а моя машина все еще сломана.

— Не беспокойся об этом, — говорит она. — Я позабочусь о тебе.

— Мне не нужна ничья забота, — говорю я, начиная злиться.

— Я знаю, но все же. Я все сделаю, хорошо? Для этого и есть друзья. Я организую машину, ты приедешь сюда, приятно проведешь время и, если захочешь, мы не будем ничего обсуждать. Пожалуйста. Не заставляй меня умолять.

— Но мне нравится, когда ты умоляешь.

— Как и Линдену.

— Так, все, я вешаю трубку.

Она снова хихикает.

— Прости. Все, святоша, будь готова к шести. У нас есть закуски, так что не беспокойся о еде для Авы. Линден умеет готовить. Держись, скоро увидимся. Все будет хорошо.

Я вешаю трубку, не хочу я быть среди людей, даже если это мои друзья. Но я также не хочу снова пить в одиночестве и валяться на диване, поддаваясь приступам паники.

К счастью, после быстрого душа и подготовки к вечеру, я слегка приободрилась. Видимо это от того, что я достаточно давно выходила куда-то, и примерка нарядов, я так это люблю, это заставляет меня чувствовать себя человеком. Я завиваю волосы, влезаю в джинсы скинни и белый топ без плеч, добавим красную помаду, и вот я уже знойная сеньорита, хотя, со светлой кожей и веснушками на носу, я на нее не очень то похожа.

Ава волнуется, ее берут на «вечеринку для взрослых». Она, кажется, копирует меня, долго выбирает наряд, и останавливается на наволочке со Спанч Бобом. Вместо этого я одеваю её в фиолетовое платье, и мы спускаемся вниз, подождать такси, взяв с собой ее автокресло.

Когда я вижу темно-синий Mercedes, подъезжающий к тротуару, мне любопытно, где Стеф его заказала.

Машина паркуется, я держу Аву за руку, не отходя от дома, я ведь не знаю, за нами ли приехали. Когда открывается водительская дверь, и показывается высокий джентльмен в костюме, я знаю, что это точно не за мной. Ни один водитель такси не может быть так хорош.

Это пока я не вижу его лицо.

Брэм. Мать твою. МакГрегор.

Я моргаю. Щеки краснеют, и я хочу, чтоб все это оказалось ошибкой. Брэм ведь не может быть здесь, чтобы забрать меня, или может? В последний раз, когда я видела Брэма, это было на свадьбе Стеф и Линдена, и даже если мы горячо целовались, потом он быстро нашел еще одну дурочку для перепиха. И говоря «быстро», я имею в виду буквально пару минут.

— Никола, — говорит он с этим шотландским акцентом, выглядя невероятно элегантно.

Ох, бл*дь. Он здесь, чтобы забрать меня.

Я чуть не уронила кресло.

Я сжимаю руку Авы и делаю глубокий вдох. Мне хочется убить Стефани, хотя я ведь никогда не рассказывала ей о том, чем занималась с ее шурином, так что она и не знает, как сильно я ненавижу Брэма.

Помните, что я говорила о гордости, и что у меня ее не мало. Ну, Брэм это, определенно, слишком.

А теперь я должна сесть с ним в машину, вместе с дочкой, и именно в тот момент, когда моя жизнь полная катастрофа.

Он смотрит на тяжелое кресло в моей руке.

— Нужна помощь?

Я так близка к тому, чтобы сказать «Спасибо, нет», и что я передумала насчет вечеринки. Но Ава тянет меня вперед к машине, как будто я никогда не говорила ей быть осторожной с незнакомцами.

— Давай, мамочка. У него такая блестящая машина.

Она подрастет и точно попадет в неприятности.

Я ненадолго встречаюсь взглядом с Брэмом, и этот придурок улыбается так, что у меня закипает кровь.

Полагаю, я собираюсь на вечеринку с Брэмом МакГрегором.

Вот дерьмо.

Глава 2

НИКОЛА

Я успокаиваюсь, выпрямляю спину и держу голову так же, как делала в средней школе, когда была новенькой, и меня еще не приняли в компанию этих девчонок с завышенным самомнением. Я уверенно смотрю на Брэма, пусть чувствую я себя совершенно иначе, улыбаюсь и подхожу к его машине, готовая с легкостью справиться с этой ситуацией.

Но он быстро обходит машину и подходит ко мне, беря кресло из моих рук. Я готовлюсь снова почувствовать его запах, запах сигар и мяты, но на этот раз это что-то свежее и насыщенное, словно лес после дождя.

— Я сама могу справиться с этим, — говорю я. Ничего не могу поделать, знаю, возможно, я веду себя как сука.

Он, кажется, ничего не замечает, и, прежде чем я могу его спросить, знает ли он, что делать, он открывает заднюю дверь и ставит кресло на место как профессионал.

Я почти поражена.

— Ты что, всегда подвозишь мамочек?

Он поднимает бровь.

— Не таких красивых, как ты. — Он смотрит на Аву и приседает, чтобы быть с ней на одном уровне. — Как тебя зовут, малышка?

— Я не малышка, — хмурится она. — Я Ава. И я большая девочка.

Он кивает, его лицо искреннее. Теперь, когда я смотрю на него при тусклом дневном свете, он выглядит иначе, чем я запомнила шесть месяцев назад. Старше, я полагаю, хотя знаю, что ему где-то около тридцати пяти. Может это костюм, и то, как идеально он на нем сидит, заставляет его выглядеть старше, более зрелым. Может быть, дело в машине. Может быть, это из-за парочки седых прядей, которые я замечаю в его густых темных волосах. Может быть, потому что я трезвая, как и он. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Итак, этим вечером ты трезвый водитель? — спрашивая я, поднимая Аву и усаживая ее в кресло. — Или ты проспори́л?

— Я никогда не проигрываю спор, — ровно говорит он, стоя позади меня. Я быстро оглядываюсь через плечо и застаю его за рассматриванием моей задницы.

— Хорошенько рассмотрел? — я выпрямляюсь и разворачиваюсь.

— Твою задницу? — спрашивает он, засовывая руки в карманы таким мальчишеским жестом. — Да. Но только потому что знаю, тебя это так раздражает. Знаешь, нет ничего хотя бы отдаленно такого же сексуального.

Мои глаза расширяются, и я смотрю на Аву. Она совершенно не обращает на нас внимания, и я осторожно закрываю дверь.

— Послушай, — быстро говорю я, указывая на него. — Ты можешь думать, что знаешь меня, после нашей маленькой...встречи, но это не так.

Он протягивает руку и хватает мой палец. У него теплая и удивительно мягкая кожа. Несмотря на то, что у него есть такое тело, уверена, Брэм заработал свои деньги не тогда, когда целыми днями рубил деревья и делал прочую тяжелую работу.

— Эй, — говорит он хриплым голосом, по-прежнему удерживая мой палец. — Я знаю, что на самом деле мы не очень знаем друг друга, и когда мы в последний раз, эм, разговаривали, я, возможно, был слегка пьян. Как насчет того, чтобы начать с начала? Я Брэм МакГрегор.

Он поворачивает мою руку таким образом, что теперь мы обмениваемся рукопожатием. Я не уверена, что смогу сделать это так же легко, как и он, но я говорю.

— Хорошо. Я Николай Прайс.

— Приятно познакомиться, Николай Прайс. Могу ли я тебя подвезти?

Я киваю.

— Это было бы чудесно. — Я знаю, мой голос звучит натянуто, но ведь это только начало. Проблема в моей гордости, она редко позволяет мне что-то забыть.

К счастью, по дороге в квартиру Линдена в Нобб Хилл, Брэм ведет себя хорошо. Большую часть времени он болтает с Авой, поглядывая на нее в зеркало заднего вида, задавая ей вопросы, общаясь с ней как с взрослой. Я точно знаю, Ава его обожает, и к тому времени, как мы приближаемся к квартире, она смотрит на него влюбленными глазами. Это не хорошо. Разве она не может быть такой, как и ее мама, с подозрением относиться к людям, которые слишком ярко улыбаются и говорят слишком приятные вещи?

Хотя, если говорить о Брэме, у него как раз привычка все время говорить неправильные вещи.

— Итак, Никола, — медленно говорит он, пока мы несемся по дороге. — Ты ведь знаешь, я знаю о тебе совсем не много, Линден говорил, что ты работаешь в сфере моды, как и Стефани.

Работала, с горечью думаю я, но говорю лишь:

— Угу.

— Так что у тебя за работа?

— А что у тебя за работа? — спрашиваю я тоже самое у него. К тому же, мне это интересно. В прошлом Линден описывал Брэма как плейбоя (или «чертов кобель», такими были его точные слова), который ничего особенного не делал, только веселился в Нью-Йорке. Год назад он переехал в Сан-Франциско, я думаю для того, чтобы быть ближе к Линдену, в то время тот пережил страшную аварию с вертолетом, но на самом деле, я не знаю, чем он занимается, кроме как ослепляет своими идеальными зубами всех людей вокруг.

— Я домовладелец, — говорит он и, видя недоверие в моем взгляде, продолжает. — Серьезно. Если точнее, мне принадлежит жилой комплекс в СОМА (прим. пер. район Саут-оф-Маркет в Сан-Франциско). Между Фолсом и 12-й, рядом с Тайским рестораном.

Он смотрит на меня, будто я знаю, где это. Как и большинство новеньких в Области Залива, он считает, мы знаем каждый тайский ресторан в городе и каждого человека по имени Дан.

— Там не дешево. — Говорю я, поглядывая назад, пока мы ползем мимо машин. В этом городе так много отличных зданий, мест, за которые можно умереть, и я снова и снова задаюсь вопросом, кто же может себе позволить здесь жить. Однажды я познакомилась с водителем такси, который раньше работал дальнобойщиком и колесил по всей стране, он вырос в этом городе. Он сказал, что тогда в Сан-Франциско было полно детей. А теперь их здесь можно увидеть очень редко. Иногда мне кажется, что для меня и для Авы было бы лучше просто переехать в маленький городок, туда, где она узнает другую сторону жизни. А потом я думаю о моих мечтах, о своей карьере, и задаюсь вопросом, может быть для меня будет к лучшему, отказаться от них. Знаю, это звучит эгоистично с моей стороны, но я до сих пор не могу их отпустить.

— В жизни ничего не обходится дешево, — говорит Брэм, но я его практически не слышу. Надо заставить себя вернуться в настоящее, прекратить копаться в себе и забыть о своих заботах. Я ведь вышла сегодня погулять именно для того, чтобы отвлечься. Бог свидетель, у меня будет более чем достаточно времени для беспокойства.

— Я тебе надоел? — спрашивает он, и я поворачиваю голову, чтобы на него посмотреть.

— Нет. Прости, я просто задумалась.

— О чем?

Я поднимаю бровь.

— Не думаю, что мы уже на том этапе, чтобы рассказывать друг другу обо всем, что мы думаем.

— Еще нет.

И такого никогда не будет, думаю я. Но я больше не хочу отвечать на вопросы о себе, поэтому прошу его рассказать мне больше об апартаментах, и заставляю себя слушать. Чем больше он рассказывает, тем больше я замечаю, какое он всему этому придает значение. Хотя, мне трудно сказать, что заботит Брэма, а что нет, у него всегда такое обаятельное выражение лица, будто он постоянно пытается забраться кому-то в штаны, будь это мужчина

или женщина. Но, когда он говорит об аренде здания, о том, сколько он должен платить по закладной, в его глазах появляется какой-то твердый блеск.

— Так зачем ты купил его? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Нужно же мне было что-то сделать.

— Ну, я бы не стала беспокоиться по этому поводу, — говорю я. — Арендная плата в этом городе просто феноменальная, даже в СОМА. Все предсказывали, что это будет следующим модным местом. Черт, держу пари, Тендерлоин тоже скоро им станет. Станет модно зависеть с крэковыми наркоманами, а на улицах будут стоять хипстеры. И моя аренда снова вырастет. — Он быстро бросает на меня взгляд, уловив грубость в моем голосе. Я стараюсь казаться беспечной. — В любом случае, уверена, ты купил это место в нужное время.

— Может быть, — говорит он, проводя длинными пальцами по темной щетине. У него такой мужественный подбородок, но я тут же начинаю ругать себя, что вообще это заметила. — Но, когда я покупал это место, я надеялся...ну, это не имеет значения, верно? Что сделано, то сделано.

И к счастью, прежде чем у него появляется шанс спросить меня о несуществующей работе, мы останавливается перед зданием Стеф и Линдена. Как только я вынимаю Аву из машины, открываются двери, и выходит Стеф, слегка пошатываясь на своих шпильках, неся при этом два бокала вина.

Замужество ей к лицу. Она прибавила в весе, но все ушло в грудь, вот несправедливость то. Её волосы цвета морской волны, как у русалки (или, если говорить точнее, нежно-голубые), и она всегда выглядит счастливой и довольной, будто только что занималась отличным сексом. Странно, но я не могу ненавидеть ее за это.

— Ник! — визжит она и летит ко мне так быстро, как только может, не разлив при этом вино. Она протягивает мне бокал красного и говорит. — Вот, выпей. Ты с нами. — Она пристально смотрит на меня, и на мгновение я ощущаю спокойствие.

Именно поэтому я никогда не могла ее ненавидеть. Она лучшая подруга, которую только можно хотеть.

Она бросает взгляд на Брэма и быстро улыбается, прежде чем присесть рядом с Авой.

— Ава, ты выглядишь как принцесса!

— Я и есть принцесса, — отвечает та. — А ты просто русалка.

Стеф поднимает голову в притворном превосходстве.

— Никто не может быть *просто* русалкой.

Ава, кажется, на секунду задумалась над ее словами, но тут она видит бокал вина в моей руке.

— Можно мне немножко? Я хочу пить.

— Ты всегда хочешь пить, — говорю я ей. — Это взрослый напиток для мамочки. Когда зайдем внутрь, я дам тебе немного сока, хорошо?

Она кивает и облизывает губы. Она всегда хочет пить, но, кажется, в последнее время она стала пить все больше и больше. И она стала чаще просить есть. Я не знаю, куда в нее столько влезает. Она определенно не унаследовала фигуру от мамочки, не мои пышные бедра и икры. У нее тонкие ноги, руки словно пруттики, но врач говорит, что это совершенно нормально для ребенка ее возраста.

Я поворачиваюсь, чтобы поблагодарить Брэма за поездку. В конце концов, он ведь не

должен был приезжать и забирать меня, но он уже сел обратно в машину и отъехал, плавные линии Мерседеса спускаются с холма.

— Куда он? — спрашиваю я Стеф. — Мое автокресло все еще на заднем сиденье.

Она делает длинный глоток вина.

— Он поехал забрать с работы свое увлечение этой недели. Он вернется.

— Точно, — медленно говорю я. — Дай-ка угадать, супермодель?

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Наверное. Я еще ее не видела. Какой в этом смысл, если они все равно надолго не задерживаются?

— Я думала, ты пришьешь такси.

— На самом деле, он сам вызвался, — говорит она, поворачиваясь к зданию. — Сегодня он наш трезвый водитель.

Я хмыкнула, ничего не могу с собой поделать.

— Зачем ему это?

— Он сильно изменился с тех пор, как переехал. Он сблизился с Линденом, а так как это его день рождения, полагаю, он просто пытается быть хорошим братом и наверстать упущенное. — Она смотрит на меня через плечо. — К чему эти вопросы?

Почему я спрашиваю?

— Просто так.

— Тебе ведь не очень нравится Брэм, да? — спокойно замечает она и прикладывает свою карточку к домофону, дверь открывается.

— Мне нравится Бэм, — говорит Ава, коверкая его имя. Я не собираюсь ее исправлять.

— Нет, тебе он не нравится, — говорю я. — Тебе просто нравится все блестящее, например, его машина.

— Мне нравится Бэм, — повторяет она, на этот раз настойчивее.

Я смотрю на Стеф, она с интересом поглядывает на меня.

— Что?

— Не знаю. После свадьбы, каждый раз как я произношу его имя, тебя буквально передергивает. Что-то случилось?

Я качаю головой, пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица.

— Потому что, — продолжает она заговорщическим тоном и вглядывается в мое лицо, — Кайла говорит, что видела как вы с Брэмом держались за руки, выходя из кустов. Ты держала его руку.

— Кайла здесь? — потому что я собираюсь ее придушить.

— Она придет позже, в бар, — говорит она. — Так что, это правда?

— Это было когда... шесть месяцев назад, я уже и не помню. Возможно, мы о чем-то разговаривали, но это все, клянусь. — *И тебе придется долго ждать, чтобы вытянуть из меня подробности, Стеф*, мысленно добавляю я.

Она поднимает бровь. Как правило, большинство людей не очень то хорошо умеет читать меня. Полагаю, им недостаточно того, что я делаю или говорю. Но Стеф, она всегда все видит без лишних слов, от нее ничего невозможно скрыть.

— Только разговаривали, — повторяет она, нажимая кнопку лифта. — Ну, тогда все в порядке. Что ж, я рада, что вы только болтали, потому что ты и сама знаешь, он тот еще прохвост.

— Ты ведь только что рассказывала, как сильно он изменился!

— Да, изменился. Но я все ж не позволю никому из подружек встречаться с ним. Ну, может быть Кайле да, но не тебе.

— Ну об этом тебе точно не стоит беспокоиться. Он определенно не мой любимчик. Ты знаешь мое мнение о подобных парнях.

— Знаю, да, — говорит она. — Но я ведь должна за тобой приглядывать. Ты помнишь, когда ты влюбилась в гинеколога? Ты бы ему точно что-то сказала, если б я не взяла с тебя обещание этого не делать.

От воспоминаний мои щеки тут же краснеют.

— Он был таким хорошим. И таким взрослым, таким опытным.

— Он опытно вел себя с твоим влагалищем, это его работа.

Через пару минут мы входим в ее квартиру, и я рада, что мы оставили эту тему. Из динамиков звучит музыка, и мы находим Линдена, его лучшего друга Джеймса и его девушку Пенни на кухне. Они пьют пиво и смеются.

— Боже, как громко! — визжит Стеф и бежит к стереосистеме, чтобы убавить громкость. Она посылает мне извиняющийся взгляд, а на остальных смотрит совсем не по-доброму. Забавно наблюдать, как порой она уж слишком печется об Аве.

— Извини! — кричит Линден, а затем, замечая меня, свистит, оглядывая меня с ног до головы. На секунду мне кажется, что он так похож на брата — та же дерзка улыбка с ямочками, те же темные брови, густые волосы и волевой подбородок. Но когда он подходит и притягивает меня в объятия, я ничего не чувствую, не возникает ни одной задней мысли. Нет, ничего общего с Брэмом.

Он отстраняется, удерживая меня на расстоянии вытянутой руки.

— Ты выглядишь довольно изящно, леди.

— Изящно? — повторяю я. — Никогда не слышала от тебя ничего подобного.

— Я всегда был оригинальным, — говорит он, подмигивая.

Затем он здоровается с Авой, которая застенчиво улыбается ему, как и всегда. С тех пор, как она узнала, что он может летать, пусть только на вертолете, она всегда терялась, когда он рядом, словно он какой-то супергерой.

Я говорю привет Джеймсу и Пенни, делая комплимент новым алым очкам Пенни, украшенным стразами. Они всегда были немного неформалами, и я всегда чувствовала себя скучной, видя их тату, пирсинг и веселую жизнь. Джеймс владеет нашим «местным» баром, The Burgundy Lion, а Пенни в настоящее время работает в веб-дизайне для порно сайтов. К счастью, они очень милые.

Я даю Аве чашку апельсинового сока с водой (я стараюсь не давать ей много сладкого) и следующие полчаса потягиваю вино и слушаю разговоры. Когда кто-то начинает говорить о работе, Стеф ловко меняет тему, зная, что я не готова говорить о произошедшем.

Пока Линден готовит макароны с сыром для моей голодной обезьянки, а я уплетаю канапе и ролы с креветками, которые он приготовил для нас, я все время задаюсь вопросом, когда же вернется Брэм. Только потому что я должна знать, когда я получу назад свое автокресло, он ведь не собирается отвезти меня обратно домой. Не уверена, что его новой подруге, или кто там она ему, будет это приятно. Но, предполагаю, это своего рода данность, если ты имеешь дело с кем-то вроде него.

Будто услышав мои мысли, входная дверь открывается и входит улыбающийся Брэм под ручку с тощей цыпочкой, она одета в серебристое платье с блестками, в ушах огромные серьги-кольца, светлые волосы подняты наверх и закреплены серебряной заколкой. Если она

встанет под огни в середине комнаты, она будет светиться словно чертов диско-шар.

Я, как обычно, за две секунды делаю свои скоропалительные выводы. Сиськи не настоящие. Губы тоже, и зубы, да. Да она вся ненастоящая. Порой я думаю, *и когда я успела стать такой язвой.*

Я двигаю плечами, будто пытаюсь прогнать негативные эмоции, и пытаюсь быть паинькой, пока Брэм представляет ее всем как Астрид. Астрид говорит привет, мы говорим привет, и они оба исчезают на кухне.

Да, так я здесь единственная без пары. Я даже не могу использовать Аву, потому что она все уплетает и уплетает то, что приготовил Линден. Стеф почти постоянно болтает о сумочках и обуви, хотя я знаю, она тайно умирает, как хочет поговорить о реальных проблемах в моей жизни. Тем не менее, она остается верна своему слову и молчит об этом.

В конце концов, становится поздно. Ава спотыкается об меня в явной голодной коме и тянет меня за джинсы.

— Мамочка, я не могу найти свою кровать, — говорит она.

— Потому что ты не дома, — отвечаю я. И тут Стеф объявляет, что они вечеринка переходит в бар в Лоуэр Хейт. Идеальное время.

— Я вас подброшу, — говорит Брэм, появившись ниоткуда. Он смотрит на Стеф. — Это по пути. Могу захватить еще кого-нибудь.

Я смотрю на Астрид, интересно, что она обо всем этом думает, но она просто стоит и улыбается. Я ей так завидую. Не ее подтянутому телу и гладкой коже, а тому, что она, кажется, совсем неревнивая, не такая, как я.

— Мамочка, кто все эти люди? — спрашивает Ава. Мое сердце пускается вскачь, но тут я вспоминаю, что такие вечеринки могут смутить маленького ребенка.

— Это мамочкины друзья, — объясняю я. — Мы собираемся домой, хорошо? Брэм отвезет нас домой на своей блестящей машине, помнишь? Бэм?

Она не кивает, просто смотрит на меня с тупым выражением лица. Бедная малышка, должно быть она так утомилась. Как и я. Когда вечеринка подходит к концу, вам хочется лишь добраться до своей постели, и дорога от того места, где вы находитесь, до дома, обычно кажется тянется целую вечность.

К счастью, вскоре мы оказываемся в машине Брэма. Астрид сидит спереди, я, Ава и Стеф на заднем сиденье. Заднее сиденье точно не предназначено для троих, а у нас ведь еще и автокресло, поэтому Стеф сидит наполовину на мне и хихикает.

Проходит минут пять, как Брэм ведет свой спортивный автомобиль, когда Ава издает рвотный звук. Воздух наполняет отличительный запах фруктов и я вижу, что Аву стошнило.

— Господи, — говорю я. — Ава ты в порядке?

Я пытаюсь повернуться и кладу ей руку на лоб. Она такая горячая и влажная, ее глаза дикие, она резко дышит.

Все внутри меня застывает, на меня накатывает паника, мне страшно. Но я отталкиваю ее. Надо действовать.

— Что такое? — кричит Стеф мне на ухо, Брэм тут же выключает радио и прижимается к обочине.

— Я не знаю, — мой голос дрожит. Я убираю волосы Авы с лица, и как только мы останавливаемся, Брэм включает в машине свет.

Теперь я все вижу и я в ужасе. Рвота покрывает переднюю часть ее платья, сама она бледная как мел. Она еле держит голову, а когда смотрит на меня, такое чувство, будто она

меня не узнает.

Не думаю, что когда-либо мне было так страшно.

— Мамочка? — наконец говорит она, ее дыхание странное.

Я хватаю ее руку и сжимаю.

— Все хорошо, мой ангел, мамочка здесь.

— У тебя есть врач? — спрашивает Брэм. — Или нам надо в больницу?

Я не хочу признаваться прямо сейчас, что у меня нет страховки.

— Сейчас попробую позвонить доктору, — говорю я, пытаюсь найти в сумке телефон, но у меня так дрожат руки, что я роняю его.

Стеф поднимает его и говорит.

— Давай отвезем ее в отделение экстренной медицинской помощи.

Я качаю головой.

— Нет. Просто...

Но я знаю, если я попытаюсь позвонить врачу, он не ответит. У меня нет его домашнего, а клиника уже закрыта.

— Никола, все в порядке, — говорит Стеф, сжимая мою ногу. — Давай отвезем ее в больницу. На всякий случай. Это может быть аллергия.

— У нее ни на что нет аллергии.

— Но она ведь может появиться совсем неожиданно, когда ты ребенок, разве нет?

— Верно, — говорит Брэм, и я, наконец, смотрю на него. Он пытается вести себя как обычно, но я вижу беспокойство на его лице. — Когда я был ребенком, у меня ни с того ни с сего появилась аллергия на клубнику. Меня стошнило на глазах у всего класса, и на глазах миссис Хавершман, в которую я тогда был безумно влюблен.

Я даже не могу улыбнуться на это признание. Я просто киваю, зная, что я должна делать то, что будет лучше для Авы, даже если это будет стоить безумных денег.

— Поехали, — говорю я ему. — В любую больницу, все равно куда. Куда там ближе.

Он кивает, и мы несемся вниз по улице, Брэм ведет машину словно маньяк, или он просто пытается повторить сцену из Пули (прим. пер. фильм 1996 г. с Микки Рурком в главной роли)? Мне все равно. Я слушаю дыхание Авы, пытаюсь ее успокоить, даже если сама я себя спокойной не чувствую.

Вскоре мы подъезжаем к отделению экстренной помощи, и я вылетаю из машины, чтобы отстегнуть Аву. Я беру ее на руки и бегу в больницу. Аромат спирта и крови заполняет мой нос. Неожиданно деньги, это последнее, о чем я думаю. Все, чего я хочу, увидеть доктора и как можно скорее. На уме куча разных версий, одна хуже другой.

Что с ней не так? Я сделала что-то не так? Она умрет? С ней все будет хорошо? Что я могла сделать, чтобы этого избежать?

Мне так хочется, чтоб здесь был Фил.

Я не часто об этом думаю. Но он был с нами в первый год ее жизни, и так трудно забыть, что кто-то заботится он ней так же, как я. Опять же, если бы он так заботился о ней, он бы никогда не ушел. Иногда я думаю, что было бы лучше, если бы он уехал сразу же, как узнал, что я беременна, вместо того, что оставаться на год. У него был шанс узнать ее — как он мог не влюбиться в нее, так как я? Я понимаю, почему он оставил меня. Я не обращала на него внимания, стала заботливой, одержимой мамашей, которой клялась никогда не быть. Но как, черт возьми, он мог оставить ее?

Я проглатываю комок в горле, острые, как бритва воспоминания, могут меня погубить.

Я должна быть сильной. Всегда такой чертовски сильной.

Поскольку народу много, проходит, кажется, вечность, пока мы ждем врача. Стеф постоянно кричит на регистратора, Брэм с Астрид, видимо, бродят где-то поблизости, хотя, мне нет дела ни до чего, кроме дочурки в моих руках. У Авы по-прежнему проблемы с дыханием, и только когда ее снова тошнит, медсестра уводит нас прочь от стонущих, перевязанных, больных людей в зале ожидания.

Все происходит словно в тумане. Приходит врач, но я слышу лишь стук своего сердца, а не его имя. Его лицо, словно размытое пятно. Стеф держит меня за руку, но я чувствую лишь мою маленькую Аву.

Он кладет Аву на кровать и осматривает ее. Берет кровь. Задает вопросы.

— Что она ела?

Стеф говорит, что макароны с сыром, и я добавляю, что обычно у нее на них нет никакой реакции.

— Что она пила?

Я говорю, что давала ей апельсиновый сок с водой.

Тогда Стеф говорит, что Линден давал ей еще и колу без кофеина.

Для меня это новость, Стеф выглядит сконфуженной. Я изо всех сил стараюсь кормить Аву только полезной пищей. Кола это враг, как и прочие подобные напитки, диетическая или нет, не важно. Но я не понимаю, разве кола могла стать причиной всего этого?

Доктор кивает, а затем снова продолжает допрашивать меня о ее привычках, задает еще больше вопросов.

— Она абсолютно здорова, — защищаюсь я. Потом я вспоминаю несколько последних поездок к врачу. — Хотя, в последнее время она была очень вялой. Уставшей, часто раздражалась.

— Как долго это продолжается?

— Несколько месяцев. Но врач, ее врач, сказал, что она в порядке.

— Она всегда была такой худой?

— Где-то с января она стала худее, чем была, — быстро объясняю я. — Я сказала это доктору, но он заверил, что все в порядке.

— Да, так бывает, — говорит врач. — Но я думаю, здесь что-то другое. Ваша дочь много пьет?

Этот вопрос попадает в цель. Я помню как сама росла и чаще предпочитала пить, чем есть, поэтому мне никогда не казалось это странным, когда Ава хотела того же.

— Да, — осторожно говорю я, оглядываясь на Стеф. Она кивает.

— Миссис...

— Мисс, — быстро поправляю я. — Мистера у нас нет.

Его непроницаемое лицо теперь выражает сочувствие.

— Хорошо, мисс Прайс. Нам надо посмотреть на результаты, но судя по всему, у вашей дочери диабет первого типа.

Я задыхаюсь. Ничего не могу с собой поделать. Стеф крепко удерживает мою руку, но я словно ооченела.

Он продолжает.

— То, что она переживает сейчас, это может быть диабетический кетоацидоз. Вы знаете, что такое кетоновые тела, мисс Прайс?

— Вещества, которых слишком много производит ваше тело, когда вы сидите на диете

Аткинса. — говорит Стеф.

Он поднимает бровь.

— Да. Мы возьмем у нее пробу мочи, чтобы узнать ее уровень данных тел, на данный момент мы введем ей гипотонический раствор натрия, чтобы восполнить потерю жидкости и стабилизировать ее. Но нам, возможно, придется сделать ей инъекцию инсулина. И если так, то вам придется делать ей инъекции каждый день, до конца жизни.

Я не могу дышать. Диабет?

— Но в семье ни у кого нет диабета, — вырывается у меня. — Она всегда так хорошо ест. Здесь должна быть какая-то ошибка.

— В ближайшее время мы все узнаем точно, — говорит он. — Но не всегда у диабета первого типа есть что-то общее с диетой и наследственностью. Просто ее поджелудочная вырабатывает не достаточное количество инсулина. Посидите здесь, я скоро вернусь.

Я не знаю, как долго его нет. Ава все еще тяжело дышит, ее глаза закрыты. Я продолжаю с ней разговаривать, чтобы убедиться, что она не уснула, но она очень устала. Медсестра уверяет меня, что ее жизненные показатели лучше, и она вне опасности, мы привезли ее в нужное время. Но паника и чувство вины по-прежнему давит на меня словно огромное, темное облако.

Я понимаю, что здесь, рядом со мной Стеф, она нарядилась и сейчас она пропускает вечеринку в честь дня рождения мужа. Но я так же боюсь сказать ей, что она должна идти, я боюсь остаться здесь одна.

Поэтому я ничего не говорю, и мы просто сидим рядом.

Время все тянется и тянется. И вот возвращается доктор.

Плохие новости.

Глава 3

НИКОЛА

У Авы сахарный диабет первого типа. У меня занимает время, чтобы осознать это, и я даже испытываю какое-то облегчение, поняв, что у того, что случилось с ней, есть диагноз. Я понимаю, что это хреновый диагноз — диабет — слово с кучей ассоциаций.

Болезнь.

Лечения нет.

Моя маленькая девочка.

Внезапно я начинаю злиться на ее доктора, он никогда не осматривал ее, никогда не проводил нужные испытания.

— Она довольно молода, — говорит доктор, видя ярость на моем лице. — Обычно это происходит в период с восьми до десяти лет. С ней все будет хорошо, она проживет долгую и счастливую жизнь, пока будет получать инъекции.

— И сколько это стоит? — я не могу поверить, что ляпнула такое.

Он потирает лоб.

— Если у вас нет страховки, примерно триста долларов в месяц. Это инсулин. Также вам понадобятся иглы, шприц-ручка с инсулином, если вы не дома, и монитор для контроля уровня сахара.

Я даже не представляю, какой будет счет за больницу, а тут еще и триста долларов

каждый месяц, чтобы сохранить Аве жизнь. Очевидно, что выбора у меня нет, я заплачу. Но не имею представления как, это и пугает меня больше всего.

Стеф обнимает меня и говорит слова утешения, говорит, что она мне поможет, но я никогда не позволю ей это сделать. Прямо сейчас я вообще мало что понимаю.

Врач вводит Аве инсулин в живот, показывая мне, как это делается. Я заставляю себя сосредоточиться, пытаюсь прорваться сквозь туман и внимательно слушать. Ава, кажется, ничего не замечает, она лишь слегка извивается, но все так же спит. Стеф тоже внимательно следит за всем, говоря мне, что, возможно, когда-нибудь и ей придется это делать, если я не смогу.

А потом, видимо по доброте душевной, врач отдает мне флакон с инсулином и пакет с иглами и говорит, что этого хватит на месяц. Он так же выписывает рецепт для Авы и говорит мне, что нам все еще нужен монитор, он быстро показывает мне на мониторе больницы как им пользоваться, чтобы убедиться, что уровень сахара в норме. Он так же говорит, что позже я могу воспользоваться услугами медсестры или специального человека, которые снова покажут мне, как все делать правильно, а так же помогут скорректировать ее диету.

Тяжело принять все это, и я не знаю, как справлюсь с этим. Знаю, что мне надо увидеть врача Авы и высказать ему все, что я о нем думаю. Надеюсь, он сможет мне объяснить, как, черт возьми, он это упустил.

Еще несколько часов Ава остается под наблюдением. Время идет медленно, особенно ночью, особенно в больнице.

Постепенно, она начинает выглядеть лучше. Она все еще спит, но ее кожа нормального цвета, дыхание ровное. Медсестра говорит мне, что через час я могу забрать ее домой.

Я смотрю на Стеф, она бледна от усталости.

— Пожалуйста, иди домой, — говорю я. — Я так тебе благодарна, что ты была здесь со мной рядом, но теперь я справлюсь сама.

Она нежно мне улыбается.

— Хорошо. Но только если ты честно этого хочешь.

— Честно, — говорю я ей. — И скажи Линдену, что мне очень жаль.

— Это не твоя вина, — говорит она, вставая со стула и потягиваясь. — И скажи это Линдену сама. Он здесь уже пару часов.

— Что?

— В зале ожидания, вместе с Брэмом, — она хмурится. — Я же тебе говорила, но ты видимо не слышала меня, и не заметила, куда это я бегала каждые пять минут.

Я качаю головой.

— И Брэм тоже все еще здесь? С этой блондинистой шведкой?

— Ха, — говорит она. — Она вытерпела две минуты и заставила Брэма отвезти ее к подруге. Не то чтобы я ее винила. Хотя, я удивлена, что Брэм вернулся. Я посмотрю, сможет ли он отвезти нас с Линденом домой, а потом вернуться за вами.

— Нет, — быстро говорю я, не желая, чтоб кто-нибудь еще что-нибудь делал для меня. — Все в порядке, я возьму такси.

— Никола, — предупреждает она, останавливаясь у двери. — Деньги, которые ты собираешься потратить на такси, лучше потратить на здоровье дочери. К тому же, у него твое автокресло. Уверена, он не против. Милая, позвони мне утром и передай Аве, что я ее люблю. Я приду и что-нибудь принесу ей, а потом мы сможем сходить за лекарствами и

прочим. Я отвезу тебя в Target. Уверена, у них хорошая аптека. Если нет, то, по крайней мере, там есть дешевое пиво.

После того, как за ней закрывается дверь, я ощущаю холод и слабость. Я бесконечно благодарна Стеф, что она была здесь, но теперь, когда мы с Авой остались одни, я чувствую, что, наконец, могу побыть самой собой и испытать то, что подавляла всю ночь.

Только слезы не приходят. Ничего не приходит. Я или в шоке, или просто слишком устала чтобы осмыслить эту чудовищную, безвыходную ситуацию — эту гребаную ужасную действительность.

Около трех утра приходит медсестра, проверяет Аву и улыбаясь говорит, что можно идти домой. Она убирает капельницу, и я одеваю ее в ее одежду, добрая медсестра уже почистила ее платье.

Я поднимаю Аву на руки, повыше, так, что она обвивает свои маленькие ручки вокруг моей шеи. Я просто стою и дышу, позволяя своему сердцу немного отдохнуть.

Я выхожу из палаты, иду в холл, и я в шоке, когда вижу, как в зале ожидания сидит Брэм. Он спит в кресле, но он правда здесь, хотя и не должен.

Я минуту смотрю на него. Ноги вытянуты, на нем все еще тот же щегольский костюм, хотя сейчас я замечаю что он надел уродливые носки. На самом деле это выбивает меня из колеи — они коричневые с желтым, на них что-то типа лохнесского чудовища, и они совершенно не сочетаются с его дорогим костюмом (Армани, судя по всему) или тем фактом, что ему за тридцать. Голова откинута назад, кадык выставлен на всеобщее обозрение, глаза закрыты. Он будто в трансе, если б я не слышала легкое похрапывание.

Я подхожу к нему и заглядываю в лицо. Я никогда раньше не рассматривала его так пристально, я ведь не хотела, чтоб он поймал меня — его это может принять это за то, чего на самом деле нет.

Хотя, полагаю, у него есть полное право восхищаться собой. У него красивое лицо. Темные брови, твердая линия подбородка, идеальные губы, которые растягиваются в идеальную улыбку, хитрые серые глаза, они будто вот-вот откроют тебе какой-то секрет, а не просто поиграют с тобой. Он словно большой кот, очень, очень большой.

Но большие коты опасны, они такие гуляки. Я выпрямляюсь и прочищаю горло.

Он распахивает глаза и пару раз моргает, глядя на меня.

— Который час? — он смотрит на Аву. — Она в порядке?

Я улыбаюсь.

— На данный момент она в порядке. — Я делаю паузу. — Мне жаль, что тебе пришлось нас ждать. Я бы взяла такси.

— Эй, моя невестка попросила отвезти тебя домой, а ради семьи я сделаю все, — ворчит он, вставая. — Я рад, что малышке стало лучше.

Я киваю, не в силах сказать больше. Мы выходим из больницы и идем к машине. После того, как я пристегнула Аву и села, мы оказываемся на дороге, я хочу поблагодарить его за то, что он нас подвозит, но слова застревают у меня в горле.

— Ты в порядке? — спрашивает Брэм, когда я неоднократно прочищаю горло.

— Спасибо, что возишь нас, — говорю я, мой голос больше похож на шепот.

— Не беспокойся об этом, — говорит он. В свете проезжающих машин выражение его лица становится мрачным. — С тобой все хорошо?

Я снова киваю, пытаюсь улыбнуться, но давление в носу и в глазах нарастает, и я чувствую, будто разрушаюсь изнутри. Я отвожу взгляд и смотрю в окно, и во второй раз за

два дня осознаю, что полностью теряю контроль над ситуацией.

Сначала приходят слезы, рыдания так и рвутся наружу. Мне хочется плакать уже от того, что это происходит перед Брэмом. Перед тем, кого я едва знаю. Я плачу от безысходности, разочарования, этот постоянный вопрос — ну почему я? Вечеринка жалости к себе, я знаю. У меня такие постоянно. За исключение того, что теперь мне страшно за себя и за Аву. Страшно, что для того, чтобы пройти через все это, мне надо полностью изменить свою жизнь.

Брэм ничего не говорит, полагаю, это хорошо. Он просто игнорирует меня, и я надеюсь, что он продолжит в том же духе. Он продолжает вести машину.

И тогда я начинаю говорить. Как только я открываю рот, я понимаю, это ошибка, но никак не могу заткнуться.

— Меня вчера уволили, — говорю я между рыданиями. — Мне оставалась неделя до оформления медицинской страховки. Аренда за мою гребаную, дерьмовую квартиру снова выросла. Машина сломана. А теперь еще и Ава заболела. Она серьезно больна, и я понятия не имею, как я собираюсь платить за лечение, как я собираюсь помочь ей стать лучше, как я вообще собираюсь быть хорошей мамой. Хорошая мама всегда все может, а я не могу. Я просто...ни на что не гожусь. Я не могу сохранить работу. Я получила профессию мечты, но это не практично. У меня нет ничего, кроме нее, но я даже не знаю, как смогу сохранить ей жизнь. Я имею в виду, я не просила о такой ответственности, нет. Но я обещала о ней заботиться, и то, как каждый раз мир словно испытывает меня, это паршиво. — Я делаю паузу, пытаюсь придумать что-то позитивное, чтобы остановить слезы, но ничего не выходит. — Инсулин будет стоить триста баксов в месяц. Как я смогу оплатить его, если я едва ли могла платить аренду, а теперь вообще осталась без работы?

В машине полная тишина, слышно лишь мое рваное дыхание. Проходит несколько минут, и Брэм говорит.

— А твои родители?

Полагаю, он имеет в виду, что достаточно долго зависел от денег своих родителей.

Я сглатываю и качаю головой.

— Нет, мама и так помогает, как может. Она два раза в неделю остается с Авой. Но она чертова горничная. Ха, если б ты знал меня, когда я росла, ты бы в это в жизни не поверил. То, кем она стала...Но она сделала кучу ошибок и теперь потеряла все это и...ей не намного лучше, чем мне.

— Понимаю. А отец?

— Он хороший парень. — Я вытираю слезы ладонью. — Но я разговариваю с ним только раз в месяц. Он занимается благотворительностью в Индии и Юго-Восточной Азии. Если у него есть деньги, он помогает.

— Так он может тебе помочь.

— Это не то же самое, — говорю я. — Он помогает тем, кто действительно нуждается.

— Звучит так, будто ты нуждаешься.

Я чувствую, как он смотрит на меня. Я смотрю на свои руки.

— Я не буду у него просить. Не хочу, чтоб он думал, что со мной что-то не так. — Уголком глаза я вижу, как Брэм кивает, и снова молчание. Я чувствую себя хуже, чем раньше.

Вскоре мы останавливаемся перед моим многоквартирным домом. Сквозь слезы я вижу бомжей и прочую шваль, слоняющуюся по улице. Ночью их всегда больше.

— Я провожу тебя, — говорит мне Брэм, и по твердому тону его голоса я понимаю, мне лучше не спорить. — Не могу поверить, что ты здесь живешь. Ты не должна здесь жить.

Я должна чувствовать себя оскорбленной, но нет.

— Я тоже не могу в это поверить, — шепчу я. Я выхожу из машины, и Брэм стоит рядом, внимательно глядя, чтоб ко мне никто не подошел, пока я достаю Аву. Он быстро снимает кресло, ставит машину на сигнализацию, и мы проходим внутрь.

Оказавшись в холле, я беру у него автокресло, но он не отдает. Нет больше высокомерной ухмылки, он чертовски серьезен.

— Я провожу тебя до квартиры, — говорит он. — Я не доверяю твоим соседям, я знаю, что это такое, ходил в школу в Глазго. Я хочу убедиться, что ты в безопасности.

— Тебе не надо этого делать, — говорю я, все еще удерживая кресло.

— Мне ничего не нужно делать, — отвечает он. — Но я хочу. И я это сделаю.

— Твоя машина...

Он смотрит сквозь дверь на улицу.

— Моя машина в порядке. Она на сигнализации, они это знают. И она громкая. Они не посмеют.

Я неохотно отпускаю сиденье и иду вверх по лестнице на второй этаж. Я останавливаюсь у своей двери и достаю ключи. Я действительно не хочу, чтоб он видел мою квартиру, не хочу, чтоб входил. Это странно, но мне кажется, он подумает, что знает меня, что понимает, будто у него сложится определенное мнение обо мне, стоит ему взглянуть на мою мебель, фотографии. Хотя, после моей истерики в машине, он и так достаточно обо мне узнал.

— Мы пришли, — говорю я, вымученно улыбаясь и глядя недружелюбным взглядом, я так делаю, когда хочу, чтоб меня оставили в покое.

Он облизывает губы и кивает.

— Хорошо, — он ставит сиденье напротив двери. — Мне лучше вернуться домой. Но... послушай. — Он кладет руку на дверь и наклоняется так близко, что я вынуждена слушать. Черт, да я практически под гипнозом. — Я знаю, я, вероятно, не твой любимчик, но это нормально. Но, я честно думаю, что могу тебе помочь.

— Помочь мне? — слишком громко говорю я. Ава кладет голову мне на плечо.

Он достает из бумажника визитку и протягивает мне.

— Позвони мне. Завтра. И мы поговорим. У меня есть решение. — Он смотрит на спящую Аву, потом на меня. — У нее отличная мама. — Затем он идет по коридору и вниз по лестнице.

Он уходит прежде чем я смогу снова сказать спасибо.

Глава 4

БРЭМ

— Детка, дай мне подрочить на твои сиськи. — Говорю я Астрид умоляющим тоном, и не очень-то этим горжусь.

Она смотрит на меня, мой член в ее руке, в уголках ее влажных губ слюна и эякулят. Она чертовски великолепна, несмотря на то, что порой её безумный вид приводит меня в ужас. Я остаюсь с ней не из-за ее ума, это уж точно. Но, учитывая то, как сильно я пытаюсь

держаться подальше от своего прошлого, ради ее же блага, надеюсь, она не под коксом.

— Разве я плохо сосу твой член? — спрашивает она обиженным голосом маленькой девочки, прежде чем провести языком по пульсирующей головке.

Она хороша. Чертовски хороша. У меня нет никаких сомнений, где она набралась опыта. Не хочу об этом думать, как и она не думает о том, как мои губы и язык могут заставить ее кончить быстрее, чем она успеет выкрикнуть мое имя. Но, когда я написал ей днем, попросил прийти и заставить меня кончить, я рассчитывал трахнуть ее на полу. Или на кровати. Да где угодно, мне все равно.

Но у нее эти ее дни, так что мы делаем то, что делаем. Хотя, я совсем не против секса когда у дамы месячные. Это немного грязно, но так заводит. Но она, как и большинство, не в восторге от этой идеи. Не то чтобы я не наслаждался минетом, опять же, в этом она хороша. Но эта поза, когда она на коленях, заставляет мои мысли блуждать.

Я не хочу этого делать. Но в последнее время делаю слишком часто. Думаю о вещах, которые пытался похоронить, вещах, которые так или иначе всплывают и напоминают о себе.

К счастью, я почти готов кончить, так что я вытаскиваю член из ее рта и переворачиваю ее, надавливая на плечи так, чтоб она оказалась на полу. Пару раз поглаживаю себя и кончаю ей на шею, плечи, мне так нравится.

— Ты немного грубоват, — говорит она томным голосом, хихикая при этом.

И что в этом такого чертовски смешного?

— Только потому что тебе это нравится, — говорю я. Она обожает практически все, что я делаю, и полагаю это не из-за того, на что я способен в постели. Деньги говорят сами за себя.

— Стой так.

Я иду на кухню, беру бумажное полотенце и быстро вытираю сперму с ее спины. Задаюсь вопросом, какой самый легкий способ избавиться от нее? Если подумать, то мне вообще не надо было ее приглашать, но мне надо было что-то, чтобы отвлечь меня от мыслей о Николе.

Дело в том, что когда я даю девушке свой номер, я жду, что она позвонит. Они всегда так делают. И я дал его ей не потому что я хочу ее трахнуть или что-нибудь в этом роде. Я действительно хочу ей помочь. Я хочу этого. И она в этом нуждается. Это редкость, что все так складывается. Это редкость, что у меня есть все три составляющих.

Но уже два часа дня, а она так и не позвонила. Разве ей не любопытно? Разве она не в отчаянии?

Она, правда, так сильно меня ненавидит?

Я всегда знаю, когда женщина меня ненавидит. Знаете, это как прелюдия к срыванию одежды, интересный способ сделать наше общение более захватывающим. Есть женщины, которые меня ненавидят, а есть те, кто хочет моей смерти. Вот именно такое ощущение появилось у меня, когда в прошлом году в баре я впервые увидел Николу, я тогда только сюда переехал. Я-то просто считал ее чопорной выпендренницей, но она была так мила со всеми остальными и такой высокомерной со мной, что я не мог не принять это на свой счет. И, конечно же, я почувствовал себя так, словно мне бросили вызов.

Это до сих пор не дает мне покоя. После этого я видела ее пару раз, или около того, и каждый раз одно и то же. Холодный кивок, смертельный взгляд, будто я обидел ее в прошлой жизни. Когда я увидел ее на свадьбе брата, я подумал — а вдруг она изменила

мнение обо мне. Я поцеловал ее, знаю, я не должен был этого делать, но я и не мог этого не сделать. И на долю секунды я подумал — может быть, я смог бы её завоевать. Я видел что-то такое в ее глазах, что-то дикое и свободное, я просто хотел, чтоб она отпустила себя, как и эту чертовую тугую прическу, которую она тогда сделала.

Этого не случилось. Мой член переиграл меня.

Полагаю, теперь она меня на дух не переносит. Уверен, она видела, как я уединился с той цыпочкой в кустах, и, полагаю, я настолько взбесил ее, что дороги назад нет.

Тем не менее, когда вчера вечером я сказал, что мог бы помочь, я не просто пытался ей понравиться, как-то компенсировать прошлые ошибки. Ну, хорошо, может быть, и по второй причине тоже, но на самом деле у меня самые благие намерения.

Но, если она мне не позвонит, она этого никогда не узнает. А теперь у меня здесь Астрид, по пояс обнаженная, на полу моей квартиры, вытирает остатки моей спермы со своего тела, и я не знаю, как же мне ее выставить.

Я застегиваю штаны и притворно зеваю.

— Знаешь, думаю мне надо вздремнуть. Вечером мне надо поработать.

Она поднимается на ноги, ее задорные грудки покачиваются передо мной. Теперь она выглядит не безумно, а раздраженно. Хорошее изменение.

— Так ты что, пригласил меня сюда для этого, а теперь выгоняешь?

— Я тебя не выгоняю, — говорю я, хватая ее рубашку и кидая ей.

Она хмурится.

— Ты свинья, — говорит она, быстро натягивая рубашку и злясь.

— Я больше похож на борова, — поправляю я. — Они, как правило, больше.

— Сначала ты приглашаешь меня на вечеринку, а потом остаешься в больнице.

Я морщусь.

— Эй, никто этого не ожидал.

— Ну это ведь произошло, — говорит она, направляясь к двери. — И с меня хватит. Не звони мне больше.

Дверь захлопывается за ней.

А я и не собирался звонить. Большинство девушек не выдерживают со мной больше недели, потом с них достаточно. Они могут вести себя молчаливо и добродушно, но я знаю, у всех них есть границы, и я довольно хорошо о них знаю — я их проверяю. Кто-то скажет, что это грустно, но когда это ваша жизнь, вы научитесь принимать это.

Я беру свой телефон и смотрю на него. Никаких пропущенных вызовов, ни сообщений. У меня даже нет ее номера, чтобы самому ей позвонить.

Хотя, я могу позвонить братишке. Если он не за штурвалом вертолета, то он ответит.

Он отвечает на третьем гудке, но связь немного нечеткая.

— Да, что ты хочешь? — кричит Линден.

— Не говори, что ты в воздухе и тебе пришлось ответить.

— Вот-вот собираюсь взлететь. Что случилось?

Я прочищаю горло, интересно, как задать вопрос так, чтоб у него не сложилось неверное впечатление.

— Как девочка? Которая помладше?

— Ава? — спрашивает он, он повышает голос, пытаюсь перекричать винты, которые начали крутиться. — Она в порядке. Они сказали, у нее диабет, это своего рода шок. Ты ведь был там.

— Я знаю, что я там был. Я имею в виду, как она сейчас? Как ее мама?

— Полагаю настолько хорошо, насколько это возможно, учитывая ситуацию. Я не знаю. Я знаю, что сейчас с ней Стеф, она помогает. Она чертовски беспокоится. Ты же знаешь, как она может заботиться о близких.

Да, я это знаю. Стеф как мама, которой у нас никогда не было. Я не говорю это Линдену, а то он сюда еще Фрейда приплетет.

— У тебя есть ее номер?

— Николы? — спрашивает он. — Не в моем телефоне. Она есть у меня в Фейсбуке. Зачем тебе?

— Не важно, — говорю я, пауза. — Расскажи мне что-нибудь о ней.

— Что, зачем? Подожди. Нет, Брэм. Нет, — командует он, словно я какая-то дворняга.

— Да нет, я не поэтому спрашиваю.

— Верно, ты спрашиваешь не потому, что хочешь засунуть в нее свой член.

— Да честно, — отвечаю я. — Думаю, она заплачет, если увидит член в реальной жизни.

— Отлично, — сухо говорит он. — Во всяком случае, для тебя она под запретом. Она через многое прошла. Ей не нужен мой брат засранец, который еще больше испоганит ее жизнь.

— Засранец?

— Да, Брэм, — устало отвечает он. — Послушай, мне пора.

Он вешает трубку, и я матерюсь на телефон.

Я могу сделать только одно.

Вскоре я паркуюсь в гараже недалеко от Юнион-Сквер и иду пару кварталов пешком в самое сердце паршивого райончика Тендерлойн.

Кроме хороших музыкальных площадок, район просто кишит психами. Днем здесь не так уж и плохо. Я имею в виду, это не мило, но просто люди уж очень раздражают вас постоянным попрошайничеством, хоть они совсем не опасны. Если бы я был родителями Никола, да даже другом, я бы не хотел, чтоб она жила здесь. Думая о куче долбоебов, слоняющихся вокруг ее дома по ночам, я начинаю странно злиться.

К тому времени, как я дохожу до ее дома, восемь разных человек попросили у меня мелочь, а пробежавший мимо чувак с оторванным парковочным счетчиком сказал, что я «пахну словно хрустящий тост». Не уверен, что я пахну как тост, но сегодня жарковато. Меня предупреждали, что в Сан-Франциско временам года не ведомы правила и законы.

Я снимаю пиджак, провожу рукой по волосам, пытаюсь выглядеть респектабельно, и набираю на домофоне номер квартиры, который запомнил вчера ночью. Да, немного посталкерски, я знаю

— Кто там? — я слышу ее голос через трескучий домофон.

— Никола, это Брэм.

Снова треск. Молчание. Может, она повесила трубку?

— Из прошлой ночи, — продолжаю я. — И не только.

— Э-э, привет...

— Могу я войти?

Я слышу голос Стеф на заднем фоне.

— Кто это?

— Скажи ей, это ее деверь! — ору я, а затем меня отключают.

Я смотрю на дверь, интересно, послали меня или нет, и тут гудит домофон, я поднимаюсь наверх.

Самое забавное в Николе, те немногие вещи, которые я о ней знаю, это то, что она не должна жить в подобном месте — решетки на дверях, плесень на стенах, пятна на ковролине — это не для нее. Может быть, здесь могли бы жить хипстеры, или Джеймс с Пенни, другие неформальные друзья Линдена, которые бы назвали этот тип жизни «реальным». Но Никола слишком чопорная и правильная для этого места, должно быть она родилась во дворце. Судя по тому, как она рыдала и рассказывала все в моей машине, у меня чувство, что так и было.

Только я хочу постучать в дверь, она открывается, и Стефани смотрит на меня, подозрительно скривив губы.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она, загораживая вход.

— А ты кто, ее сторожевой пес?

— Ну, иногда я бываю сучкой, — говорит она. — Гав, гав.

— Могу я войти?

Она качает головой, ее серьги с черепами бренчат.

— Зачем?

— Хочу знать, все ли у них в порядке.

Она тут же нахмурилась.

— У них все будет в порядке, — говорит она спокойным тоном. — Извини, Брэм, не привыкла, что тебе есть до кого-то дело.

Полагаю, я это заслужил.

— Могу я поговорить с Николой? Наедине?

Стеф вздрагивает.

— Что?

Я смотрю за нее и вижу Николу. Она выглядит дерьмово. Волосы грязные, убраны назад, лицо желтоватого цвета, глаза опухшие и красные. Кроме печали на ее лице, я не могу больше ничего увидеть, счастлива ли она меня видеть, разозлилась или ей все равно. Держу пари, последний вариант.

— Привет, — говорю я ей. — Просто хотел проверить как вы. Ты не позвонила, — добавляю я.

Стеф смотрит то на меня, то на нее.

— Он дал тебе свой номер?

— Визитку, вообще-то, — иронично замечает Никола.

Стеф скрещивает руки на груди, и я изо всех сил стараюсь не смотреть на ее декольте. Черт, а Линден счастливчик. Хорошо, что я думаю о ней, как о матери.

— Что я тебе говорила? — шипит ей Стеф.

Я поднимаю бровь.

— Что ты ей сказала?

— Ничего, — быстро говорит она, смотря мне через плечо. Она словно насадка с зубами вместо клюва. — Я слежу за тобой, — говорит она мне.

Я развожу руки в стороны.

— Смотри сколько хочешь, детка. Я к этому привык.

Никола издает небольшой вздох.

— Все нормально. Брэм, ты можешь зайти. Только будь потише, Ава спит.

Победа! Я вхожу внутрь и быстро осматриваюсь. Выглядит словно коттедж модной

бабули. Той, которая везде раскладывает салфетки с оборками и рюшами, но любит слушать Rolling Stones на виниле, чтобы вспомнить те дни, когда она еще отплясывала под них.

Никола идет на маленькую кухню, там куча ярких чашек и тарелок.

— Хочешь кофе? Или чай?

Должен ли я признаться, что предпочитаю чай кофе? Черт!

— Чашку чая, если можно. У тебя есть цейлонский или Эрл Грей? Сливки?

Не могу видеть ее лицо, но знаю, что она не слишком впечатлена.

— У меня есть чай.

— Отлично, — говорю я, понимая, что за мной зорко наблюдает Стефани. — Что? — говорю я ей.

Она прищуривает глаза, указывая на меня пальцем, будто хочет что-то сказать, а затем берет сумочку.

— Ладно, Ник, — зовет она. — Я пойду. Позвони мне позже, хорошо? Пожалуйста? — Теперь я не уверен, пожалуйста, это из-за Авы, или потому что здесь остаюсь я.

— Позвоню, — отвечает Никола. — Спасибо за все.

— Люблю тебя! — тогда Стеф выходит, и я остаюсь наедине с Николой.

Внезапно все становится таким неловким. Кипит чайник, я сажусь на диван. Такое чувство, словно я погружаюсь в зефир. Боюсь, я не смогу встать.

Она молчит, так что я пытаюсь заполнить тишину.

— Хорошая квартира, — комментирую я.

— Спасибо, — говорит она, пока возится на кухне.

— Ты получила мебель в наследство от бабушки или как?

Она стреляет в меня убийственным взглядом.

— Это Anthropologie.

Я пожимаю плечами и пробегаясь руками по диванным подушкам. Я ощущаю все грубые неровности, которые появились, когда она зашивала дырки и протертые места. Не думаю, что она делала это из-за сильной привязанности к подушкам, скорее от необходимости.

— Как твоя малышка? — спрашиваю я.

Минуту она молчит. Затем тихо отвечает.

— Я думаю, мне труднее, чем ей.

Я слышу, как она наливает воду и звук ложки, ударяющейся о фарфор, она подходит, ставит чашку чая на журнальный столик передо мной, убедившись в том, что подставка уже стоит. Он черный.

— Прости, — говорит она, держа свою чашку и сядя на другой конец дивана, подтягивая под себя ноги, так далеко от меня, как только возможно. — У меня нет молока. У меня непереносимость лактозы.

Хоть она и сидит в углу дивана, кажется, ей удобно. Голова высоко поднята, подбородок вперед, рот вытянут в твердую линию. Я ничего не могу прочитать по ее глазам, так что перестаю пытаться.

— Ты получила лекарство? — спрашиваю я.

Она кивает и делает глоток.

— Благодаря настойчивости Стеф заплатить, да. Врач в больнице дал мне месячный запас инсулина, но Стеф оплатила все остальное. Фармацевт в Target провел для нас ускоренный курс по тому, как надо делать Аве инъекции, так что мне не надо снова идти к

врачу и платить ему. — Она тяжело вздыхает. — Мне действительно это было нужно. Прошлой ночью все выглядело словно ужасный кошмар. — Она смотрит на меня, и, кажется, смягчается. — Еще раз спасибо за то, что отвез нас. Я всем испортила ночь.

— Дерьмо случается, — говорю я, махнув рукой. — Не такое уж большое дело.

— Держу пари, твоя подружка расстроилась.

— Да, — киваю я, — Но она не моя подружка. Особенно теперь. — Больше я ничего не говорю.

— Итак, о чем ты хотел со мной поговорить? — устало говорит она. И я понимаю, что последняя вещь, которая ей нужна, это разговоры со мной.

— Такое впечатление, что тебе надо поспать, — говорю я. В ее глазах грусть, и я понимаю, что я полный придурок, раз ляпнул такое. Никто не хочет слышать, что выглядишь усталым. — Хочу сказать, ты все еще секси, но ты выглядишь адски усталой. — Ну вот, я сделал еще хуже.

— Я не могу спать, — говорит она. Кажется, она прямо на моих глазах стала меньше. — Не сейчас, не тогда, когда с ней может что-то случиться.

— Ты можешь, — говорю я. — Прямо сейчас. Просто вздремнуть. Я останусь здесь. Я прослежу, чтоб все было в порядке.

Она смотрит на меня словно я сошел с ума. Может так и есть. Понятия не имею, почему я вызвался сделать это — может потому, что будет правильно сделать именно так.

— Нет, спасибо, — говорит она, ей немного неудобно. — Итак, — теперь я слышу нетерпение. — Что ты от меня хочешь, Брэм?

Я наклоняюсь вперед и упираюсь локтями в колени, снова и снова поглядывая на часы на запястье.

— У меня есть для тебя предложение.

Она смотрит на меня так долго, что я вынужден поднять глаза. Ей, кажется, не любопытно, она выглядит обеспокоенной.

— Что-то похожее на Непристойное предложение? (прим. пер. американский кинофильм 1993 г. с Робертом Редфордом в главной роли) — спрашивает она. — Потому что в конце Роберт Редфорд проигрывает

— Первое, я удивлен, что ты достаточно взрослая, чтобы помнить этот фильм, — говорю я. — И второе, нет, ничего подобного. Я знаю, моя репутация бежит впереди меня.

— Так и есть. — Она делает глоток чая.

— Но, это хорошее предложение. Честное. — Я делаю паузу. — Думаю, ты должна переехать ко мне.

Она чуть не роняет свою кружку.

Глава 5

НИКОЛА

Я правильно его расслышала? Рука трясется, я ставлю чашку с горячим чаем вниз, пока я не ошпарилась.

— Прости, что? — спрашиваю Брэма, я сбита с толку — Ты что, только что попросил меня к тебе переехать?

Он спокойно улыбается.

— Не совсем. Я имел в виду, квартира рядом со мной свободна. Арендатор съехал в начале месяца. Думаю, ее должна занять ты. Ты можешь жить там и не платить аренду, пока не найдешь хорошую работу и не встанешь на ноги. Что скажешь?

Что я скажу? Ни одной гребаной идеи. С какой стати Брэм МакГрегор предлагает мне бесплатную квартиру? В этом нет никакого смысла, и я не хочу в этом участвовать.

— Ты можешь подумать об этом, — продолжает он.

— Нет, — отвечаю я, он выглядит шокированным. — Извини, но...нет. Переехать в твою пустую квартиру? Зачем? Почему ты это делаешь? Почему бы не сдать ее за пару тысяч в месяц, уверена, она примерно столько и стоит

— Но я не хочу, чтоб аренда была такой высокой, — говорит он.

— Не важно, чего ты там хочешь, — отвечаю я. — Ты выплачиваешь ипотеку за это место, и я знаю, это стоит немалых денег. — Это не вяжется с тем, что я знаю о Брэме. Он вырос в деньгах. Он тратил их словно игрок, который думает, что ему нечего терять. Все в Брэме просто кричит — «Я здесь, чтобы зарабатывать и тратить деньги!». А позволить нам с Авой жить бесплатно в его комплексе, это спутает все его планы.

— В этом нет никакого смысла и мне, черт возьми, это не нравится.

— Предоставь беспокойство о деньгах мне, — говорит он, закатывая рукава рубашки. Я замечаю его загар, его кожа приятного медового оттенка, не думаю, что он не настоящий и я задаюсь вопросом, где он его приобрел. У него мускулистые, крупные загорелые предплечья. Предплечья это моя слабость. Как и руки. Его руки тоже хороши, большие и сильные.

Он видит, как я на него пялюсь, и слегка улыбается.

— Пожалуйста, в этом нет ничего странного.

— Чертовски уверена, это не так. — Насмехаюсь я, отводя глаза. — Это безумно щедрое предложение и мне трудно поверить, что ты не имеешь в виду ничего отвратительного.

Он вздрагивает.

— Вау. Просто, насколько плохо ты обо мне думаешь?

— Я вообще о тебе не думаю, — парирую я.

Он кривится.

— Ауч. — На секунду мне стыдно, а потом я вспоминаю, как он затащил в кусты ту цыпочку, и стыд уходит.

— Что на самом деле тебе надо? — Спрашиваю я. — Просто будь честен.

Он разводит руки в стороны.

— Я честен. Я хочу помочь тебе и твоей малышке. Иногда люди делают вещи, потому что они могут, и потому что хотят.

Я на это не куплюсь. Прищуриваю глаза.

— Что ты хочешь взамен?

— Ничего, — говорит он, и как ни странно, это звучит искренне.

— Правильно. И я не должна стать твой секс рабыней или кем там, и не должна отсасывать тебе в любое время, когда ты захочешь. За все нужно платить. — Мальчик, я уж точно это знаю.

Он усмехается.

— Милая, ты б не знала, что делать с моим членом, даже если б попыталась.

— Я бы уж точно знала! — выкрикиваю я, не в силах остановиться. И тут же жалею об этом.

Он медленно поднимает свою темную бровь, в его глазах горит огонек.

— О, правда? — он размышляет, на его губах танцует улыбка.

Дерьмо.

Я скрещиваю руки.

— Ты понимаешь, о чем я.

— На самом деле нет. Но, ты могла бы мне показать.

— Ты ведь понимаешь, я на это не куплюсь.

Он закатывает глаза и встает. В другой жизни, наивной, полной бессмысленного секса и по дороге к счастью, я была бы совершенно очарована тем, насколько чертовски красив этот мужчина. Потому что так и есть. Но в этой жизни, где мне досталась короткая спичка (хотя у меня давненько не было ничего длинного, если вы понимаете, о чем я), его отличная внешность, горячее тело и щегольские костюмы ничего для меня не значат.

— Послушай, — говорит он. — Буду с тобой честен. Я не просто пытаюсь быть хорошим парнем.

А вот и правда выходит наружу. Я вздыхаю с облегчением, наконец-то все станет ясно.

— Если у меня живет жилец с низким уровнем дохода, — объясняет он, — тот, кто не может найти себе доступное жилье в городе, то я получаю от правительства большие налоговые льготы.

— Хорошо, а почему ты сразу мне об этом не сказал?

Он лениво пожимает плечами.

— Думал, что мог бы заработать пару дополнительных очков.

— И зачем тебе это вообще делать?

— Думаю, я просто не хочу жить по соседству с сукой.

Я, правда, смеюсь над этим.

— Справедливо.

Он засовывает руки в карманы и смотрит на меня сверху вниз.

— Так что скажешь? Как думаешь, вам с Авой будет комфортней в отличном здании к югу от Маркета? Арендной платы нет, у тебя будет время найти работу и решить все проблемы?

Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я колеблюсь.

— Могу я подумать об этом?

— Конечно, — отвечает он. Смотрит на часы. — Я лучше пойду. У тебя есть моя визитка, да? Ты ведь не плюнула на нее и выбросила?

— Она все еще у меня.

— Хорошо. Потому что, если ты не решишь ничего в ближайшие пару дней, мне надо будет найти кого-то другого. Я не хочу снова появляться здесь как сегодня, без предупреждения. И я полагаю, ты не собираешься давать мне свой номер.

— Я позвоню тебе, — говорю я и знаю, что я это сделаю.

Я просто не знаю, что отвечу.

После того, как Брэм ушел, я думаю об этом. На самом деле, у меня для этого не так уж много времени. Ава просыпается и хотя она живее и счастливее, чем была — будто бы прошлой ночью ничего не произошло — она спрашивает, будут ли ей завтра делать укол. Я не могу ей лгать. Я говорю, что в игле содержится лекарство, которое поможет ей оставаться

сильной и здоровой, и она сможет вырасти большой девочкой. Кажется, она все понимает, но...у меня это просто в голове не укладывается.

Для меня проблематично сделать ей укол, и если Стеф не будет рядом, не думаю, что смогу сделать это сама. Мне кажется неправильным причинять боль собственному ребенку, даже если это единственный способ помочь ей.

Как бы горда я не была, как бы не хотела отвергнуть предложение Брэма, я честно не могу это сделать. Я не могу отказаться из-за Авы. Мне надо перешагнуть через свою гордость, если у нее будет шанс на жизнь. Жизнь без оплаты аренды позволит сэкономить мне \$1000 в месяц. Если эти деньги пойдут на еду и медикаменты, у нас все получится. Будет неприятно, но я смогу это сделать. И это будет до того, как я получу работу. Я знаю, я не могу позволить себе привередничать, но я решила подождать неделю и посмотреть, может мне удастся найти что-то, связанное с моей профессией, и где бы хорошо платили. Это рискованно, да, но я должна попробовать. Думаю, я могла бы выбраться отсюда, шаг вперед из этого беспорядка, вперед в мое будущее.

Просто я очень надеюсь, что так я не окажусь в долгу перед Брэмом. Ведь Брэм ничего от меня не ждет. На самом деле я не думала, что буду его секс-рабыней. Я просто хотела пошутить над его кобелиной сущностью, но даже мне трудно поверить, что, в конце концов, я не буду ему ничего должна. Мысль о том, чтобы быть чем-то, чем угодно, обязанной такому мужчине, пугает меня.

И я ненавижу то, что считаю это своего рода захватывающим.

Я смотрю на свой телефон на журнальном столике. Я могла бы позвонить Стефу и узнать ее мнение, но, в конце концов, это ничего не изменит. Я уже знаю что нужно делать.

Я достаю визитку, беру телефон и набираю номер.

— Привет Брэм?

— Не могу поверить, что ты это делаешь, — говорит мне Стеф, входя в мою практически пустую квартиру и протягивает мне гигантский стаканчик с кофе, который она купила в Bluebottle. Я делаю глоток, даже если он обжигает мои губы и горло, пока мы осматриваемся.

Сейчас суббота утро, прошло чуть больше недели после того, как я сказала Брэму, что принимаю предложение переехать в его комплекс. Мой домовладелец был зол, что я предупредила его за такой короткий срок, но он все время злой, так что это не имеет особого значения. Со Стефом, Кайлой и Линденом, мы очень быстро собрали вещи. Несмотря на то, что квартира была маленькой, я удивлена, сколько ж мусора я накопила за все эти годы. Думаю, где-то внутри меня живет сентиментальная барахольщица, но было приятно выбросить часть вещей. Начать с чистого листа.

Ава уехала на целый день с мамой в Ливермор, это замечательно, хоть я все еще и нервничаю о том, чтоб она во время получала инсулин. Я знаю, я не должна сомневаться в своей маме — я все ей показала, и у нее сосед диабетик, который поможет в случае чего, но думаю, я до конца своей жизни буду волноваться об этом.

Стеф, Кайла, Линден и Брэм, они все помогают мне в день переезда. Брэм сказал, что с удовольствием заплатит за транспортировку вещей специальной компанией, но мне хватает его благотворительности, да и, если честно, я хотела увидеть, как он слегка попотеет. Мы

начали в шесть утра и работали как маньяки, чтоб все упаковать. Мы вернулись в квартиру за несколькими, как мы надеялись, последними коробками. В последний раз.

Я обдумываю то, что только что сказала Стеф.

— В хорошем смысле, или в плохом?

— В хорошем, — говорит она, попивая собственный кофе. Ее яркая лиловая помада оставляет следы на крышке. — Хочу сказать, это удивительно. Просто надеюсь, что Брэм останется верен своему слову.

— Ну, я ведь объект благотворительности, помнишь?

— Должна сказать, что это тоже меня удивляет. Потому что я никогда не знала, что он сторонник благотворительности, даже если здесь замешены налоговые льготы. — Она улыбается. — Но знаешь, благотворительность, налоговые льготы или что-то еще, для тебя это классно.

— Почти все? — спрашивает Кайла, появляясь в дверях. Ее бледная кожа блестит от пота, длинные черные волосы стянуты назад в хвост, спрятанный под розовой бейсболкой. Она совершенно без косметики, и, как обычно, выглядит фантастически. Безупречная кожа досталась ей от матери японки.

— Почти, — отвечаю я. — Там для тебя еще одна коробка. — Я киваю в сторону угла.

— Ого, огромная, — с сарказмом отвечает она и подходит, чтобы поднять ее. — Не говори мне, что тут все твои книги.

— Обычные подушки и диванные, — говорю я, она с легкостью поднимает коробку.

Она выходит с коробкой в руках и смотрит на пустые стены. Такой вид, будто я здесь и не жила.

— Вау. Никола, я знаю, что ты сделала это место реально милым, но думаю, сегодня вечером мы должны все же выпить шампанского, чтобы отметить тот факт, что мне надо возвращаться в этот проклятый район, где каждый раз Суетливый Джо спрашивает у меня мелочь или минет.

— Суетливый Джо? — повторяю я.

Она пожимает плечами.

— Его слова, не мои. Окей, дамы, вы закончили с потолком и сняли шелушащийся линолеум? Потому что нам пора торопиться. Помните, разбирать вещи так же муторно, как и собирать.

Мы выходим на улицу, и я вижу своего домовладельца, мистера Стэнли, скоро он станет моим бывшим домовладельцем. Он стоит у здания, короткие ручонки скрещены на дородном животе, он курит и смотрит на фургон. Я позволила Брэму нанять фургон.

— Мистер Стэнли, — говорю я, подходя к нему, держа в руках коробку с надписью «Кухня. Барахло». Через секунду, ко мне подходит Линден и молчаливо берет коробку, ставя ее в фургон.

— Не ждите от меня хороших рекомендаций, — говорит мне мистер Стэнли, сигарета наполняет его и без того толстые щеки воздухом. Он так сильно хмурится, что его брови словно одна линия.

— Ну, вообще-то это не совсем справедливо, — спокойно отвечаю я, хотя на самом деле мне хочется высказать ему все, что я о нем думаю — Я бы уведомила вас за месяц, но у меня не было возможности. Разве не лучше так, чем я бы не заплатила вам аренду, и вы выселили меня?

— Но я люблю выселять людей, — говорит он с улыбкой. — И вы не получите обратно

свой залог.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо! Я совершенно забыла о депозите. \$500 для меня сейчас это чертовски много.

— Здесь какие-то проблемы?

Внезапно рядом со мной появляется Брэм и кладет руку мне на плечо. Несмотря на прохладное, серое утро, она теплая и твердая. Так приятно. Может поэтому мне хочется смахнуть ее с себя.

Но я не могу сделать это перед мистером Стэнли. Кроме того, Брэм выглядит немного устрашающе. Сегодня он не в костюме, на нем темные джинсы и белая футболка, обтягивающая его тело и подчеркивающая каждый мускул. Я пыталась не замечать ничего, пока он двигался — ни его загорелую кожу или то, как напрягаются его руки, когда он поднимает что-то, ни влажное пятно от пота на спине. Но теперь я рада, что он такой большой и устрашающий, не хочется, чтоб мистер Стэнли думал, что ему все может сойти с рук.

— Никаких проблем, — с насмешкой говорит мистер Стэнли. Он вытаскивает сигарету и смотрит на Брэма, который возвышается над ним больше, чем над всеми остальными. — Просто рассказываю девочке, как надо быть хорошим арендатором. Вы выглядите как хороший жилец. Она нет.

— Девочка, — Брэм с акцентом растягивает слова, — съезжает, потому что они с дочерью не хотят жить в этом кишасщем крысами гадюшнике. Вы не знаете, но я был внутри и видел, сколько строительных норм и правил вы нарушаете, не говоря уже о том, что даже одного из них достаточно, чтобы вас уволить?

Лицо мистера Стэнли на секунду замирает. Не думаю, что когда-то видела его брови отдельно друг от друга.

— Так же я целый день забирал все дерьмо из ее квартиры, — продолжает Брэм и достает свой телефон, помахав перед ним. — У меня есть фотографии повреждений перекрытий между полами, сконструированных для того, чтобы предотвратить распространение огня; сломанной системы пожаротушения, щиток пожарной сигнализации все время мигает «тревога» и план пожарной безопасности устарел; а так же фотографии крысиного помета в подвалах; лифта, который не работает, заставляя всех, даже пожилых людей подниматься по лестнице; и пола в лобби кишасщего муравьями.

Я открываю рот. Брэм заметил все это?

Мистер Стэнли бледнеет. Сигарета дрожит в его руке.

— Один звонок в пожарный департамент и вы будете оштрафованы, по крайней мере, на \$ 20 000, — говори ему Брэм с высоко поднятой головой. — И, вероятно, вы потеряете работу. Или вы могли бы обратно отдать девочке залог и мы уйдем.

— Ничего себе, — слышу я Кайлу за спиной. — А Брэм мужик.

Брэм смотрит на меня и подмигивает.

— Еще один девиз для тебя. — Затем он уверенно смотрит на мистера Стэнли. — Итак, что выберете?

Мистеру Стэнли не надо думать дважды. Он выхватывает чековую книжку из заднего кармана и выписывает мне чек на \$ 500. Он протягивает его мне, не в силах теперь смотреть мне в глаза, и быстро идет обратно к зданию.

— И не стоит беспокоиться насчет рекомендаций, — говорит ему в след Брэм. — Для этого у нее есть я.

Он толкает меня в бок локтем.

— Давай убираться отсюда.

Мы идем к машине, где за нами наблюдают Стеф, Кайла и Линден. Я кошусь на Брэма.

— Ты что, действительно хочешь мне понравиться?

Он улыбается, ох уж эти ямочки.

— О, я тебе нравлюсь. Ты просто еще об этом не знаешь. — Он кивает на Линдена. —

Ну, что, брат, пошли.

Я подхожу к Стефу, мы вместе с Кайлой поедем с ней.

Кайла обращается к Брэму.

— Ты действительно заметил все эти нарушения?

Брэм кивает.

— Я кое-что изучил, будучи менеджером здания. И поверь мне, на следующей неделе я позвоню в пожарный департамент.

Мы втроем стоим на обочине и смотрим, как он забирается в фургон и тот с грохотом отъезжает.

— Черт, — говорит Кайла, когда они отъезжают. — Это было своего рода горячо. — Она смотрит на меня. — Тебе повезло, что ты будешь жить рядом с этим парнем. — Она делает паузу, поджимая губы. — Ты и в его постель тоже переедешь?

Я закатываю глаза.

— Черт, нет. Имею в виду, может он немного лучше, чем я сперва подумала, — Кайла поднимает брови, — хорошо, намного лучше, но он все еще мудака.

— Мудака это сильное слово для тебя, мисс Манеры, — дразнит она. — Это имеет отношение к тому, что произошло на свадьбе? — спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я, глядя на нее и иду к машине Стеф. — И ты ничего не видела, так что не думай, что между нами что-то произошло. Этого не случилось. На самом деле не случилось.

Я чувствую, как Стеф и Кайла обмениваются взглядами за моей спиной.

Позже, когда мы в машине едем по Ван Несс, Кайла стучит по моему плечу с заднего сиденья.

— Почему ты думаешь, что он мудака?

Я дую на прядь волос, выбившуюся из пучка.

— Потому что...он кобель.

— Это не делает его мудаком. Это делает его забавным.

Что не очень-то забавно для меня, думаю я. Я вспоминаю, что он сказал мне на свадьбе.

— Я просто не доверяю таким парням, — говорю я через минуту.

— Но ты ведь не встречаешься с ним, — говорит она. — Так что тебе не надо беспокоиться об этом, не так ли?

Я качаю головой.

— Ты права. Я не встречаюсь с ним. — Да мне и не следует. Но та ночь снова и снова всплывает в моей голове, сладкое прикосновение его губ, резкое жало отказа. Вероятно, мне не помогает тот факт, что последний мужчина, которого я целовала, последний мужчина, который завел меня и заставил почувствовать что-то вместо пустоты, был Брэм.

Если однажды ты пойдешь с Брэмом, ты не сможешь оторваться. Но я смогла.

— К чему все эти вопросы, Кайла? — спрашивает Стеф, ее тон настороженный, пока

она смотрит в зеркало заднего вида.

— Могу я задать вопрос? — говорит Кайла.

— Ммм. Но у тебя тот взгляд.

— Какой взгляд? Я азиатка, ты, расистка.

— Заткнись, — говорит Стеф. — Ты знаешь, о каком взгляде я говорю. Том, который у тебя бывает, когда ты находишь свою следующую жертву.

Ого? Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Кайлу. О да, у нее именно этот взгляд.

— Тебя интересует Брэм? — спрашиваю я ее. Пару лет назад Кайла разорвала помолвку со своим бывшим и теперь постоянно одна, но не из-за отсутствия заинтересованных лиц. Горячее тело, и она уже готова. У нее даже в течение нескольких недель была интрижка с Линденом, тогда он и Стеф были просто хорошими друзьями. Не знаю, как Стеф с этим справляется, она просто не такая злопамятная, как я.

Кайла небрежно пожимает плечами, но я вижу ее насквозь.

— Я не знаю. Он просто действительно горячий, вот и все. И у него есть деньги. И у него есть это обаяние плохого парня, только он мужчина, а не парень. Я имею в виду, мужик. Если ты замутишь с ним, он разрушит твою вагину для всех остальных, кто будет после.

Я ворочу нос.

— Тоже мне способ выглядеть достойно.

— Да, Кайла, ты говоришь о моем девере, — увещевает Стеф.

— Так, — говорит она. — Вы ж не родственники. Ты сама говорила мне, что считаешь его горячим.

— Да, говорила. Но он не Линден.

Кайла закатывает глаза и плюхается обратно на свое место.

— Конечно, он не Линден. Как кто-то может даже близко стоять с Линденом? — насмешливо говорит она. — Знаешь, Стеф, просто потому что ты замужем, это не значит, что ты слепая.

— Конечно, но я и не пытаюсь думать о том, горячий ли Брэм или нет. Тем не менее, ты права. Он такой. И если ты не против, чтоб с тобой поиграли, а потом ушли, развлекайся, — говорит она. — Но не приходи ко мне плакаться, если из этого ничего не выйдет, и не смей портить те прекрасные отношения, которые есть у нас всех сейчас. Ты знаешь, однажды ты это уже сделала.

Ага, так Стеф не забыла интрижку Линдена и Кайлы.

Кайла затихает. Мы едем в тишине, и потом она говорит.

— Хорошо. Полагаю, одного брата МакГрегора мне было достаточно.

Я оглядываюсь назад и вижу, что Кайла злобно ухмыляется. Руки Стеф сжимают руль. Я чувствую, что вот-вот начнется кошачья драка, и мне становится интересно, что мне надо будет сделать, чтобы разнять их. У меня достаточно сильные руки, я ведь постоянно таскаю Аву и ее автокресло.

Но Кайла разражается смехом и хлопает Стеф по плечу.

— Я, блин, шучу! Господи, мы что, не можем больше шутить о прошлом?

Стеф неодобрительно смотрит на нее.

— Все меняется, когда ты выходишь замуж.

— Именно поэтому я и отменила свою свадьбу, — говорит Кайла. — Я не была к этому готова. Но ты и Линден были. И не волнуйся, я не собираюсь приближаться к Брэму. — Она

смотрит на меня. — Он весь твой.

— Мой? — Прежде всего, Брэм для меня не кто иной, как мой арендодатель, и потом... Я не знаю. Я точно не ценю, когда мне говорят, что у меня что-то может быть, как если бы у меня не было шанса с Брэмом, если бы им заинтересовалась Кайла.

Я чувствую, как Стеф смотрит то на меня, то на дорогу.

— Ну, хм, — говорит Стеф, — Николе нужен хороший парень. И в то время как Брэм щедр — хочу сказать, он действительно повысил ставки в последнее время, все мы знаем, что он съест ее и выплюнет.

— Может быть весело быть съеденной, — говорит Кайла.

Я хочу, чтоб эта мысль никогда не приходила мне в голову.

В конце концов, мы подъезжаем к многоквартирному дому и все настолько сюрреалистично. Я понимаю, что до меня все никак не дойдет, что я действительно сюда переехала. Имею в виду, в здании нет ничего особенного. Двухэтажное здание розовато-серого цвета с выступающими окнами, типичными для города, Брэм говорит, что через несколько недель перекрасит его в синий. Но даже несмотря на то, что здание старое, оно чистое и отремонтированное. В маленьком холле на полу плитка в стиле арт-деко. На дверях никаких решеток. Перед дверьми постояльцев лежат коврики и на стенах красуются яркие виды города.

Моя квартира еще лучше. Она на втором этаже, и там две спальни. В обе едва ли влезет большая кровать, но все-таки это значит, что у Авы будет свое собственное пространство, и я знаю, ей это действительно понравится. Не могу дождаться, когда вечером мама привезет ее, и она увидит это место. До сегодняшнего дня у нас не было времени побывать здесь и все посмотреть.

Кухня милая, с белой прямоугольной плиткой, сверкающей утварью и окном над раковиной, из которого открывается вид на задний двор, где на всей территории растут пальмы. С заднего двора видна панорама города, от Трансамерика до бара Top of the Mark. Во всех комнатах деревянные полы и на стенах висят декоративные молдинги. Это совершенно потрясающе и идеально для меня.

Тем не мене, вселение, кажется, занимает больше времени, чем выезд, может быть, потому что теперь когда я здесь, я так чертовски взволнована, что не могу ждать, чтобы начать расставлять все по местам и украшать это идеальное место. Моя мебель выглядит немного потрепанной, не в шикарном смысле, так что, возможно, когда я заработаю немного денег, я смогу поехать в ИКЕЮ и обновить ее.

Все истощены этим переездом, я хотела бы купить им пиво и пиццу, но в данный момент Кайла избегает углеводов и Стеф не позволит мне тратить свои деньги на что-то подобное. Брэм исчезает в своей квартире — она рядом, на углу — и появляется с бутылкой шампанского и пятью бокалами. Мы все оставляем коробки и садимся, болтаем, пьем и растягиваем наши усталые мышцы.

В итоге, Стеф и Линден уходят последними. Теперь в моей квартире только я и Брэм, хотя ведь квартира принадлежит ему, мама с Авой приедут примерно через час.

— Итак, — говорит он, складывая руки на широкой груди, он стоит, его ноги скрещены. Он осматривает гостиную, которая представляет собой зону бедствия с коробками и мебелью. — Это будет твой дом.

— До тех пор, пока я не встану на ноги, — быстро напоминаю ему я, прислоняясь к кухонному столу.

— Ну, я буду под впечатлением, если ты сможешь платить аренду, как только встанешь на ноги. Это не значит, что ты должна уйти. Имею в виду, тебе ведь нравится здесь, не так ли?

— Я только въехала.

Он смотрит на меня с подозрением.

— Тебе трудновато справиться с этим, да?

— Что? — спрашиваю я, надеясь, что мое лицо выглядит удивленным.

Он указывает на комнату.

— Со всей этой затеей. Я действительно хочу, чтоб ты научилась мне доверять.

— Я тебе доверяю, — говорю я, а затем исправляюсь. — Я так думаю. Но я едва тебя знаю.

Он делает пару шагов вперед, и я понимаю, что практически впечаталась в стол. Испепеляющий взгляд его глаз заставляет меня заволноваться.

— Что ж, дорогая, не волнуйся, ты узнаешь меня достаточно хорошо, нравится это тебе или нет. Мы ведь теперь соседи, это важно. Тебе нужен стакан сахара для выпечки, ты стучишь в мою дверь. Тебе нужен рулон туалетной бумаги, ты стучишь в мою дверь. Ты приблизилась к какому-то члену в самый разгар действия и тебе нужен презерватив, ты стучишь в мою дверь. У меня их предостаточно. — Он прищуривается, глядя на меня. — Ты ведь занимаешься сексом, да?

Я сплатьяваю и проклинаю тепло, растекающееся по моим щекам. Почему, черт возьми, я должна была обязательно пить это вино, когда я знаю, что от него мое лицо краснеет еще больше.

— Конечно, я занимаюсь сексом, — парирую я. — Но соседям не надо знать о сексуальной жизни друг друга.

— Ты снова так выглядишь, — говорит он, его голос ниже, он внимательно рассматривает меня сверху вниз и делает еще один шаг ко мне, пока мы не оказываемся на расстоянии в один шаг. — Твои щеки такие розовенькие. Ты помнишь, что я говорил об этом?

Да, помню. Я буду выглядеть так же, когда испытаю оргазм.

— Нет и, пожалуйста, не напоминай мне об этом.

Он облизывает губы и кивает головой.

— Хорошо. — Он поворачивается и направляется к двери. — Сегодня вечером я иду тусить. — Он смотрит на меня через плечо. — Надеюсь, тебе понравится твоя первая ночь здесь. Передай от меня привет малышке.

Потом он уходит, и я впервые остаюсь одна в своей квартире.

Если все наше общение будет смесью его откровенной щедрости и хорошего поведения, я не уверена, к чему все это приведет.

Все, что я знаю, мне определенно придется быть все время на чеку.

Глава 6

НИКОЛА

— Мамочка? — спрашивает меня Ава, заходя на кухню и неся своего Снуффи, пока я разгружаю посудомоечную машину.

— Да, ангел? — отвечаю я, разглядывая стакан на просвет, проверяю, остались ли пятна от воды.

— Почему ты не делаешь себе *ваву*?

Вот черт.

Прошло две недели с тех пор, как я переехала в новую квартиру и около трех недель с того времени, как Ава стала получать инъекции инсулина. Она не против прокола пальчика глюкометром, она думает, это как в *Спящей красавице*, когда Красавица уколола руку веретеном — думаю, Ава ждет, что за ней тоже придет ее принц Филипп. Но вот укол, укол это другое. Она не всегда плачет, но я вижу, ей больно, и кажется, не имеет значения, куда именно я его делаю. Полагаю то, что она называет это «*вава*», не помогает.

Я ставлю стакан на стол и приседаю вниз, чтоб быть на одном уровне с ней. Заправляю ей волосы за уши.

— Я не делаю себе *ваву*, потому что я уже выросла. Тебе надо лекарство, надо убедиться, что ты вырастешь такой же большой, как мама. Но не каждый ребенок получает лекарство. Только особенный. И ты одна из особенных, ангел.

Ава кривит губы, но затем кивает.

— Хорошо. — А потом со Снуффи бежит в гостиную. Мое сердце увеличивается в объеме. Иногда, быть матерью такое проклятие, обнаружить что способность любить так сильно, это больше, чем вы могли себе вообразить, а затем быть навсегда привязанной к этой лапочке, не важно, насколько она взрослая, не важно, можете вы защитить ее или нет.

Я вздыхаю и заканчиваю убирать остальные тарелки. Сегодня утро субботы и я знаю, что забыла забрать из почтового ящика вчерашние газеты. Я отвечаю на каждую вакансию, которую могу найти, по крайней мере, если она хоть как-то связана с моей специальностью. Но меня пригласили лишь на одно собеседование. Это было неделю назад, должность продавца в магазине одежды. Я уже больше не жду ответа с замиранием сердца. Хоть я и знаю, что в наши дни большинство вакансий публикуется в интернете, я не собираюсь рисковать и проверяю объявления в газете.

— Ава, мама сходит вниз, заберет газеты, хорошо? — Говорю я ей, направляясь к двери. — Оставайся здесь, я скоро вернусь.

Она кивает, сосредоточившись на мультике по телевизору. Я смотрю во что я одета — пижамные штаны, тапочки и майка, ну, по крайней мере, я надела лифчик. Я знаю, кто мой сосед, и последнее, чего я хочу, чтоб мои соски играли в гляделки с Брэмом.

За последние две недели я видела Брэма лишь мельком, он уходил и приходил, несколько раз заходил меня проведать. На его лице всегда эта вечная ухмылка, словно он вот-вот выдаст какую-то колкость или комментарий в мою сторону, но нет, он этого не делает. Не знаю, то ли он пытается вести себя лучше, то ли он просто устал меня доставать.

Что я знаю, так это то, что парень любит трахаться. Много. Просто обалдеть как много. Я удивлена, как у него член еще не взорвался. Моя спальня рядом с его, и я слышу его даже в гостиной, когда Ава не спит, это слегка неудобно. До сих пор она, кажется, ничего не заметила, но это потому, что когда я его слышу, то сразу же включаю телевизор или музыку. Он довольно громкий и его девушка еще громче. Можно предположить, что он забавляется с одной девушкой, но я в этом не уверена. Это определенно не Астрид. Последний раз я видела его с темнокожей моделью с такой задницей, что даже я уставилась на нее словно под гипнозом.

И я точно могу сказать, девочки не притворяются, а значит Брэм чертовски хорош в том,

что делает. Их крики в пылу страсти такие удивленные, словно они поверить не могут, что с ними случилось такое удовольствие. Полагаю, что девиз о нем не врет — одна ночь в его постели, твои ноги так и останутся навсегда раздвинутыми.

Тем временем есть я, которая ни с кем не встречается, а удовольствие я получала последний раз пару дней назад в душе, играя со своим БНБ, мой Бойфренд На Батарейках Он чаще всего доставляет мне удовольствие, и я начинаю любить его за эту надежность.

Я забираю почту из почтового ящика в холле, а затем иду обратно наверх. Приближаясь к двери своей квартиры, я вижу, что дверь Брэма открывается. Мое сердце на мгновение замирает — не знаю, почему — но тут я вижу девушку с прической боб. Она одета в черную кожаную мини-юбку, могу точно сказать, это искусственная кожа; топик, который выглядит так, словно фею вырвало блестками прямо на него; в руках она несет подделку Valentino. Под глазами вчерашняя тушь.

Старое доброе похмельное раскаяние.

Она видит меня и застенчиво улыбается.

— Привет.

— Привет, — говорю я ей, открывая дверь. — Мне нравятся твои туфли. — Это не совсем правда, но звучит будто так и есть.

— О. — она растерянно смотрит на них. — Спасибо.

Я смотрю, как она быстро идет вниз и исчезает, будто бежит с места преступления.

Внезапно дверь Брэма открывается снова, он высовывает голову, его темные волосы примялись. Он смотрит вниз на пустой холл, а потом замечает меня и самоуверенно улыбается.

— Она ушла?

— Да, — говорю я. — Сбежала как ошпаренная.

— Отличный альбом, — говорит он. Потом добавляет. — Мит Лоуф. Певец.

— Я знаю, кто такой Мит Лоуф, — отвечаю я, двигаясь к своей двери, чтобы войти внутрь.

— Эй, — быстро говорит он и выходит из-за двери. На нем лишь футболка и боксеры. Они серые. От David Beckham. Они настолько близко, что я могу это прочитать. И, кажется, они маловаты для того, что прячется под ними.

— Боже мой, — говорю я, прикрывая глаза и отворачиваясь. — Можешь ты, пожалуйста, натянуть штаны?

— Скромница, — с фырканьем отвечает он. — В нижнем белье нет ничего непристойного.

Может для мужчины средних размеров и нет, но для тебя точно есть, думаю я. Но вслух я этого не скажу, у него и так чрезмерно раздутое эго. Не могу не думать о том, как Стеф и Кайла обе рассказывали, насколько хорошо оснащен Линден, могу сделать вывод, что это у них семейное.

— Просто хотел кое-что спросить, — продолжает он и звучит так серьезно, что я оборачиваюсь и смотрю на него, держа глаза на уровне лица, ни на дюйм ниже. Даже не уверена, моргаю ли я. — На самом деле, даже две вещи.

— Какие? — Мой голос звучит нетерпеливо. Я просто хочу вернуться обратно к себе.

— Надеюсь, мы не слишком шумели, — говорит он. — Знаешь, никогда не спрашивал предыдущих арендаторов, слышали ли они о, хм, о моих проделках в спальне. Да и в других комнатах. Ну ты сама понимаешь. Но тебя я могу спросить.

— Что заставляет тебя думать, что ты можешь спросить об этом меня?

Он пожимает плечами.

— Предположу, что ты могла меня слышать.

— Я использую беруши, — отвечаю я. И это правда. Я использую их каждую ночь, вставляю так глубоко, что уверена, в один прекрасный день они вылезут через нос. Как только я заработаю денег, думаю, я собираюсь исследовать рынок компаний, занимающихся их производством.

— Плохо, ты пропустила шоу.

Я испепеляю его взглядом.

— Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, какой ты вульгарный?

— Да, много раз. — Он кивает на меня. — Но зная, что твои стены такие тонкие, не чувствуй, что ты должна сдерживаться, когда...если...приведешь мужчину. Я не возражаю. Мне нравится слушать.

Я в неверии качаю головой.

— Почему тебе так трудно быть пристойным?

— Должно быть, это у меня в генах, — размышляет он, прислонившись к косяку и выпятив бедра. Я отказываюсь смотреть, даже если и согласна с его утверждением.

— Могу я спросить, что за вторая вещь? — говорю я. Даже не знаю, почему я ему потакаю, надо было просто захлопнуть дверь у него перед носом. Ненавижу думать, что он находит что-то забавное и веселое в наших маленьких диалогах. Он словно мальчишка в начальной школе, постоянно дергает тебя за волосы.

— Ах, да, — говорит он со злой усмешкой. — Учитывая отсутствие сексуальной активности в вашей квартире и твой отказ взглянуть хоть мельком на мои трусишки, мне интересно, ты раньше когда-нибудь сексом занималась? Знаю, у тебя дочь, но в последнее время столько болтают о непорочном зачатии.

— Иди нахрен, — отвечаю я, открывая дверь и быстро входя внутрь, с силой хлопывая дверь.

Пока мои щеки пылают, я слышу, как он говорит с другой стороны.

— Вот эту девочку я и хотел увидеть. — И слышу, как хлопывается его собственная дверь.

Что за говнюк. Имею в виду, знаю, он играет со мной словно мальчишка, только он не просто за косички меня дергает. Этот мужчина знает, как задеть меня за живое. Просто потому что я не трахаюсь со всем, что ходит, или с ним, не значит, что я какая-то зажатая, невинная скромница.

К сожалению, я знаю, что он отчасти прав. Потому что последние пару лет я двигаюсь именно в этом направлении. Даже несмотря на то, что я не толстая, мне надо стать худее и подзагореть. У меня целлюлит на бедрах, заднице, которая все не перестанет расти, растяжки, шрам от кесарева на рыхлом животике. Уверена, если бы я захотела, я могла бы заставить это все работать на меня, но так трудно оглядываться назад и видеть себя ту — счастливее, лучше — и мириться с тем, какой я стала. Это словно признать поражение.

Последнее, чего я хочу, раздеться догола перед парнем, и к несчастью, последний, перед кем я хотела это сделать, был Брэм.

Дерьмо. Может мне действительно стоит замутить с каким-то случайным парнем, только бы выбросить Брэма из моей чертовой головы.

— Мамочка.

Я оглядываюсь и вижу на диване Аву, она с любопытством смотрит на меня. Я понимаю, что прислонилась к двери, будто Брэм в любой момент может ворваться внутрь. Я выпрямляюсь и посылаю ей застенчивый взгляд.

— Я в порядке. — Говорю я ей.

— Там был *Брэм*? — теперь она произносит его имя с особой осторожностью, желая выговорить «р».

— Да. — Осторожно отвечаю я. Мне не нравится, что она все еще сходит по нему с ума. Я не хочу быть с ним хорошей ради нее и не хочу, чтоб он был единственным мужчиной, которого она видит. А последнее, чего я хочу, чтоб она видела в нем замену отцу.

— Брэм — лала-динь-дон! — Громко поет она, подбрасывая Снуффи. — Брэм — лала-динь-дон!

Динь *хрен*, это верно (прим. пер. в английском одно из значений слова *dong* — хрен).

— Хорошо, достаточно, — говорю я ей. — Как насчет того, чтоб мы говорили потише, хорошо?

— Брэм — лала-динь-дон! — кричит она, бегая по комнате и хихикая.

Я выдыхаю, сажусь за кухонный стол, разворачиваю газету и начинаю поиск работы.

Примерно к двум дня я отметила все объявления о работе, которые сочла нужным, даже те, где предлагается работа официанткой, в чем у меня совсем нет опыта. Я отправила резюме, сопроводительные письма и миллион раз скрестила пальцы. Ава носится вокруг дивана, сходя с ума от скуки, и я чувствую, что мне понадобится чашек десять эспрессо, чтобы пережить оставшуюся часть дня. По крайней мере, она перестала петь свою песенку про Брэма.

Стук в дверь. Кажется, я поторопила события.

Я встаю и смотрю в винтажное зеркало на стене. Я выгляжу не так уж плохо. Полагаю то, что я приняла долгий душ, после нашей с ним стычки, помогает, и я сделала все, чтобы выглядеть привлекательней. Я немного завила волосы. Слегка накрашила брови (по мнению большинства женщин, брови одно из моих достоинств), нанесла несколько слоев туши и слегка накрашила губы. Моя кожа сошла с ума во время беременности, но, к счастью, уже успокоилась и мне не надо много тона. Я так же не стала наносить румяна, у меня и так вечно щеки горят.

Я открываю дверь и совсем не удивлена, когда вижу Брэма. Он смотрит на меня, его глаза расширяются, когда он всматривается в мое лицо, а затем проходит взглядом по моему телу. Я одела леггинсы и длинную тунику без рукавов, но этот наряд недалеко ушел от пижамы.

— Ну, привет тебе, — говорит он и протягивает бутылку вина. — Мир?

Я сжимаю губы

— Мир?

— Да, — говорит он, помахивая бутылкой. — Ты раньше пробовала *Don Melcher*? Оно великолепно.

— Выглядит дорогим.

— Так и есть, — говорит он и улыбается. — Но я чувствую, что должен что-то для тебя сделать.

— Зачем?

— Потому что вел себя как полный козел, — говорит он. — Стоял там, выставив на обозрение член. Я не должен был дразнить тебя.

Я прищуриваю глаза.

Он все понимает.

— Прости, прости. Обещаю с этой минуты вести себя хорошо.

— Да, конечно.

Он божится.

— Клянусь. Можешь меня выгнать в ту же минуту, как я ляпну что-то лишнее.

— Не собираюсь с тобой спорить. — Выдыхаю я и отступаю в сторону, позволяя ему пройти внутрь. Свежий лесной аромат, напоминает мне что-то такое, не могу понять что, но, проносясь мимо, это что-то делает меня счастливой, и я не могу удержаться и не закрыть глаза, чтобы вдохнуть его.

К счастью, он этого не замечает, проходит на кухню и ставит вино на стол.

К сожалению, стол качается, видимо у него ножка сломалась. Брэм умудряется схватить вино до того, как оно упадет на пол.

— Блин, — ругаюсь я, и из своей комнаты выбегает Ава.

— Что это был за шум? — спрашивает она, а затем видит Брэма. Глаза загораются словно свечи. — Брэм! — кричит она и бежит к нему.

Он смотри на нее сверху вниз, улыбаясь, пока я быстро закрываю дверь и спешу оценить масштабы бедствия.

— Брэм, Брэм, Брэм! — вопит Ава.

— Как ты, малышка? — спрашивает он, явно наслаждаясь ее вниманием.

— Брэм, я написала для тебя песню, — взволнованно говорит она.

Он смотрит на меня.

— Да неужели? Она написала для меня песню, а ты нет?

Я закатываю глаза и снова поворачиваюсь к столу. Ножка слегка отошла, но, думаю, я смогу приклеить ее на место.

— Брэм — лала-динь-дон! — начинает в полный голос петь Ава. Я игнорирую ее и беру ножку стола, а затем иду к ящику со всякой ерундой, чтобы найти клей.

— Очень красивая песня, Ава, — говорит Брэм. — Такая оригинальная.

— Брэм — лала-динь-дон!

— Не поощряй ее, — бормочу я, и Брэм оказывается рядом со мной.

— Суперклей? — спрашивает он, глядя мне через плечо. — Тебе нужен новый стол, милая.

Я отмахиваюсь от него и прохожу мимо. Ава до сих пор поет свою песню и прыгает вверх-вниз.

— Если ты не заметил, сейчас я не могу позволить себе новый стол.

— Я дам тебе его, — говорит он.

Я ощетиливаюсь.

— Ты и так достаточно сделал. — И мне правда нужно, чтоб мой долг перед ним оставался настолько маленьким, насколько возможно. Но я понимаю, что снова звучу как стерва, поэтому говорю. — Как только я получу работу, я поеду в Гудвил и что-нибудь найду.

— Кстати, как проходят поиски? — спрашивает он. — Поиски работы?

— Хреново, — отвечаю я.

— Хреново! — вопит Ава. — Хреново! Хреново! Брэм — лала-динь-дон!

— Вот теперь больше похоже на правду, — комментирует Брэм.

— Ава, нельзя говорить это слово, — ругаю я ее, а потом мысленно себя, ляпнула ведь такое в ее присутствии.

— Брэм? — спрашивает он.

— Нет, то...ты знаешь, о каком слове я говорю. Брэм. Не говори это слово. Это очень очень плохое слово.

— Очень, очень плохое, — говорит Брэм, его голос внезапно становится хриплым. Не знаю почему, но внезапно у меня по рукам бегут мурашки, а в животе разливается тепло.

Я смотрю, как он идет на кухню и берет пару бокалов. Хорошо, полагаю, это сейчас произойдет. Перед тем, как у меня появляется шанс сказать ему, что сейчас слишком рано, чтобы пить, вино уже открыто.

— Мамочка, — говорит Ава, пока я пытаюсь открыть суперклей.

— Что?

— Брэм! — кричит она и бежит в свою комнату, снова напевая песенку.

— Брэм всегда было ругательством в моей семье, — говорит он, подходя с бокалом вина и протягивая мне. Затем он кладет руку мне на плечо, сжимает его на одну горячую секунду и ведет меня к дивану. — Посиди здесь. Позволь мне починить твой стол.

— Но, — протестую я.

— Сядь! — говорит он, указывая на меня. — Расслабься хоть раз, ладно?

Расслабиться? Он посмеется над этим, стоит ему хоть на секунду пожить так, как живу я.

Но я сажусь. Делаю плоток вина (оно чертовски приятное). Смотрю, как он намазывает клеем ножку стола, ставит ее на место и прижимает. На самом деле, я смотрю на его мышцы. Он в голубых джинсах с дыркой на колене и серой футболке с V-вырезом, она выглядит очень тонкой и очень мягкой. Его повседневный стиль такой же соблазнительный, как и его костюмы, просто другой.

— Оцениваешь товар? — не глядя на меня спрашивает он. — Сегодня утром у тебя было больше шансов для этого.

— Я оцениваю стол, — отвечаю я, поворачиваясь в кресле и фокусируюсь на вине. — Он выглядит хорошо, спасибо.

Он плюхается в кресло рядом со мной.

— Пожалуйста. Вот для чего нужны хорошие соседи.

— Ты всегда такой полезный?

— Только с правильными людьми, — говорит он и слегка мрачнеет. — Думаю, мои соседи на Манхэттане ненавидели меня. На самом деле я знаю, они все меня ненавидели. Слишком много вечеринок, и никого из них никогда не приглашали.

— Скучаешь по этому?

Он смотрит на меня с удивлением.

— Не знаю. Не думаю. Полагаю я жил там просто как привык. Я знал, кто мои друзья хотя в глубине души понимал, на самом деле они не были моими настоящими друзьями. В Нью-Йорке очень просто найти людей, которые, словно чертовы щенки, будут везде ходить за тобой, пока ты тот, кто их кормит.

— Звучит как заноза в заднице, — говорю я.

— Ты так думаешь? — спрашивает он. — Думал, что в прошлом с тобой было то же

самое. Только не щенки, большие собаки.

Мне не нравится, что это становится настолько личным. Хотя, в некотором смысле он прав. В школе и даже в колледже у меня были деньги, стиль и последователи. Похоже, сейчас они остались в другой жизни. Моя жизнь делится на жизнь до Авы и после Авы. Не значит, что я злюсь на это, нет, это просто факт, когда у вас есть ребенок. Ваша жизнь меняется, к худшему или к лучшему, но она меняется. Ничего не будет таким, как прежде.

— Я попал в точку, — пока я молчу, продолжает он. Уверена, он все видит по моему лицу. — Прости.

Я пожимаю плечами, но мой рот занят вином.

— Ну ладно, — смирившись, говорит он и слегка хлопает по ноге. — Вернемся к поиску работы. Никаких успехов?

— Нет, — отвечаю я. — У меня было собеседование в магазине одежды, но они не перезвонили. Думаю, им что-то не понравилось в моем лице.

— Но у тебя прекрасное лицо, — мягко говорит он, и я с удивлением смотрю на него. Он нежно улыбается. — Это правда.

Я сглатываю и отвожу взгляд, не привыкла я к комплиментам.

— Так или иначе, — продолжаю я, прочищая горло. — Я понемногу начинаю терять терпение.

— Ты просто отправляешь резюме на определенные позиции в определенных областях? Ты специализируешься на моде, верно? — Я киваю. Он продолжает. — Поверь мне, никто не любит снижать стандарты, но, может быть, тебе стоит двигаться к чему-то пониже твоего достоинства, попроще.

— Ниже моего достоинства?

— Гордость может быть опасной штукой, — говорит он. — Я это знаю. Я так хорошо это знаю.

Серьезный тон его голоса заставляет меня задуматься, что же такое в прошлом случилось с ним и с его гордостью.

— Ну и что? Я уже стала искать работу официанткой.

— Хорошо, — говорит он. — Хотя эта работа тоже трудная. И в этой отрасли достаточно высокая текучка. Но я не сомневаюсь, что это тебе под силу — в конце концов, ты мама, ты можешь справиться с чем угодно, но это...

— Но проблема в том, что, чем ниже я опущусь, тем меньше шансов, что меня возьмут на какое-то действительно стоящее место.

— Ага, — соглашается он, почесывая подбородок. — Хотел бы я, чтоб у меня были какие-то связи в этой области, чтоб помочь тебе, но у меня их нет. — Он откидывается на спинку стула и пару секунд смотрит в потолок. Затем поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. — Как насчет тебя?

Я качаю головой.

— Да нет же, у тебя они есть, — говорит он. — Как насчет Джеймса? Того чувака с пирсингом, который управляет Burgundy Lion. Как думаешь, он наймет тебя?

— В качестве кого, бармена?

Он пожимает плечами.

— Я знаю, что мой брат работал там. Как и Стефани, там они познакомились. Да и что не так с барменом? Ты чертовски горяча, так что у тебя будет куча чаевых. Если ты немного продемонстрируешь свои классные сиськи, то можешь сделать еще больше.

Я игнорирую комментарий о «классных сиськах» (хотя какая-то часть меня и польщена), но я все еще хочу немедленно отклонить эту идею.

— Я так не думаю.

— Назови хотя бы одну причину, почему нет.

Я жую губу.

— Я не знаю, как и что там делать.

— Они обучат тебя, ты научишься в мгновение ока, — он щелкает пальцами.

— Они могут и не взять меня.

— Но могут и взять. И, скорей всего, так и сделают. Я могу быть очень убедительным.

— Я не хочу, чтоб ты вмешивался в мои дела, — быстро говорю ему.

— Нет, не хочешь. Но ты должна знать разницу между вмешательством в чужие дела и помощью. Джеймс поможет тебе. Все, что тебе надо сделать, только попросить.

В этом то и проблема. Я не хочу просить.

Я чувствую взгляд Брэма на себе, знаю, он читает меня. Я знаю, он каким-то образом поняла, о чем я думаю.

— Иногда каждый человек должен засунуть свою гордость подальше, — тихо говорит он.

Я выдыхаю и закрываю глаза. Он прав. Я не хочу спрашивать, потому что не хочу признаваться в том, что мне нужна помощь. Но мне действительно нужна помощь. И хотя я никогда не планировала работать в Lion, эта работа может изменить мою жизнь. Помочь мне встать на ноги.

— Хорошо, говорю я, когда открываю глаза, Брэм берет мой сотовый и подает мне.

— Позвони ему, — говорит он.

Я так и делаю. Брэм сидит рядом, а я спрашиваю Джеймса, может ли он дать мне работу барменом в Burgundy Lion. Я только начинаю объяснять свою ситуацию, как он говорит мне не беспокоиться, он, так или иначе, сделает это.

Теперь у меня есть работа. Я сижу на своем продавленном диване, попивая дорогое вино, и чувствую себя так, словно у меня гора упала с плеч.

У меня есть работа.

И может быть, просто может быть, у меня есть еще и хороший сосед.

Глава 7

НИКОЛА

Три недели.

Уже три недели я работаю в The Burgundy Lion и у меня наконец-то, *наконец-то*, начинает получаться.

Но даже при всем при этом, я обсчитала пять человек.

Взяла меньше, чем надо, у двадцати.

В 70 % случаях наливаю слишком много.

Недоливаю в 25 %.

Кто знает, что там с оставшимися 5 %.

Пролила три напитка.

Два на других.

Один на себя.

Один раз упала.

Не знаю, как так получилось.

А ударялась я бесчисленное количество раз.

Заработала \$800 чаевых.

Домой я прихожу совершенно без сил, плачу Лизе за то, что она остается с Авой — когда у нее есть возможность, она более чем счастлива вернуться и присмотреть за ней — или оставляю на ночь маму, не хочу, чтоб в такой час она ездил за рулем. Ночь теперь наступает поздно, ноги все в мозолях, но я, наконец, зарабатываю деньги и начинаю разбираться с делами. В кое то веки чувствую, что у меня все под контролем. У меня лишь одна жалоба, я работаю всего три смены в неделю, но Джеймс говорит, что он поработает над тем, чтоб я выходила чаще. Я просто благодарна, что он вообще дал мне этот шанс.

И за это мне надо поблагодарить Брэма. Брэм мужик. Брэм это человек за соседней дверью, который все еще громко занимается сексом со случайными цыпочками и до сих пор время от времени выводит меня из себя своими поддразниваниями или откровенно сексуальными комментариями. Но когда он этого не делает — в те дни, когда я не проношусь мимо него в коридоре или когда он не стучит в мою дверь — я действительно ненавижу признавать, что вроде как скучаю по нему. Seriously. По шуткам и общению. И да, может и по его приятному виду тоже.

Но я не слишком-то рада этому, у меня нет никакого намерения позволить этому мужчине приблизиться ко мне. Как сосед он великолепен, а как нечто большее, чем...он плох, это плохие новости и это плохо для меня.

Сегодня за Авой присматривает мама. Сандра, девушка, которая обычно работает в баре по пятницам, позвонила на работу и сказала, что у нее дела, она не сможет прийти раньше 23.00. Даже несмотря на то, что время сдвинулось с 20.00 до 23.00, Джеймс спросил, не хотела бы я прийти, и он заплатит мне за четыре часа. Естественно, я схватилась за этот шанс — я хватаюсь за все, что он предлагает.

— Ты действительно обустроила этот дом, — сидя на диване, комментирует мама. Как только она произносит эти слова, я слышу треск ткани. В потертых подушках еще одна дырка. Мы обе смотрим на дырку, затем друг на друга и смеемся. У нас заняло немало времени научиться смеяться над нашими обстоятельствами.

Когда я была молода, у мамы была идеальная жизнь. У нее был мой отец, который порой вел себя безрассудно, не всегда брал на себя ответственность и не особо стремился к лучшему. Но у него было доброе сердце и душа.

Я бы могла подумать, что и всепрощающая душа, но не уверена, насколько это верно. Моя мать всегда хотела большего, и в один прекрасный день она влюбилась в самого скучного в мире адвоката богатых и знаменитых. Это те, которые годами ведут дела. Можно было подумать, что я знала о том, что происходит, но я тогда была подростком, ненавидела всех и вся и совершенно не обращала внимания ни на что вокруг, если это не касалось меня.

В конце концов, мама во всем созналась. Они с отцом развелись, он воспользовался этой возможностью, чтобы уйти на поиски своего пути в жизни. Так он оказался в Индии и стал заниматься благотворительностью. Порой я чувствовала обиду за то, что он так легко ушел — порой я все еще ее чувствую. Мне больно от такого предательства — почему папа ушел, почему он не подумал, что стоит остаться и жить поближе ко мне.

Но, в то же время, я все понимаю. Он предположил, что я в нем не нуждаюсь, что мне

будет лучше с мамой и Ричардом, в большом шикарном доме в одном из самых богатых районов Сан-Франциско. Вероятно, он подумал, что не нужен мне, я ведь никогда не говорила обратного, никогда не вела себя с ним так, чтоб он это знал.

Это было далеко от истины. Иногда я думала, один звонок папе, я скажу ему, как он нужен мне, и он вернется. Но я никогда не пыталась. У меня никогда не хватало смелости.

Интересно, а что если с Филом произошло то же самое. Может я сделала что-то неправильно, может я была слишком одержима Авой, и не заметила, как оттолкнула его? Может быть, Филу тоже надо было услышать, что в нем я нуждаюсь.

Я проглатываю горькие воспоминания, они опускаются ниже, куда-то в район груди, где, надеюсь, и останутся, в том пустом, темном месте за моим сердцем. Думаю, что вижу, как мама делает то же самое. Когда она вышла замуж за Ричарда, возможно из-за того, как они сошлись, он заставил ее подписать положение о возмещении ущерба. Когда она, наконец, ему изменила — давайте смотреть правде в глаза, то, что было между ними, это не любовь — она потеряла все. Теперь у нее нет ничего. Ни образования, ни любви. Она живет в маленьком домике и убирает дома других людей, чтобы заработать на жизнь. У нас обеих было так много, а теперь мы имеем так мало. Знаю, должно быть, люди думают, что это ее карма, она заслужила подобное после того, что сделала.

— Лучше тебе не опаздывать, — предупреждает мама. Эти слова заставляют меня понять, что я так и стою, словно зомби озираясь вокруг.

— Я иду, — говорю ей, входя в спальню, чтобы захватить сумочку. Ава уже спит, так что я быстро выхожу из квартиры, мне надо успеть на автобус.

Интересно, почему я всегда выбираю неправильное время, постоянно натыкаясь на людей в коридоре?

Брэм и его новая подружка только что вышли из его квартиры.

— Привет, — говорю я ему, чувствуя себя сконфуженно от того, что стою в дверях.

— Привет, — лучезарно улыбаясь, говорит Брэм, он вообще не знает что такое неловкость. Не уверена, что когда-то видела его сконфуженным.

Мы молча стоим, брюнетка рядом с ним вежливо улыбается. Она принарядилась, стильное длинное черное платье и золотые украшения, а Брэм надел черный костюм и галстук. Волосы падают ему на лицо, и он выглядит весьма элегантным, таким же, как был на свадьбе своего брата. Он мог бы стать следующим Джеймсом Бондом. Даже его акцент такой же, как у Коннери, может быть с чуть большим упором на «рс».

— Это Брэм? — вдруг спрашивает мама, и я практически подпрыгиваю. Я смотрю назад и вижу, как она просовывает голову в дверь. Ох, я так близка к тому, чтобы закрыть ее.

— Она обо мне слышала? — с ликованием спрашивает Брэм.

— Кто не слышал? — сухо отвечаю я, когда он наклоняется, чтобы лучше видеть маму.

— Должно быть, вы мама Николы, — говорит он, демонстрируя ямочки и предлагая маме руку. — Теперь я вижу, от кого ей досталась такая красота. Яблочко от яблони.

О Господи. Пока моя мама практически тает перед ним, говоря ему, что ее зовут Дорин, и что он слишком добр, я обмениваюсь взглядами с молчаливой брюнеткой. Она выглядит так, словно хочет закатить глаза. Я задумываюсь, интересно, куда они пойдут на свидание.

— Ну, мне пора на работу, — говорю я, зная, что из-за всей этой болтовни могу пропустить автобус.

— На работу? — спрашивает Брэм. — Я могу тебя подвезти.

— Разве он не душка? — говорит мама.

— Все в порядке, — быстро отвечаю ему. — Я поеду на автобусе.

— Ты лучше поедешь на автобусе, чем со мной?

Я снова смотрю на девушку, на этот раз виновато.

— Кажется, у тебя свидание.

— Мы просто собираемся в оперу. — *Ой*, просто в оперу. — Жюстин не против, правда, Жюстин?

Жюстин слегка ведет плечами, проявляя равнодушие.

— Вот видишь, она не возражает, — говорит Брэм. — Пошли.

Мне действительно стоило отказаться, но, сказать по правде, я была рада для разнообразия прокатиться не на автобусе. Моя глупая машина стоит в задней части здания, Брэм отбуксировал ее туда из Тендерлойна — и ждет денег на ремонт. Борьба с психами в автобусе стала частью моей ночной рутины, но было бы неплохо хоть раз отдохнуть от этого.

Я ничего не делаю и просто расслабляюсь на заднем сиденье Мерседеса. Брэм продолжает разговаривать со мной и совершенно не обращает внимания на свою пару, которая, кажется, скучает. Через какое-то время я перестаю чувствовать вину и начинаю наслаждаться вниманием. Когда он захочет, то может быть чертовски обаятельным и забавным.

После того, как он высаживает меня из машины, я сразу же окунаюсь в хаос в The Burgundy Lion. Джеймс довольно хороший босс, хотя порой ведет себя как капризная сучка. Я помню, каким препятствием он был, когда Стеф и Линден стали встречаться и я рада, что Линден, в конце концов, наплевал на мнение Джеймса. Он производит на меня впечатление человека, который расстраивается по любому поводу. К счастью, при мне он еще ни разу не нацепил этот раздраженный вид, но это потому что я делаю свою работу, и даже когда я совершаю огромную ошибку (хм, как например забываю взять деньги с группы парней), он милостив и смотрит на это сквозь пальцы. Думаю, он понимает, я строга с собой гораздо больше, чем он был когда-либо. И думаю, он меня немного боится. Не знаю почему. Может он думает, что мамы-одиночки все сумасшедшие. В некотором смысле, мы такие и есть.

К тому времени, как моя короткая смена заканчивается, я еду домой на автобусе, никакого Брэма, мчащего меня на своей машине. Я абсолютно опустошена, уже почти полночь. Чувствую себя ужасно от того, что маме так поздно надо вести машину, чтобы ехать обратно к себе, но, как только я вхожу внутрь, вижу, что она полна бодрости и сил и готова идти.

— Все прошло хорошо? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Она не просыпалась и все еще продолжает спать.

— Ты уверена, что не хочешь остаться на ночь?

— На этом диване? Издеваешься? Последний раз, когда я тут проснулась, я подумала, что мне уже восемьдесят, — с улыбкой говорит она. — Серьезно, Никола, дорогая, тебе надо при первой же возможности купить новый диван. Ты же знаешь, этот слишком велик для этой гостиной. Как насчет двух двухместных диванчиков? Держу пари, в ИКЕА они стоят вполне приемлемо.

Два двухместных дивана заставили бы гостиную выглядеть больше, но есть столько других вещей, на которые надо потратить деньги — важных вещей — так что диван или два кажутся таким пустяком. К тому же, как, черт возьми, я привезу что-то из ИКЕА на автобусе?

— Кстати, — добавляет мама, направляясь к двери. От дерзкого взгляда ее глаз у меня

появляется ощущение, что я знаю, о чем пойдет речь. — Я снова разговаривала с Брэмом.

— Снова?

Она понижает голос.

— Он пришел домой примерно час назад. — Она понижает голос. — Он был один, если для тебя это что-то значит.

— Ничего не значит, — быстро вставляю я.

— Тем не менее, — продолжает она, — он постучал в дверь, просто хотел узнать, все ли у меня в порядке и не надо ли мне что-нибудь. Вообще-то, мне нужна была чашечка чая, а твой чайник не работает, так что он пришел и дал мне это. — Я смотрю через плечо на кухню и вижу на столе шикарный чайник из нержавеющей стали. — Он сказал, ты можешь оставить его. Я сказала ему, что ты будешь очень признательна.

— Мама, — практически ною я, — я не хочу от него больше ничего. Он сделал достаточно, и я пытаюсь не чувствовать себя объектом благотворительности.

Ее улыбка исчезает. Между нами повисает тяжелая пауза.

— Знаю, дорогая. Легче не становится, да?

Я вздыхаю, мое сердце ощущается таким хрупким, словно стекло.

— Нет, не становится.

Затем, к моему удивлению, она быстро притягивает меня в объятия и крепко обнимает. Она уже сто лет этого не делала. Она очень похожа на меня, или может это я очень похожа на нее — мы забываем, хотя бы время от времени, проявлять нежность.

— Ты хорошая мать, — шепчет она мне на ухо. — Я горжусь тобой, просто горжусь, несмотря на обстоятельства. Но все станет лучше. Для нас обоих. Обещаю.

Я закрываю глаза и позволяю этому стеклу треснуть. Чуть-чуть. Мама отпускает меня, и воздух в квартире становится холодным. Она дарит мне любящий взгляд и выходит за дверь.

Сняв обувь, я направляюсь к бедному, потрепанному дивану и плюхаюсь на него.

Дырка становится еще больше.

В квартире практически тихо, слышен лишь слабый ритм музыки из квартиры Брэма. Я делаю мысленную заметку поговорить с ним о шумоизоляции. Так как здание принадлежит ему, он мог бы этим заняться.

Судя по тому, что музыка становится все громче и громче, он что-то замышляет. Никаких тяжелых барабанов, музыка больше похожа на Massive Attack или Portishead. медленный, ленивый ритм.

Интересно, что он делает. Мама сказала, он пришел домой один. Значит он не трахается с Жюстин? Так что, это был просто поход в оперу? Хотя, зная Брэма, не удивлюсь, если они зажгли где-то в частной ложе или другом месте.

Перестань о нем думать, напоминаю я себе, *он для тебя не больше, чем мистер Роджерс* (прим. пер. персонаж из сериала «Мой сосед мистер Роджерс»). Вместо этого я встаю и иду проверить Аву. Я сажусь на кровать и несколько минут смотрю, как она дышит, меня успокаивает ее дыхание.

Тем временем, музыка все играет. Я иду на кухню и смотрю на чайник. Именно это я и имела в виду, когда говорила, что не желаю его благотворительности. Я беру чайник, оборачиваю шнур вокруг него и выхожу в коридор. Секунду я жду у его двери. Здесь еще громче слышна музыка, Portishead's начинает «Strangers», и я словно возвращаюсь в школу, в тот период, когда увлекалась британским трип-хопом. У меня было много секса под такую музыку. Мне вроде как хочется сказать об этом Брэму, чтобы избавиться от своего образа

недотроги.

Я стучу в дверь и жду. Нет ответа. Стучу немного громче. Должно быть, меня заглушает музыка. Правильнее будет вернуться к себе домой, а чайник отдать ему завтра. В конце концов, это не срочно. Я могу вернуть свою гордость и в другой день.

Но я этого не делаю. Вместо этого я трогаю дверную ручку.

Не заперто. Она легко поворачивается, и вопреки здравому смыслу, я медленно открываю дверь. Музыка грохочет, на кухне свет, но в остальной квартире темно.

— Привет? — зову я, заходя внутрь. Я закрываю дверь, чтобы музыка не достигла коридора. На цыпочках иду вперед и ставлю чайник на кухонную столешницу.

Музыка замолкает, и я слышу что-то из его спальни, что-то похожее на стон. Может мама ошиблась, и он вернулся домой не один? Неожиданно я осознаю, что стою в темноте в квартире своего арендодателя, вломившись сюда, в то время как он, вполне возможно, чпокается с Жасмин в своей спальне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но я не слышу никаких женских звуков, его я тоже больше не слышу.

Медленно иду к спальне, осторожно ступая, и музыка начинается снова. Дверь приоткрыта, свет включен. Я осторожно заглядываю внутрь.

У меня падает челюсть.

Брэм лежит на своей кровати, из своего угла я вижу его только от груди и ниже. Он абсолютно голый лежит на белом шелковом пододеяльнике. Более того, в руке он держит член и медленно скользит вверх и вниз по всей длине.

О мой Бог

О мой Бог.

О мой гребаный Бог.

Я обалдела, застыла на месте и смотрю, как он доставляет себе удовольствие. Может это делает меня огромной извращенкой, но для меня нет ничего сексуальнее, чем смотреть, как парень удовлетворяет сам себя. Может быть, это не делает меня огромной извращенкой, но тот факт, что я остаюсь и смотрю, как он это делает, тайно, должна я добавить, определенно *делает*.

И все же я ничего не могу с собой поделать. Я впервые вижу его полностью обнаженным, и он просто сплошная загорелая, мускулистая машина, на белом фоне его тело тугое и золотистое. Длинные, загорелые ноги, и у него определенно есть эти шесть кубиков пресса, которые сейчас блестят от пота, широкая и твердая грудь с небольшим количеством волос, что только усиливает его отчетливую, яркую мужественность.

И его член. Очевидно, я и раньше видела намек на это, но теперь он большой и главный. Его собственная рука выглядит так, словно он едва может приручить его. Я не уверена, что кто-то вообще сможет.

Но прямо сейчас я готова была бы рискнуть.

У меня появляется короткая фантазия о том, чтобы войти. Что бы сказал Брэм? Полагаю, он бы даже не остановился. Он бы продолжал делать свое дело и смотреть на меня. Только перед тем, как кончить, он сказал бы мне встать на колени и подползти к кровати. Одной большой, напряженной рукой он бы обернул мои волосы вокруг пальцев и сказал бы мне, чтоб я взяла его в свой великолепный рот. Властным, напряженным тоном, он сказал бы мне, чтоб я сосала его член.

В фантазии я так и делаю. Облизываю его от шаров до розового кончика и смотрю, как

он в экстазе закатывает глаза. Я бы это сделала, и мне бы это понравилось.

Но это не фантазия. Это реальность. Я шпионю за тем, как дрожит Брэм, и я чертовски мокрая, между ног все пульсирует в такт музыке. Господи, это просто смешно, мне действительно нужно с кем-то переспать. Мне нужно как можно скорее очистить сознание.

Я еще несколько секунд наблюдаю за ним, каждая секунда превращается в бездну желаний. Я практически пускаю слюни. Не чувствую никакого стыда, не сейчас. Может позже до меня дойдет, что у меня есть секрет, я такое грязное существо. Но теперь я хочу и смотрю. Я хочу опустить свой рот туда, где находятся его руки, почувствовать его, просто сжать его. Потом я бы взобралась наверх и до одурения скакала бы на нем, объезжала бы его, пока эта потребность внутри меня не ушла.

Я должна выйти отсюда.

Я медленно отступаю, пока не могу его больше видеть, но слышу, что его стоны становятся громче. Я знаю их очень хорошо, слышу их довольно часто, но сейчас все совсем по-другому, я слышу их так близко, что в состоянии представить себе что делает его твердое тело, когда он погружается в страсть.

Тихо закрыв за собой дверь, я покидаю его квартиру, до того, как смогу услышать больше. Если бы он кончил у меня на глазах, это было бы гораздо, гораздо хуже. Я могла бы потерять контроль.

Оказавшись у себя, я закрываю дверь в свою комнату и пытаюсь уснуть. Я даже не утруждаю себя пойти умыться или сделать что-то подобное. Я просто хочу отвлечься и начать все с начала. Но я не могу. Мое сердце бьется все быстрее и быстрее, и я чувствую, что покраснела с головы до ног.

Просто вернись туда, говорю я себе. Это грязная часть меня, та, которую я пытаюсь сохранить погребенной. Дикая. Та, которую, я знаю, хочет видеть Брэм, хочет вытащить ее из меня. Но это больше не я.

Тем не менее, я скольжу рукой между ног и чувствую насколько намочла. Хватает лишь пары прикосновений к клитору, и я кончаю, бросая подушку на лицо, чтобы заглушить собственные стоны.

Где-то за стеной, сквозь музыку, я думаю, что слышу, как кричит Брэм когда, наконец, кончает. Я воображаю, как сильно он кончил, пальцы на ногах подогнуты, голова откинута назад, мышцы на заднице напряжены. Этого достаточно, чтоб я снова кончила, это стало для меня сюрпризом.

Возможно, я не вела себя как в моей фантазии, но все, что, черт возьми, случилось только что, было одной из самых горячих вещей случившихся со мной за долгое время.

Я знаю, что засыпаю с глупой улыбкой на лице.

Глава 8

БРЭМ

Просыпаясь утром, как это ни странно, я чувствую себя как новенький, давно так себя не чувствовал. Может быть хорошо, что вчера, после того, как «Аида» закончилась, я не притащил к себе Жюстин. Так или иначе, в мои планы не входило с ней спать. Хочу сказать, это свидание было организовано от имени наших родителей. Не знаю, почему мой отец думал, что из этого что-то получится и я точно не уверен, почему вообще пошел на это, но

старые привычки умирают не сразу.

Ах, да, так случилось, потому что Жюстин была великолепна. Кроме того, она была из тех, кто старается всем своим видом показать «Ты мне не нравишься», точь-в-точь как Никола. Это меня заводит. Но в то время, как Жюстин пахнет розами и равнодушием, я точно могу сказать, что медленно, но верно пробираюсь через защиту Николы.

По крайней мере, я на это надеюсь. Никогда еще не был так не уверен по поводу женщины и, в то время как я нахожу это, мягко говоря, печальным, это, по крайней мере, не дает мне расслабиться. Я чувствую, что каждый день это словно новый вызов, не чувствовал себя так с тех пор как покинул Нью-Йорк. Дерьмо, да я давным-давно себя так не чувствовал.

Вдобавок к замешательству, которое я ощущаю от того, что Никола живет рядом, когда я встаю с постели и иду на кухню, я замираю, увидев на столе чайник. Прошлой ночью я дал его ее матери, она хотела выпить чаю. Пожалуй, она, как и ее дочь, достаточно аппетитная дамочка. Не удивлен, что Никола принесла его обратно — я предполагал, что так будет — но озадачен тем, как она без моего ведома, попала в мою квартиру.

И зачем?

Я иду к двери и вижу, что она не заперта. У меня есть подобная привычка, да. Вероятно, она появилась тогда, когда я только купил здание и несколько месяцев был здесь единственным жильцом.

Значит вчера вечером — или сегодня утром — она могла войти и поставить его на стол. Возможно ли, что я не слышал ее, что она не разбудила меня?

Или что это...

Вчера, после того, как я высадил Жюстин у ее дома и не получил даже чмока в щечку, я забрал свою сексуальную неудовлетворенность домой и немного подрочил, ну вы понимаете. Довольно громко включил музыку, ту, которая напоминала мне о моей шотландской молодости: Portishead, Garbage, Massive Attack, Faithless, Tricky, ну знаете, чтобы действительно расслабиться.

Но в ту минуту, как я стал поглаживать себя, Жюстин стала далеким воспоминанием. Каждый раз, когда я пытался представить ее лицо, оно ускользало, и на ее месте оказывалась Никола. Не имеет значения, скольких людей я перепробовал — Бруклин Декер, Кейт Бекинсейл, та дерзкая, циничная рыжая, которая застрелила Джона Сноу в Игре престолов — вместо них постоянно всплывало лицо Николы.

А почему бы и нет. Это красивое лицо. У нее самые великолепные щечки, полная верхняя губа, которую так и хочется зажать между зубами или чтоб она скользнула вдоль моего члена. Веснушки добавляют ей еще больше привлекательности. И какой бы благоразумной она не казалась, в её темных миндалевидных глазах есть какой-то порочный блеск, он намекает на что-то дикое внутри. Знаю, она притворяется порядочной скромницей, но это лишь фасад. Я это знаю. Я знаю, какими бывают мамочки, как поглощены они бывают своим ребенком, становясь самоотверженными и преданными, они забывают, что они все еще сексуальные создания со своими потребностями.

Я хочу освободить это сексуальное создание. Из клетки. Хочу, чтоб Никола получила удовольствие, которого у нее так давно не было.

Но моя обычная тактика с ней не работает. И не уверен, что будет. И если честно, я не уверен, что это вообще правильно, подкатывать к ней, не говоря уже о том, чтоб ее трахнуть. Абсолютно точно последняя нужная мне вещь, это спутаться с мамочкой-одиночкой,

независимо от того, насколько она соблазнительна, независимо от того, насколько замечательный у нее ребенок.

Я просто не могу пойти по этому пути.

Я знаю, чем это заканчивается.

Это длиться и длиться, и становится чем-то, над чем я почти не властен. И это то, что пугает меня. А в моей жизни больше нет места страху.

Я обдумываю пойти к ней и спросить ее, когда она принесла чайник. Знаю, что за пару секунд пойму, видела она меня за действием или нет. Я бы даже не стал стесняться. На самом деле я хочу, чтоб она видела, как я трогаю себя. Может быть, вида меня голого было бы достаточно, чтобы заставить ее смотреть на меня немного по-другому. Ну, то есть я знаю, что хорош, знаю, что у меня есть все, чтобы затащить в постель любую, и знаю, что нужно сделать, чтоб они возвращались снова и снова. Но думаю, ее отвращение ко мне это нечто большее, чем просто гормоны.

Решаю оставить ситуацию с чайником как есть, и разобраться с этим позже. Даже несмотря на то, что я проснулся обновленным, голова у меня не совсем ясная, так что я еду к парку Золотые Ворота и, прежде чем отправиться в зал для бокса, иду на свою обычную субботнюю пробежку. Долбежка груши не приносит столько удовлетворения, как принесла бы долбежка женщины, желательно Николы, желательно сзади, желательно, потянув ее за волосы. Да все равно как.

Когда я возвращаюсь домой, весь такой чистый и модный, стучу в ее дверь, только чтобы вместо нее найти там неуклюжую девушку Лизу.

— Она уже ушла на работу, — говорит та, глядя на меня так, словно я собираюсь выломать дверь и украсть ее добродетель. Что такого Никола ей про меня рассказала?

— Длинная смена? — Спрашиваю я, проверяя время на своих часах. Сейчас лишь около трех дня.

Она кивает, выражение лица остается прежним.

— Ну, полагаю, увижу ее позже.

Дверь закрывается у меня перед носом. Так вежливо.

Но я не собираюсь позволять этому закончиться вот так. Я хочу увидеть Николу в действии. Около семи я беру такси в The Burgundy Lion. Я не был там с тех пор, как она туда устроилась, и сейчас самое время нанести визит. В Нью-Йорке я всегда ходил по модным ночным клубам и мартини барам, но глубоко в душе я люблю пивнушки. Есть что-то такое в таких местах, что делает тебя свободным, свободным быть самим собой, оторваться, свободно выражать свои желания, скрыться где-то в темноте. В темноте, с дешевым напитком в руках, все равны. Lion не пивнушка, как таковая, но по выходным он выглядит именно так, словно все собираются тут с единственной целью — как следует оторваться.

Когда я захожу внутрь, меня атакует запах пива и непомерно использованного одеколona. Хоть сейчас и довольно рано, бар практически забит, большая часть народу сидит в кабинках из тикового дерева. Здесь витает какое-то чувство неотложности, словно если вы не придете сюда вовремя, шансы затащить кого-то в постель резко уменьшатся, вместе с остатками вашего пива.

И там, во всем этом хаосе, я вижу Николу за стойкой бара. Она стоит спиной ко мне, волосы убраны назад, обнажая прекрасную обнаженную кожу шеи и верхнюю часть спины, выглядывающую из майки свободного покроя. Она деловито двигается, чем бы она ни занималась, кучка парней толпится вокруг бара, теребя в руках чеки. Они, так же как и я,

следят за каждым ее движением.

Что-то внутри меня загорается словно уголь, и я проглатываю неожиданный приступ ревности. Не могу вспомнить, когда последний раз чувствовал подобное, но тут до меня неожиданно доходит, я ведь могу быть не единственным, кто хочет забраться к ней в трусики. Я, конечно, знаю, я не один такой, но казалось, пока она не стала здесь работать, она была в относительной безопасности от этих блуждающих взглядов.

Я совершенно помешался, но все ж иду к бару, протискиваюсь между парнями, кладу руки на барную стойку.

Я стою рядом с каким-то бакланом со светлыми, прилизанными волосами, он мог бы составить конкуренцию Заку Моррису. Он посылает мне «отвали» взгляд, но я не обращаю на него внимания. Мои глаза направлены на нее. Они могут думать, что я здесь, чтобы достать выпить, но это не так.

Она поворачивается, ставит на стойку четыре бутылки пива и улыбается парням, пока говорит, сколько с них. Мне хочется ревновать уже только из-за одной этой улыбки, хоть я и знаю, что это только для галочки. Потом, когда они оплачивают счет, ее глаза порхают ко мне, хороший бармен всегда ищет следующего клиента, и, когда она видит меня, то выглядит удивленной. Она в шоке.

Может быть это и хорошо.

— Брэм, — говорит она, тут ее улыбка становится шире, и больше я не ревную. Я чувствую себя охрененно гордым. Потому что это не «дай мне хорошие чаевые, ты, придурок» улыбка, это «я действительно рада тебя видеть» улыбка.

Пожалуйста, Господи, пусть это будет именно такая улыбка.

— Привет, — говорю я, внезапно чувствуя себя онемевшим. — Думаю, пришел увидеть тебя в действии.

Ребята берут пиво и отворачиваются. Я замечаю, что они не оставили чаевые, вероятно потому что влез я и завладел ее вниманием.

Я протягиваю руку и хватаю Зака Морриса за плечо.

— Слушай, — говорю я, он выглядит так, словно хочет на меня плюнуть. — Только потому что у тебя нет шансов отправиться с ней сегодня домой, это не значит, что ты не должен оставить ей чаевые.

— Брэм, — тихо предупреждает Никола, она смотрит широко открытыми глазами

— Итак, — продолжаю я, обращаясь к задроту, игнорирую ее, — плати, если думаешь, что обслуживание было хорошим. Я все видел. Оно было хорошим.

Задрот смотрит на мою руку на его плече, но я выше и больше, и у него...эти хреновы пакли на голове. Он смотрит на одного из дружков, который быстро выхватывает из сдачи пятерку и кладет на стойку. Я убираю руку, и они направляются к угловому столику, стреляя в меня глазами, пока идут. Можете стрелять сколько влезет. Если я жив после смертельных взглядов Николы, я могу пережить и это

— Брэм, — снова говорит она, выговаривая мне, когда я поворачиваюсь к ней. — Все было нормально.

— Не было, — отвечаю я. — Они должны были оставить тебе чаевые, но твоя улыбка для меня была гораздо красивее той, которая досталась им. Ревность заставляет мудаков делать idiotские вещи.

Она закатывает глаза, перебрасывая полотенце через плечо.

— Знаешь, я здесь уже достаточно долго, чтобы кое-что понять.

— А еще я знаю, что ты работаешь здесь неполный день и чаевые для тебя чертовски важны. Я же говорил, это будет тяжело.

Теперь появился намек на улыбку, просто слегка приподнятая губа.

— Это было легче, пока ты не оказался здесь.

Я наклоняюсь вперед на стойку, пока мои глаза не оказываются на одном уровне с ложбинкой ее груди. Она и этот мой совет послушала. *Покажи эти классные сиськи и получишь чаевые.* Но я ведь джентльмен, поэтому смотрю ей в глаза. Даже в этом свете я могу разглядеть множество оттенков коричневого, как они вытягиваются в трепещущие линии, стремясь к зрачкам, зрачкам которые расширяются, будто ей нравится то, что она видит.

Лучше бы, черт побери, тебе нравилось то, что ты видишь, думаю я, желая, чтоб мы были не здесь, а лучше у нее или у меня, попивая вино. О, все те вещи, которые я мог бы сделать, чтобы попытаться сломать эту стену. Я бы зубами вытаскивал кирпичик за кирпичиком, пока она не стала бы кричать мое имя.

Словно видя непристойные картинки в моей голове, она краснеет и отводит взгляд.

— Ну, ты здесь, что будешь пить? — ее голос слишком уж приветливый. Она вернулась в режим вежливого бармена.

— Сделай мне что-нибудь, — выпрямляясь, говорю я. — Что угодно. Коктейль Брэм МакГрегор.

— Не думаю, что для этого у нас достаточно эго, — говорит она.

Я ухмыляюсь.

— Полагаю, у меня его хватает, да? Хотя, я серьезно. Сделай мне что-нибудь кисленькое.

Она поднимает идеальную бровь.

— Кисленькое? Думала, ты парень, который предпочитает сладенькое.

— Во мне нет ничего сладенького, и ты это знаешь.

Но судя по тому, как она на меня смотрит, могу сказать, что она с этим не согласна.

— Может быть, сладкий шот, — приходит она к выводу, разглядывая мое лицо словно головоломку. — Но он определенно будет острым.

— Хорошо, детка. — Говорю я. — Сделай свой лучший шот.

Несмотря на то, что за мной уже образовалась небольшая очередь (другой бармен это Джеймс, и он выглядит занятым), Никола не торопится, пытаюсь понять, каков на вкус Брэм МакГрегор. Так хочется, чтоб она узнала этот вкус. Я видел ее милый, розовый язычок, думаю, она может отлично отхлестать меня. Говорю ей, что она должна добавить немного соли для вкуса, и клянусь, ее щеки становятся малиновыми.

Когда она, наконец, заканчивает, то пододвигает напиток ко мне.

— Вот это я называю Брэм МакГрегор. В основном пряный, с каплей сладкого и соленого.

Я беру бокал, и наши пальцы соприкасаются. Иду в наступление.

— Утром я обнаружил у себя чайник. Когда ты его вернула и как ты вошла?

Вопрос застаёт ее врасплох, судя по тому, какой застенчивой и сконфуженной она выглядит, я знаю, она сделала это, пока я себя ублажал.

— Сразу как вернулась домой, — быстро говорит она и сразу смотрит на следующего в очереди. — Я думала, ты спал, поэтому просто вошла и оставила его на кухне.

Чушь собачья. Но я не мучаю ее, даже если б я предположил, что она видела, как я

дрочу, она стала бы все отрицать — она сделает что угодно, лишь бы уйти от этого разговора.

Поскольку она обслуживает следующего клиента, я кладу полтинник в банку для чаевых и делаю глоток своего напитка. Брэм МакГрегор, безусловно, восхитителен. На самом деле он охрененно хорош.

Я оставляю ее в покое, осматриваюсь в поисках свободного стула и нахожу один рядом ни с кем иным, как Линденом, который сидит в конце бара и болтает с Джеймсом, смешивающим мартини.

— Придурок, — говорит Линден, когда видит, как я направляюсь к нему. Наш обычный обмен любезностями. — Какого черта ты здесь делаешь?

Я пожимаю плечами.

— Скучно. — Я смотрю на Джеймса и передаю ему напиток. — Ты должен это попробовать.

Сережка в брови Джеймса поднимается вверх.

— Что это?

— Твой новый бармен сделал это, — говорю я ему. — Попробуй.

Джеймс пробует, а потом, наклонив голову, рассматривает бокал.

— Не плохо.

— Он называется Брэм МакГрегор, — говорю я ему.

— Конечно же, — со стоном говорит Линден.

Я продолжаю.

— Ты должен повысить девушке зарплату. Если кто-то способен сделать так быстро что-то настолько вкусное, за него определенно стоит держаться.

— Ну, я стараюсь дать ей больше смен, — объясняет Джеймс, — но это не так уж легко, у меня ведь полный штат. Я нанял ее, чтобы помочь, но не уверен, что еще могу сделать.

— Уволь кого-нибудь, — предлагаю я.

— Брэм, — предупреждает Линден. — Не вмешивайся в чужой бизнес. Тебе за своим собственным надо следить, брат.

— Ну, Дженни не совсем справляется, — признается Джеймс. — Хочу сказать, она надежная и исполнительная, да, но чем больше она работает здесь, тем больше считает, что мужчины ответственны за гибель цивилизации. Я не могу с ней обсудить что-то, если только речь не идет о каком-нибудь странном направлении феминизма.

— Ну, она ведь работает здесь, — замечает Линден. — Ты не можешь винить ее в этом.

— Как я уже сказал, уволь ее, — говорю я.

— Я немного подожду, — говорит Джеймс. — Не хочу показаться придурком, но я не знаю, насколько надежны матери-одиночки.

По непонятной причине этот комментарий заставляет кровь в венах застыть, наполняя их ядом, словно чернила кальмара.

— Она надежная, — говорю я грозным голосом.

Он смотрит таким взглядом, словно вообще не воспринимает меня всерьез. Пора бы мне уже к этому привыкнуть.

— Она не платит тебе за жилье. Так что даже сравнивать нечего. Слушай, мне нравится Никола, думаю, она великолепна, но что, если что-то случится с ее ребенком? Все мы знаем, что она больна. С ней может что-то случиться, и тогда Николе придется встать и уйти.

— Ну, если ты смотришь на это так, то у Джен или как там ее зовут, может по дороге на

работу колесо спустить, или она может отравиться, или, блин, просто прогуляет денек. Любой может. Наличие чертова ребенка не делает тебя менее надежным. Разве ты не думаешь, что ей нужна эта проклятая работа?

— Полегче, братишка, — говорит Линден, положив руку мне на плечо. — Пей свой напиток тщеславия и расслабься. Джеймс просто размышляет. Он поможет Николе, чем сможет, правда Джеймс?

Джеймс кивает головой, выглядя слегка обеспокоенным, как будто думает, что я собираюсь ударить его или что-то подобное.

— Определенно. Я помогу. — Затем он отступает и исчезает за барной стойкой.

— А его легко напугать, правда? — спрашиваю я Линдена.

— Порой да, — со вздохом говорит он, а затем допивает свое Anchor Steam. Он пронизательно смотрит на меня. — А что ты на самом деле здесь делаешь?

Яжимаю плечами и делаю глоток, не показывая, что у меня во рту все горит. Внезапно мне приходит идея потушить пожар кубиком льда, а затем мои мысли возвращаются к Николе, интересно, будет ли она извиваться, если вылить острый напиток на ее грудь, а затем сразу же провести по ней холодным языком.

— О да, я вижу, — говорит Линден, и я сразу же возвращаю внимание к нему.

— Что?

Он указывает подбородком в сторону Николы.

— Ты здесь из-за нее.

— Полагаю, хочу увидеть, будет ли она когда-нибудь в состоянии платить мне аренду.

На лице брата появляется медленная улыбка, и он недоверчиво качает головой.

— Нет, не поэтому. Думаю, ты бы позволил жить ей там вечно и без какой-либо платы.

— Ну и что с того? — бросаю я, но боюсь, возможно, он прав.

— Что случилось с моим братом, который переехал на Запад, желая вложить свои бабки и сделать себе имя, выйти из тени родителей?

— Я все еще такой, ты недоумок, — говорю я, ненавидя, что порой он так ловко может вывести меня из себя. Не помогает и то, что мы оба можем ранить друга, лишь упоминая имя матери или отца. — Нет ничего плохого в том, чтоб попытаться быть добрым самаритянином. Ты же сам всегда твердил мне, что я эгоистичный мужлан, который ничего не делает. Теперь я занялся кое-чем, и так получилось, что это доброе дело.

— Ну да, в добрых делах нет ничего плохого. Я так же, как и все, хочу помочь Николе, особенно ради Стеф. Эти двое очень близки, особенно с тех пор, как мы поженились. Полагаю, когда у тебя появляются дети или ты женишься, ты делаешь еще один шаг в клуб зрелости. Но ты не можешь делать вид, что у тебя нет скрытых мотивов. — Он тычет мне пальцем в лицо. — Ты не можешь притворяться, что тебе интересна благотворительность. Ты теряешь на этом деньги, братишка.

Самое смешное, что *мне* интересна благотворительность, но нет никакого смысла рассказывать об этом братцу. Так или иначе, он меня не слушает. Не важно, как сильно вы изменились, некоторые люди всегда будут видеть в вас того человека, которым вы были в определенный момент своей жизни. Не думаю, что Линден когда-нибудь перестанет думать обо мне как о развратном мерзавце, каким я был пока он рос. Не думаю, что когда-нибудь перестану думать о нем, как о маленьком говнюке, который крал мои ношенные вещи, чтобы натягивать трусы на голову другим на детской площадке. И неважно, как усердно наша мама пытается бросить пить и вылезти из своей скорлупы, и не важно, как сильно наш отец

пытается притвориться, что гордится нами, мы ничего не можем поделать и воспринимаем их так, как уже привыкли.

— Пусть даже и так, — пытаюсь объяснить я. Потом вздыхаю. Это бесполезно. — У нес красивые буфера. — Сдаюсь я и пью обжигающий эликсир.

Но Линден внимательно следит за мной.

— И это все?

Я киваю и начинаю кашлять. Он дает мне воды, я выпиваю половину.

— Спасибо, — говорю я, вытирая губы салфеткой. — И да, это все. Ожидаешь от меня большего?

— Думаю, нет, — отвечает он. Он откидывается на стуле и кивает на входную дверь. — Эй, зацени.

Смотрю через плечо. В бар заходит потрясающая блондинка с длинными волосами и глянцевой улыбкой. Она хочет произвести впечатление в своем золотом топе без бретелек, который демонстрирует ложбинку груди и охрененно узкие джинсы.

— Она похожа на твой тип, — замечает Линден.

— Ты пытаешься меня отвлечь? — иронизирую я.

Его взгляд становится серьезным.

— Я уже говорил тебе, Никола не для тебя. Стеф прибьет меня, если вы двое переспите. Она до конца дней будет попрекать меня, и утверждать, что это разрушило наши взаимоотношения. Все всегда сводится к этому. Она постоянно цитирует *Друзей*, помнишь когда Росс и Рейчел расстались и все для всех изменилось? Это, бл*дь, сводит меня с ума.

— Я ж не чертов Росс, — защищаюсь я. — Джо, может быть.

— Ладно, ну ты понял, о чем я. Она волнуется, чтоб все в компании было хорошо, все ладили, а ты знаешь, если трахнешь Николу, все закончится плохо. Не только для нее, но и для тебя. Что будешь делать с благотворительностью, когда она подожжет твое здание, а?

Я не могу не улыбнуться.

— Думаешь, я так плохо на нее влияю?

— Да ну, это бесполезно, — говорит Линден и щелкает пальцами в сторону Джеймса. — Бармен, повторишь?

Я сижу с Линденом и треплюсь обо всем, пока к нам не подходит Никола.

— Достаточно смелый для еще одного? — спрашивает она. Она что, со мной заигрывает?

Вижу, как Линден встает со своего места, и чувствую облегчение. Последнее, чего я хочу, чтоб он следил за всем, что я говорю ей.

— Если ты предлагаешь, я за. — Подмигивая, отвечаю я. — Это было...Брэмастик.

Она смотрит в потолок.

— Ты невероятен, — говорит она. — Может, в этот раз добавлю меньше сладкого, хотя, клянусь, я не добавляла туда никакой глупости.

— Я стану тем, кем ты захочешь.

Она вздыхает и начинает делать коктейль. Я запоминаю ингредиенты — текила Patrón, сок лайма, трипл сек, настоянный на кайенском перце ликер, чуть апельсинового сока и крошечная капля рассола из банки с маринованными банановыми перцами. Ах, вот что за секретный ингредиент.

Она украшает бокал и стреляет в меня взглядом, какой раньше я не видел, во всяком случае, у нее. Таким умоляющим, щенячьим. Мне нравится. Такое впечатление, что на этот

раз ей действительно что-то от меня надо, а то обычно это я пытаюсь ей что-то дать или сделать.

— Итак, — говорит она, голос такой неуверенный. Она протягивает мне коктейль. — Итак, — снова начинает она, — это за счет заведения.

— Это почему?

— Хочу попросить об одолжении.

Мои глаза расширяются.

— Ты? Ты просишь об одолжении? Меня?

Она вот-вот ускользнет. Я быстро протягиваю руку, кладу на ее, сжимаю мягкую кожу.

Но она смотрит на мою руку так, словно ей там не место. Я убираю руку и наклоняюсь вперед, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Прости, — говорю я. — Не хотел тебя дразнить. Что за одолжение? Ты же знаешь, для тебя все что угодно.

Дурак. Не это должно было вылететь из моего рта. Но я просто улыбаюсь, все нормально.

— Так вот, — говорит она, глядя на барную стойку, — Я тут подумала, если ты завтра не занят, не сложно ли тебе отвезти нас с Авой в ИКЕА? — Она смотрит на меня и быстро продолжает. Такое впечатление, что ей больно даже спрашивать. — Это не займет много времени. Мне просто нужен новый диван, и не думаю, что он влезет в автобус. Да, я могу попробовать, но...

— С радостью, — решительно отвечаю я. — Не проблема. Во сколько ты хочешь выехать? — Мне все равно что Мерседес не совсем подходящая машина для перевозки дивана, даже если тот разобрать, думаю, если необходимо, я всегда могу поменять его на Джип Линдена.

Черты ее лица расслабляются и она улыбается.

— Ты, правда, не против? Я не знаю, во сколько тебе удобно? Я не работаю, так что...

Все знают, что воскресенье в ИКЕА это сущий кошмар, так что я предлагаю приехать к открытию, пока там стало не слишкомлюдно. Она соглашается и у меня саднит в желудке. Мне надо выпить.

Я все еще улыбаюсь, когда Линден хлопает меня по плечу.

— Брэм, — говорит он, когда я оборачиваюсь. Та блондинка в золотом топе стоит рядом и выжидательно смотрит на меня. — Это Пейдж.

Какого хрена творит мой брат? Не припомню, чтоб он раньше сводил меня с кем-то. Он же знает, что мне это нахрен не надо.

— Привет, Пейдж. — Говорю я, вежливо кивнув, хотя на самом деле я далеко от вежливости.

— Я как раз рассказывал ей о тебе, — продолжает Линден, но я оглядываюсь назад, в бар. Мой коктейль стоит на стойке, а Никола идет к другому концу бара обслужить клиентов. Ерунда. Линден может думать, что все мне испортил, но нет. ИКЕА ждет меня.

Я поднимаю бокал и делаю глоток — блин, он еще острее, чем первый — и, мысленно вздохнув, я поворачиваюсь к ним. Ну, что ж, раз блондиночка стоит прямо передо мной и выглядит так же мило, как раньше, полагаю терять мне нечего.

— Пейдж, тебе следует попробовать это, — говорю я ей, предлагая напиток. — Давай, рискни.

— Хорошо, — отвечает она и все еще улыбается, но голос у нее слегка нервный.

— Вот, смотри, я выпью первый, — говорю я, делая еще глоток и пытаюсь не показать виду, когда мой рот обжигает — Лапочка, мне не надо добавлять рогинпол в твой коктейль, чтоб затащить тебя в постель.

— Океееей, — медленно произносит Линден. — Я, пожалуй, пойду.

Он направляется к туалету, и я киваю на его пустое место.

— Присаживайся и выпей, — говорю я ей. — Но если ты хоть раз кашлянешь, ты проиграла.

— Хорошо, — говорит Пейдж, она хочет выглядеть достойно. Она садится, я пододвигаю к ней бокал. Она нюхает его, прежде чем поднять. Прямо перед тем, как сделать глоток, она смотрит на меня. — Подожди, если я закашляю, что тогда будет?

— А этого мы еще не знает, — ровно говорю я, наклоняясь так близко, что мое колено практически касается ее. Это кажется таким простым, взять и снять эту цыпочку. Будет весело раз или два переспать с ней. Но с другой стороны, я ощущаю какое-то покалывание в затылке, оно словно говорит мне, что это не очень хорошая идея. Полагаю, эта та часть мозга, которая не хочет, чтоб я повеселился. Я называю ее Разум.

Я смотрю, как Пейдж делает глоток. Надо отдать ей должное, она даже не вздрогнула. Она с улыбкой глотает. Наверное, мою сперму она проглотит точно так же.

И тут свою голову поднимает Вина, подруга Разума. Не уверен, с чего бы это, у меня в мыслях нет ничего неправильного или необычного. Николе ведь наплевать, что я делаю и с кем я сплю. Я всего лишь ее сосед, арендодатель, и может быть, только может быть — ее друг.

Во всяком случае, на данный момент.

Возможно, именно это и останавливает меня от того, чтобы уйти домой с Пейдж. Ведь существует крохотная возможность что, в конце концов, я могу быть с Николой. Это маловероятно, но мне не хочется рисковать этим, не тогда, когда у меня нет стопроцентной уверенности, что у нас двоих нет шансов, чтобы быть вместе, пусть даже ради горячего траха.

И поэтому оставшуюся часть вечера я болтаю и флиртую с Пейдж, просто ради забавы. Я не вижу Николу, Линдена тоже нет, так что в конце вечера предлагаю ей взять такси вместе. Она с энтузиазмом соглашается, говоря, что я задолжал ей за то, что она так хорошо справилась с напитком.

Но единственное, что я должен Пейдж, так это довести ее до дома. Когда мы забираемся на заднее сиденье, по тому, как она потирает мою ногу, совершенно очевидно, что она думает по поводу того куда мы едем и что будем делать. Хочу сказать, я ведь говорил ей раньше что-то о том, чтобы переспать, так ведь?

Может быть сегодня именно один из тех первых случаев, когда я продинамил киску. Я говорю таксисту, куда ее отвезти, и когда она выходит из машины, то потрясена тем, что я не выхожу следом.

— Мне завтра утром рано вставать, — объясняю я, это ведь правда, меня ждет IKEA.

Она выглядит злой, не могу ее винить в этом. Но она все ж благодарит меня за поездку и говорит, я должен позвонить ей, когда у меня не будет планов на утро. Хоть раньше она и оставила мне свой номер, у меня и в мыслях нет звонить ей в ближайшее время.

Когда я добираюсь до дома, события прошедшего дня наваливаются на меня. Я чувствую внутри миллион разных нитей и желаний, и эта дикая, зудящая энергия, которая так отчаянно ищет выход. Начинаю думать, возможно, было ошибкой отшить Пейдж, может

если б она сейчас отсосала мне, то отвлекла бы меня от разных мыслей. Да кого я обманываю? Я бы точно стал думать о другой, и от этого все стало бы только хуже.

Я слышу, как открывается дверь Николы и сквозь стены слышно, как они с Лизой тихо болтают. Я стою и гадаю, может мне тоже стоит пойти туда. Я практически делаю это. Встаю и иду к двери, кладу руку на ручку двери. Хочу убедиться, что поездка в IKEA в силе. Хочу проверить, в порядке ли она. Хочу сказать спасибо за коктейль. Коснуться ее волос, заправить их ей за ушко и потеряться в ее губах. Хочу знать, какая она на вкус — ее рот, кожа, сладкая маленькая киска. Хочу вкусить своим языком все до последней капли.

Но сегодня мне не хватает смелости. Я остаюсь здесь, у себя. Конечно же, ночь превращается в эпический дрочефест, и на этот раз я веду себя громко. Я не сдерживаюсь, и не включаю музыку. Надеюсь, она слышит меня.

Надеюсь, ей нравится то, что она слышит.

Глава 9

НИКОЛА

Вчера вечером, придя домой, мое настроение было на нуле. Так что не удивительно, что и проснулась я не в духе. Это был именно тот случай, когда сон не стер заботы и тревоги прошедшего дня. Все по-прежнему там, внутри меня, кипит на медленном огне, сама даже не знаю почему.

Ава встает ни свет ни заря, и я уже привыкла вставать в районе семи. Понятия не имею, в силе ли наша поездка в IKEA. Я начала жалеть об этой просьбе с того самого момента, как она вылетела из моего рта.

Особенно сильно я стала жалеть о ней, когда Линден привел Брэму горячую блондиночку, которая тут же завладела его вниманием. Не знаю, почему это меня так сильно беспокоит. Может потому, что на какую-то маленькую, самую жалкую секунду мне показалось, что между нами может что-то быть, что-то большее.

И да, я знаю, что-то большее это плохо. Так будет всегда. Но когда его пальцы прикоснулись к моим, посылая теплые потоки к моим конечностям и вниз по спине, когда его глаза настолько были сосредоточены на мне, что я могла практически видеть молнии в этих серых облаках, я не смогла сдержаться, и хоть на секунду не представить, что бы было, если бы он был моим. В постели, вне ее, неважно где. Но мысли это всего лишь мысли.

К сожалению, он довольно быстро все разрушил. Да и Линден, чтобы удержать Брэма подальше от меня, сделал то же самое. Не могу винить его в этом, может мне даже стоит оценить его заботу. Но в этот раз, в этот проклятый единственный раз, мне так хотелось совершить большие, глупые ошибки.

В уродливом, туманном утреннем свете Сан-Франциско все выглядит по другому. Я пытаюсь подавить гнев, и задаюсь вопросом, интересно отвезет нас сегодня Брэм в IKEA или нет? Прошлой ночью я слышала, как он стонал. Я даже на секунду вышла в коридор, загипнотизированная его стонами, будто собиралась воплотить в жизнь свои фантазии. Но нет, я не постучала, не пошла туда, к нему.

Тут раздается стук в дверь. Я моргаю и пытаюсь понять, это происходит у меня в голове или наяву? Ава, с набитым яичницей ртом говорит.

— Стучат в дверь, мамочка. — У нее загораются глаза. — Может это Санта?

— О, думаю, просто кто-то ошибся, — говорю я себе под нос и встаю, чтобы проверить кто там. Я мельком смотрю на себя в зеркало и понимаю, что в этих своих шортах для сна и маечке, с сальными волосами и кислым выражением лица хуже выглядеть я уже не могу. Я вздыхаю и открываю дверь.

А там стоит сатана, одетый в темные джинсы, Converse и белую рубашку из такого тонкого материала, который точно не стоит одевать в дождь. То есть, я не хотела бы оказаться в такой под дождем, а он пусть носит, ничего страшного.

Он с ног до головы осматривает меня, но в его глазах нет никакого осуждения, лишь небольшой огонек, легкая версия того взгляда, которым он смотрел на меня прошлой ночью.

— Ты ведь помнишь, что у нас свидание, да?

Я смотрю на него. Снова возвращаюсь к защите.

— Это не свидание. Это услуга.

— У меня было много свиданий, которые начинались с услуги. И многие услуги заканчивались свиданиями. — Уголки его губ приподнимаются. — Не возражаешь, если я войду?

Я машу рукой.

— Входи. Я даже кофе еще не выпила.

— Должно быть, ты сверхчеловек, — говорит он, проходя мимо меня пока я закрываю дверь. Он останавливается у стола и поднимает ладонь для Авы.

— Дай пять, малышка.

Она хлопает по ладони и хихикает, а он идет на кухню и начинает готовить кофе так легко и уверенно, будто живет здесь.

— Итак, Ава, — говорит он, стоя спиной к нам. — Как там начинается твоя песня?

— Брэм, нет, — предупреждаю я. Но уже слишком поздно. Она снова кричит.

— Знаешь, — говорю я, повысив голос, чтоб перекричать Аву. — Мне повезло, что один из моих соседей ты. У меня такое чувство, что пожилой мужчина слева от нас в один прекрасный день пожалуется на ее пение.

— Солнышко, он может жаловаться на все, что хочет, главный здесь я.

Он наливает воду, а я не могу удержаться и не спросить.

— Так как все прошло прошлой ночью? — Я стараюсь звучать беззаботно, насколько это возможно, но понимаю, что вообще зря об этом заговорила. Не хочу, чтоб он думал, что мне есть до этого дело. Мне все равно. — Мне просто любопытно, — добавляю я, будто это имеет какое-то значение. Ну, мне, правда, просто любопытно. В этом ведь нет ничего плохого.

— В Lion? — спрашивает он, встряхивая кофейник, а затем прислоняется к раковине и смотрит на меня. Скрещивает руки на груди, и я делаю все, чтобы не начать их рассматривать.

— Да.

Он наклоняет голову, разглядывая меня.

— Ты была там. Ты мне скажи.

Я облизываю губы, беспечно развожу руками.

— Ты вроде как поладил с той девушкой, которую тебе нашел Линден. Я видела как вы двое вместе уезжали на такси.

— И что сейчас? — спрашивает он. Мне нравится, как он произносит «сейчас» с этим своим акцентом, как «нет», только мягче.

— Ммм, хм, — отвечаю я, жалея что вообще что-то сказала.

— И что ты чувствуешь по этому поводу?

Он что, всерьез спрашивает меня об этом? Я смотрю на него.

— Ничего я не чувствую, может только немного жалости к девушке, которую забудут через пару дней.

Он морщит лоб.

— Ты так думаешь?

— Прекрати отвечать вопросом на вопрос.

Он издает смешок.

— Справедливо. К твоему сведению, это ни к чему не привело. Из бара она отправилась напрямиком к себе домой.

Так шум, который я слышала прошлой ночью... Я додумываю недосказанное. Это снова был он один.

— И, — говорит он, выпрямляясь и направляясь ко мне, внезапно его огромное тело будто занимает все пространство квартиры, — чтоб ты знала, свидание с Жюстин закончилось так же.

— Две ночи подряд без секса, — комментирую я.

— Верно, — спокойно говорит он. — Бывает. Обычно такое случается, когда моя голова занята чем-то другим. Зачем трахать кого-то, если ты не можешь перестать думать о ком-то еще?

О черт. Это он обо мне?

Конечно о тебе, быстро говорю я себе. Но все же, даже понимая, что вероятней всего это правда, ни одна часть меня не готова с этим справиться. Брэм отказался переспать с двумя красотками, потому что думает обо мне? Мисс Одинокой мамочке с растяжками и шрамом, одетой сейчас в самую уродливую ночнушку?

Да он шутит. Под тлеющим огнем его пристального взгляда, под этой опасной ухмылкой, это всегда шутки. Брэм шутник, Брэм вечно морочит мне голову.

Он просто *обязан* шутить.

— Мамочка, — вклиниваясь между нами, вдруг произносит Ава. У меня занимает пару секунд оторвать взгляд от него и сфокусировать на ней.

— Д-да, ангел? — спрашиваю я, удивленная тем, как дрожит мой голос. А еще я удивлена тем, что из всех чувств, бушующих во мне, физические делают ситуацию еще более неуместной.

— Ты говорила, что сегодня мы отправляемся в путешествие, — говорит она. — Куда мы идем?

Правильно. ИКЕА. Чувствую на себе взгляд Брэма и не смею поднять на него глаза. Не думаю, что готова к правде, не важно, что это за правда.

— Мы поедем в магазин выбирать новый диван, — отвечаю я ей.

Она озадаченно смотрит на диван.

— Но мне нравится наш, — говорит она, нижняя губка дрожит. — Это моя крепость.

Мое сердце тает, я приседаю на корточки рядом с ней, прижимая ее к себе.

— Я знаю, Ава, но мы пойдем туда, чтобы купить новый диван. Может быть даже два. И знаешь что?

— Что? — Тихо спрашивает она.

— Там есть волшебная комната с шариками, — говорю я. — Помнишь, мы с тобой

смотрели фильм и видели, как ребенок спрятался под всеми этими шарами. — К сожалению, я говорю ей о фильме *Траффик*, который, конечно же, я смотрела без нее, но ей это знать не обязательно. — Это так весело. Когда я была ребенком, мне такое нравилось почти так же сильно, как и Рождество.

Теперь она смотрит на меня так, словно я сошла с ума.

— Это правда, — говорит Брэм, она смотрит на него снизу вверх. — Будет очень весело. Ты готова, малышка?

Она настолько влюблена в Брэма, что ее глаза загораются, и она энергично кивает. Я бы позавидовала ему, если бы не чувствовала кое-что другое, особенно там, внизу. Это как пинок — *эй, Никола, а он хороший* — думаю мне надо положить мою матку, вагину и сердце в какую-то ячейку, ключ от которой будет только у моего мозга.

Он лениво смотрит на меня.

— Ты готова?

Делаю глубокий вдох и бодро улыбаюсь.

— Дай мне что-нибудь одеть и хотя бы причесаться.

— Ты совершенна, детка, — говорит он. — Несмотря на то, что твои соски претендуют на мое внимание.

Я смотрю вниз и вижу, как они упираются в тонкую маечку так, словно пытаются прорваться через препятствие и выбраться наружу. Дерьмо.

Я тут же закрываю их руками и спешу в спальню, мне так хочется отмотать пленку назад и снова начать это утро. А еще так странно кружится голова от того, что произошло раньше.

Когда мы въезжаем на стоянку ИКЕА в Эмеревилле, я удивляюсь, что не все места еще заняты. Опять же, хоть сегодня и воскресенье, еще слишком рано. Я смотрю на часы, на гладкой приборной панели Мерседеса, 9:50, до открытия еще 10 минут. Мне любопытно, это потому что люди среднего возраста пытаются обогнать толпу и сделать свои дела, придя пораньше?

Я смотрю на Брэма, его рука все еще на коробке переключения передач, и на долю секунды я представляю в его волосах седину. Еще больше щетины на его красивом подбородке и морщинки вокруг глаз. Я воображаю и себя и его старше, а Ава уже подросток и сидит на заднем сиденье.

Кажется при подобных мыслях мое сердце увеличивается, ощущается таким целостным, таким полным. И тут оно спотыкается, будто не в силах понять что происходит, я чувствую неловкость от того, что даже на мгновение мои мысли ушли туда. Вот это да, что, черт возьми, на меня нашло?

— Пойдем к входу, — быстро говорю я, открывая дверь и выходя из машины. Точно знаю, что Брэм озадачен моим резким побегом, но мне нужно очистить голову и сосредоточиться на деле. Диван, диван, диван. Шведская мебель. Яма с шариками. Хот-доги за доллар.

К тому времени, как мы доходим до двери, после того, как я вытащила Аву из сиденья, убедилась, что у меня есть нарезанное яблоко, маленький пакетик сока, ручка с инсулином и глюкометр, двери магазина открыты. Тем не менее, там относительно спокойно, и нам

повезло, что яма с шариками еще не переполнена детьми. Ава меряет рост, надо убедиться, что она достаточно высокая, чтобы пойти туда и мы оставляем ее с няней. Это дает нам около часа, достаточно времени для того, чтобы осмотреться и потом забрать ее на обед.

Несколько минут я наблюдаю за ней, как она медленно подходит к краю ямы, наблюдая за другими, уже резвящимися там, детьми. Она никогда не стеснялась других детей, на самом деле она не так уж часто оказывается в их обществе. Полагаю, потому что у меня нет друзей с детьми — так бывает, когда вы рождаете рано и вне брака.

Один ребенок, мальчик на несколько дюймов выше, пробирается через шары и останавливается прямо перед ней. Он усмехается, такой беззубый, а затем бросает в нее шарик. Он попадает ей прямо в голову, и я уже готова бежать туда, защитить Аву и как следует отчитать этого маленького говнюка.

Но Брэм хватается меня за руку и тянет назад, ближе к себе.

— Полегче, мамочка, — шепчет он мне на ухо. Я позволяю ему удерживать себя, и мы наблюдаем, как Ава берет шарик и бросает его обратно в мальчишку. Он попадает в грудь, и она хмурится, а потом идет к другой стороне ямы, где к ней подлетает девчушка с красными косичками.

— Он не очень-то отличается от тебя, — бормочу я, мой пульс возвращается к нормальному.

Брэм до сих пор держит мой бицепс, затем отпускает его, скользя пальцами вниз по моей коже, я начинаю понимать, что он хочет взять меня за руку. Но тут он убирает руку.

— И Ава, как и ее мама, отлично знает как вести себя с такими мальчишками как я. Пойдем?

Я понимаю, что если мы останемся здесь, в детской комнате, мы ничего не успеем. Я наблюдаю, как приходят другие мамы, оставляют детей и спешат в магазин, словно не могут дождаться остаться одни, без детей. Я настолько привыкла к тому, что Ава всегда рядом, мне тяжело, когда ее нет. Но это хорошо для нее и хорошо для меня. Во всяком случае, так должно быть.

Я улыбаюсь Брэму, и мы идем вверх по лестнице в другую часть магазина.

— Итак, — Брэм изучает план магазина, ища начало экспозиции гостиных. — Какой диван ты ищешь?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Дешевый. — Я смотрю на огромный диван перед нами. — Небольшой. И тот, который не так уж легко порвать,

Брэм падает на диван и кладет ноги на журнальный столик, чувствуя себя прямо как дома.

— Ну, не хотелось бы тебя разочаровывать, но ИКЕА славится не своим качеством, нет. Дешевизной, да.

Но я его уже не слышу. Вместо этого мои глаза останавливаются на его носках. Это снова они, уродливые коричнево-желтые с лохнесским чудовищем.

— Ладно, — кивая на них, говорю я, — я уже второй раз вижу их на тебе. Что с ними?

Он смотрит на свои щиколотки так, будто удивлен увидеть их там.

— Ты про эти? Счастливые носки. — Но когда он улыбается мне, в его глазах есть что-то тяжелое. Это тот взгляд, который я вижу достаточно редко, мне сразу же хочется проанализировать его, выяснить, что он значит, хотя знаю, я не должна этого делать. Я королева отклонений, а этот взгляд говорит мне, что он заставит меня поволноваться.

Вместо этого я говорю.

— Настолько счастливые? Они самая уродливая вещь, которую я видела. Они не очень-то смотрятся с этим нарядом.

Темнота в его взгляде уходит, и он насмешливо смотрит на меня.

— Ты интересуешься тем, что я ношу?

— Раньше это было моей работой, — говорю я. — В смысле, я одевала манекены, но уверена, это были самые стильно одетые манекены в мире.

— Охотно верю, — говорит он. — Для женщины, у которой не так много денег, ты знаешь, как заставить себя выглядеть на миллион долларов. — Он встает с дивана, я вроде как в шоке от его комплимента. Верите вы или нет, это значит для меня больше, чем он думает. Несколько лет назад, когда это было круто и приносило доход, у меня был модный блог, я так гордилась тем, как одевалась. А теперь это кажется таким не важным.

Нет, забудьте об этом. Не то чтобы это было не важно. Просто я не нашла ничего лучше, чем приклеить ножку стола к кухонному столу. Внешне я могу выглядеть отлично, да, но глубоко в душе я в полном раздрае.

Но сегодня я на самом деле принарядилась. Пара ботильонов Alexander McQueen купленных много лет назад, узкие джинсы из Old Navy (нашла их на распродаже за \$4) и полосатый топ Petite Bateau. Он слегка поношенный, но по-прежнему заставляет мои буфера выглядеть фантастически. Давайте посмотрим правде в глаза, именно поэтому я его и надела, и, судя по тому, как глаза Брэма продолжают периодически опускаться именно туда, могу сказать, он оценил мои усилия по достоинству.

— Спасибо, — отвечаю я, пытаюсь найти способ ответить на комплимент. — Ты тоже не так уж плох. Ну, если не считать носки какашечного цвета.

Он начинает хохотать.

— Какашечного цвета? Ты слишком много времени проводишь с Авой, моя милая.

— Возможно, — признаю я, мы идем дальше по проходу. Пока что ни один увиденный диван не похож на то, что я ищу. Я уже устала садиться и вставать, чтобы попробовать их.

Наконец мы доходим до зоны с огромным количеством кресел, и я вижу то, что мне нравится. Это небольшой ярко-желтый двухместный диванчик с металлическими ножками. Направляюсь к нему, чтобы посмотреть цену. Почти сто баксов. Я могла бы купить два, они впишутся в мой интерьер и выглядят они так, словно собрать их будет легко.

— Ты серьезно? — спрашивает Брэм, с призрением поглядывая на диван. — Как ты собираешься пригласить меня к себе домой? Если я сяду на эту чертову штуку, я ее сломаю.

— Попробуй, присядь, — уговариваю его и смотрю, как он опускает свое массивное тело на диван.

Он морщится.

— Самый неудобный диван на котором сидела моя задница.

Я сажусь рядом. Он тесноват. Действительно тесноват. Моя нога прижимается к его ноге и меня дразнит этот восхитительно сексуальный, мужской запах. Но, несмотря на это, он прав. Набивка практически пустая.

Но мне так подходит цена.

— У меня много подушек, — говорю я, пытаюсь встать с дивана. — Я могу заставить это работать.

Мой пресс на самом деле работает, пытаюсь выбраться из этого проклятого дивана. От Брэма никакой помощи. Он тянет меня за воротник и усаживает обратно рядом с собой.

— Знаешь, если бы мы были парой, — говорит он, кладя руку на спинку так, что она оказывается у меня за плечом, — это диван был бы для нас идеален. Мы бы никогда с него не встали. Мы бы сидели здесь в компании друг друга целую вечность.

— Слава Богу, что это не так, — говорю я, теперь его рука прямо на моем плече, вырисовывает круги и прижимает меня ближе к нему.

— Это не так уж и плохо, — говорит он, его голос решительный. — Да?

— Не могу поверить, что ты подкатываешь ко мне в ИКЕА, — шучу я, делая еще одну попытку встать. Но у меня не получается.

Он убирает руку и откидывает голову назад, на его лице недоверчивый взгляд.

— Ты думаешь, я подкатываю к тебе? Ох, сладенькая, ты до сих пор не поняла. Мои подкаты заставят тебя задыхаться, возбудиться и вспотеть, постанывая мои имя. А не шутить.

Я не признаюсь, что в нашей близости друг к другу есть что-то такое, что заставляет меня тяжело дышать.

— Это практически девиз, да?

Он широко улыбается, и я замечаю у него внизу кривой зуб, он добавляет грубого очарования его и без того совершенному лицу.

— Трах, бах, спасибо, Брэм лучший.

Я качаю головой.

— Ты невыносим.

— Я невыносим, — говорит он, каким то образом ему удалось встать. — Но я верю, ты со мной справишься. — Он протягивает мне руку, и когда я вкладываю свою в его, удивляясь, насколько маленькой и изящной выглядит моя ладонь, он поднимает меня.

— Спасибо, — говорю я, приводя себя в порядок после освобождения из плена дивана. — Кстати, ты всегда такой загорелый. Он искусственный или ты постоянно едешь куда-то в жаркие края?

Такое впечатление, что он слишком доволен моим вопросом.

— Интересно-интересно, Никола. Польщен, что ты заметила цвет моей кожи. Сначала носки, теперь загар. Я начинаю думать, что возможно ты заинтересована в чем-то большем, чем в моих навыках домовладельца. — Я скрещиваю руки на груди, ставлю одну ногу вперед и посылаю ему этот «ты что, издеваешься» взгляд. Он продолжает. — У меня есть парочка любимых мест, где светит солнце даже тогда, когда его нет в этом сером городе. — Он делает паузу, спокойно смотрит на меня. — Был бы счастлив как-нибудь взять вас с Авой туда.

Вау. Я смотрю на него, я привыкла к его благотворительности, но кажется, поездка вместе говорит о чем-то другом.

— А как насчет Линдена и Стеф? — осторожно спрашиваю я.

Он лениво поднимает плечо.

— Они тоже могут приехать. Хотя, это отчасти помешает кое-каким соблазнительным вещам.

Я не могу удержаться от смеха.

— Соблазнительным вещам?

Он тычет в меня пальцем.

— Просто подожди. — Потом он идет к стойке рядом, берет бумажку и один из тех маленьких карандашей, записывает информацию о диване, место на складе. Машет

бумажкой передо мной. — Я записал информацию о твоём жутком диване.

— Спасибо, — говорю я, и мы собираемся идти дальше, хотя Брэм продолжает смотреть через плечо на прекрасный диван-футон. Я игриво подталкиваю его. — Я уже все решила, я не могу позволить себе диван-футон и желтый диван довольно мил. И он недорогой.

— Да уж, а его сборка будет настоящей катастрофой.

— Я старый профи, — успокаиваю я. — И у меня есть сосед, кажется, он знает, как держать в руках инструмент. — Я смотрю на его самодовольное лицо и добавляю. — Хотя с шестигранным ключом справится даже ребенок.

Когда мы идем к ванным, Брэм хватается за руку и быстро тянет в сторону.

— У меня для тебя вызов.

— Вызов? — Переспрашиваю я. Знаю, что первый настоящий поцелуй Стеф и Линден случился как раз из-за вызова, но не знаю, что на уме у Брэма. Вызовы опасны, как правило, они непристойные и, ну вроде как, незрелые. Думаю, мне было лет одиннадцать, когда я последний раз участвовала в этой игре, тогда мне выпало перешагнуть через корову в середине ночи.

— Да, — говорит он, выглядя куда более взволнованным, чем должен. — Ты идешь в ванную и садишься на унитаз, делаешь вид, что читаешь журнал. Когда кто-то заходит внутрь, кричишь на них, чтобы они вышли и что тебе надо гребаное уединение.

— Что? — вскрикиваю я, глядя туда, куда он показал. — Это не настоящая ванная. Я не собираюсь этого делать.

— Тебе даже штаны снимать не надо, — хихикает он. — Человек будет в таком шоке, что даже этого не заметит.

— Фу, нет, — говорю я, вырываясь из его объятий и отходя в сторону.

— Ты действительно не умеешь веселиться, — подходя ко мне, говорит он.

Я останавливаюсь, резко оборачиваюсь и тычу пальцем ему в лицо. В груди поднимается волна гнева.

— Знаешь, однажды ты уже сказал мне что-то подобное, и с тех пор это так и вертится в моей голове. Я веселая, просто не тупая. Я знаю, как весело провести время, но я не шлюха. Я...

Он поднимает руки ладонями ко мне, глаза широко раскрыты.

— Вау, полегче. Я определенно не говорил такое. Ты не шлюха и, конечно же, ты не тупая, хорошо? Это просто была шутка. Я дразню тебя, ты меня. Видишь...это и есть веселье.

Тяжело дышу, делаю глубокий вдох и успокаиваюсь. Не знаю, почему я так остро отреагировала.

— Эй, — мягко говорит он, кладя пальцы мне на подбородок и наклоняя голову так, чтоб я посмотрела ему в глаза. Последний раз он так смотрел на меня в вечер свадьбы. Фрагменты тех самых чувств наполняют меня, и у меня появляется ощущение, что я оказалась там и одновременно тут, под флуоресцентным светом IKEA. — Знаю, иногда я бываю бестактным. Ничего личного. Ты веселая. — Я стараюсь смотреть в сторону, но он продолжает удерживать мое лицо. — Ты веселая, Никола. С тобой весело, что бы ты там себе не думала. И я думаю, ты, возможно, самое прелестное существо, какое я только видел, выбирающее малипусечные, наидешовейшие, дерьмовейшие диванчики для своей квартиры. Если это не веселье, тогда я не знаю что это.

Теперь он слишком милый, комплименты меня смущают. Видимо он, правда, верит в это.

— Думаю, мне больше нравится когда ты ведешь себя как придурок.

— Хорошо, — отвечает он. — С этим я могу работать. Ты ведь знаешь в чем твоя настоящая проблема, солнышко?

— В чем? — спрашиваю я, я хочу знать, но в то же время и не хочу.

— У тебя серьезный недотрах, — говорит он низким голосом. Он наклоняется ближе. — И я именно тот, кто можешь склонить чашу весов в другую сторону.

Я моргаю, сглатываю. Возразить мне нечего, я знаю, это правда. Я просто не хочу, чтоб он знал, что это правда.

Искоса смотрю на него, пытаюсь не поддаться на его инсинуации.

— Ты о себе такого высокого мнения. Не можешь удержать свое эго в узде?

Он слегка качает головой и неотрывно смотрит на меня.

— У меня есть причина для такого эго. И ты однажды узнаешь, что это за причина.

Меня с ног до головы омывает теплом. Я отвожу взгляд в сторону, он убирает пальцы с моего лица. Я будто задыхаюсь и практически дрожу, будто я в ловушке. Какое-то подобие магнетического силового поля посреди шведской мебели.

— В твоих мечтах, — отвечаю я, но выходит какой-то писк.

Он просто улыбается. И все.

— Прости, — бормочу я, пытаюсь сменить тему. — Я зашла слишком далеко. Очевидно у меня с этим проблемы.

— Как и у всех нас, да? — спрашивает он. Берет меня за руку и ведет по проходу. — Давай спасти твою дочь из этой ямы.

Он так и продолжает держать меня за руку, пока мы не доходим до места.

Глава 10

НИКОЛА

Остальное время пребывания в ИКЕА не отмечено событиями. К счастью, когда мы забираем Аву, все пошлые намеки прекращаются. Не то чтобы треп Брэма можно было назвать намеками. Напрямую он ничего такого не говорил.

К тому времени, как мы возвращаемся домой ко мне, я так запуталась. Мне нужно время, нужно побыть наедине со своими мыслями, восстановить силы. Как бы сегодня не было весело, я получила вызов. Брэм бросил мне вызов. У меня такое чувство, что, чем дольше я буду торчать рядом с моим красивым соседом, тем быстрее будет таять моя решимость.

Молодец!

— Что ж, — говорю я после того, как он занес в квартиру все тяжелые коробки с деталями дивана. Я еще раз напоминаю себе, что не стоит пожирать его глазами когда он, словно какой-то пещерный человек, поднимается и опускается с ними по лестнице. — Спасибо, что отвез нас в магазин.

— Все что угодно для двух моих любимых девочек, — глядя на Аву, отвечает он. Она хихикает, потом неожиданно смущается и убегает в свою комнату. — И я не шучу, — глядя теперь уже на меня, добавляет он. — Ты уверена, что тебе не нужна помощь с этими дурацкими диванами?

— Уверена, — отвечаю я.

Он кивает.

— Хорошо. Крикни, если тебе что-то понадобится. — Он улыбается, а потом уходит. Он закрывает дверь, но я не дышу, пока не слышу, как он закрыл свою.

Я падаю на диван, и мне вдруг становится грустно от того, что мне надо избавиться от старого дивана, заменить его новым. Он такой удобный, мягкий, словно теплое объятие. Знаю, он в прямом смысле слова разваливается на части, но он со мной так давно. Он был со мной в тот самый момент, когда моя жизнь превратилась в хаос, и я сошла с дистанции. Я купила его онлайн на Anthropologie и помню как зол был Фил, когда диван появился в нашей квартире. Он сказал, что это место становится слишком девчачьим и вытесняет его. Это был знак. Может это не мебель его вытесняла, может это была я.

Я не хочу убирать этот диван. Хочу, чтобы он остался. Прямо здесь, в безопасности.

— Мамочка, — нараспев произносит Ава, опускаясь на диван рядом со мной.

— Что, ангел мой?

— Брэм мой папа?

Я с трудом дышу.

— Что? Нет, твой отец? Нет, сладенькая. Нет. Твой отец Фил.

Она качает головой.

— Но я не помню Фила. Я никогда не видела *Фила*. — Она произносит его имя так, словно оно какое-то неприятное на вкус. — Я вижу Брэма. Брэм *должен* быть моим папой.

От такого у меня разрывается сердце.

— Это так не работает.

— Почему? Разве мы ему не нравимся?

Господи. Я убираю волосы с ее лица.

— Думаю, мы ему нравимся. Может тебе стоит попросить его у Санты на следующий год? — В шутку добавляю я, просто пытаюсь остановить разговоры на эту тему.

Она улыбается.

— Хорошо, я так и сделаю. Сколько месяцев осталось до Рождества?

Дерьмо. Видимо шутка не сработала. Я знала, что откладывая неизбежное, но сейчас чувствую себя словно в одном из этих ужасных рождественских фильмов. Я вздрагиваю от слащавости.

Я слышу низкие басы из соседней квартиры, Брэм снова включил что-то из своей коллекции британского трип-хопа 90-х. Я практически вижу его подростком в Шотландии, принимающим экстази и идущим в подпольный клуб. Уверена, у него была короткая колючая прическа, он носил бусы из бисера и спортивки Adidas. Думаю надо поинтересоваться у него, как он тогда выглядел.

Нет, говорю я себе. *Выкинь его из своей чертовой головы. Сейчас же.*

И я прислушиваюсь к себе. Я беру телефон и пишу Стеф.

Знаю, сегодня воскресенье, но мне нужен вечер для девочек. И не в Lion.

Она тут же отвечает.

Поняла. Скажу Кайле. Мы как следует оторвемся и напьемся. Кто пригласит за Авой?

Хороший вопрос.

Я кого-нибудь найду.

Затем я звоню маме, и когда она говорит, что не может, ей завтра рано утром убирать дом, я звоню Лизе. Её пригласили на ужин, и она не может не пойти.

Вот дерьмо. Полагаю двух няnek по вызову маловато, особенно когда они нужны так срочно. Может мне придется забыть о развлечениях, это так плохо, потому что чем больше я представляю, как беззаботно танцую и напиваюсь, тем больше мне этого хочется. Мне это *необходимо*, чертовски необходимо.

Никого не могу найти, пишу я Стеф

Что насчет Брэма? Ее быстрый ответ.

А что *насчет* Брэма? Мне сразу хочется отбросить этот вариант. Прежде всего, эта ночь должна стать бегством от Брэма, а если он останется с Авой, я всю ночь буду беспокоиться о ней, автоматически думая о нем. И не знаю, смогу ли я доверить ему заботу о ребенке, особенно своем, особенно диабетике.

Да и не хочется мне просить его об очередной услуге. Так что вот.

Вряд ли, пишу я Стеф. **Найду кого-нибудь еще**. Несмотря на то, что мы обе знаем, больше никого нет. Хочу сказать, я знаю, есть еще Линден, но в списке безответственных он хуже даже Брэма

Я откидываюсь на спинку дивана и начинаю просматривать список контактов, Ава сидит рядом на полу и играет с куклами. Я вспоминаю о Пенни, подружке Джеймса, и только-только собираюсь написать ей сообщений в Facebook, как слышу, как Брэм говорит:

— Никола? — из коридора.

Отлично. Я кладу телефон и иду к двери, открываю ее. Он стоит напротив, смотрит на меня жадными глазами.

— Да? — мягко спрашиваю я.

— Я только что разговаривал со Стеф, — говорит он. — Буду рад сегодня вечером присмотреть за Авой.

Стеф? Вот сучка!

— Она тебе позвонила? — недоверчиво спрашиваю я. И мне тотчас же хочется побежать к своему телефону и отправить ей гневное сообщение с кучей мата.

— Да, позвонила, — прислонившись к косяку, говорит он. — Она сказала, сама ты никогда не попросишь, но сегодня ты хочешь выйти с девочками и не смогла найти няню. И вот он я.

Я не знаю что сказать. Ава говорит за меня.

— Брэм! — кричит она, будто он не ушел отсюда десять минут назад. Она пробегает мимо дивана, подбегает к нему и обнимает его ноги. Это так мило, меня сейчас вырвет. И тут я вспоминаю, что она чуть раньше говорила о Брэме и думаю именно это сейчас и произойдет.

— Тебя прислал Санта? — спрашивает она.

О, Боже, думаю я. *Пожалуйста, прекрати*.

— Ладно! — говорю я быстро. И громко. И Ава и Брэм слегка подпрыгивают. — Окей. Брэм, это было бы здорово, если ты не против, — я понижаю голос. — Я знаю, я прошу слишком многого. Нам надо обсудить пару вещей о ее, хм, ситуации.

— Диабет! — вопит Ава, бегая взад-вперед между нами, зная, что я пытаюсь обойти ее. — Особая болезнь!

— Позитивный подход, — комментирует Брэм. Он улыбается. — Покажи мне что к чему, мама.

Я с недоверием смотрю на него.

— Будет немного странно, если ты продолжишь называть меня мама

— Верно. — Кивает он. — Не хочу, чтоб произошла ошибка, когда буду шпилить и вылизывать тебя.

Я ахаю и закрываю Аве уши, пока она не хохочет и не убегает.

— Язык. — Предупреждаю я его.

— Чем грязнее, тем лучше, — говорит он, ему это нравится. — Все, что она поймет, это что мы говорим о коврах. К слову о коврах... — Его глаза устремляются вниз к моим джинсам.

— Брэм, — строго говорю я. — Если ты хочешь помочь, то заткнись и иди сюда.

Я веду его на кухню, там, в специальном контейнере, я храню инсулин и прочие нужные вещи.

— Мне нужно, чтоб ты был внимателен. Это серьезно. Ты понял?

Он говорит, что все понял, но на его лице все еще ухмылка.

— Ты до этого когда-нибудь сидел с ребенком?

Ухмылка исчезает.

— Конечно, сидел.

— О, правда?

Он хмурится, слегка прищурившись.

— Я не настолько некомпетентен, как ты думаешь. — Резкость в его голосе застаёт меня врасплох. Похожее чувство появилось у меня, когда я спрашивала о его тупых носках.

— Надеюсь, ты прав, — беззаботно говорю я, стараясь не обращать внимания на внезапную перемену. Пока у меня есть его внимание, хоть он и напряжен, я перехожу к основам.

— Это монитор для контроля уровня сахара в крови.

— Веретено! — выкрикивает Ава, выбегает и с нетерпением наблюдает за нами. — Это веретено, им Спящая красавица прокалывает свой палец.

— Правда? — спрашивает Брэм, кажется, он немного успокоился. Фух. Думаю, шутник мне нравится намного больше. Когда Брэм МакГрегор становится серьезным, он *опасен*.

— Это лишь крошечный укол пальчика, — Я держу устройство, вставляю тест-полоску и включаю его. Затем беру руку Авы и быстро и аккуратно прокалываю кончик пальца. Она трясет рукой, словно ей больно. Вероятно, так и есть, но она уже привыкла, и она улыбается Брэму как большая девочка.

— Потом, — продолжаю я, показывая ему, — мы смотрим результат. Здесь 170, сейчас это нормально. Тебе надо сделать это лишь перед сном. Результат должен быть 100–180. — Я вынимаю тест-полоску и выбрасываю. — Затем ты выкинешь полоску.

— А что будет, если результат будет вне данного диапазона?

— Ты скорректируешь ее диету, — отвечаю я. — Но тебе не о чем беспокоиться. Это всего лишь немного особый образ жизни. Я провожу тест примерно шесть раз в день, иногда больше. Она получает инъекции инсулина три раза в день, утром, во второй половине дня и перед сном. В IKEA я сделала ей укол в ванной, а вечером, до того, как я уйду, сделаю еще один. И на всякий случай покажу тебе. — Неожиданно я понимаю, что начинаю задыхаться и хватаюсь за сердце.

Брэм кладет руку мне на щеку, пристально всматриваясь мне в лицо. Несмотря на то, что у меня начинается небольшой приступ паники, ощущение его горячей кожи успокаивает.

— Все хорошо, — ласково говорит он успокаивающим голосом. — Я справлюсь.

— Прости, — удается выдать мне, пока я пытаюсь дышать. — Это всегда так трудно.

Каждый раз, когда я хожу, у меня такое чувство, будто я оставляю ее судьбу в руках кого-то другого

— И ты права, — говорит он, подходя ближе на дюйм, его ладонь все еще на моей щеке, пальцы нежно отводят волосы от лица. — Но я с этим разберусь. Ты выйдешь, повеселишься, а потом вернешься. Она будет в порядке, она будет спать, а я просмотрю все твои фотоальбомы.

Почему-то эти слова заставляют меня улыбнуться.

Время около семи, я принарядилась в черное коктейльное платье, оно вполне подойдет для эпизода в *Безумцах* (прим. пер. американский драматический телесериал, который выходил на телеканале АМС с 2007 по 2015 год), накрасила губы красной помадой и уложила волосы в стиле 60-х.

— Мамочка, ты похожа на принцессу, — присаживаясь на край кровати, говорит Ава, качая ногами туда-сюда, пока я подвожу глаза подводкой. — Нет, на королеву.

— Ну, спасибо, — говорю я, улыбаясь ей в отражении. — Ты будешь хорошо вести себя с Брэмом, да?

— Да, — отвечает она, и я ей верю. Одно из прекрасных качеств Авы заключается в том, что она никогда не была своевольным ребенком. Она всегда вежлива и рассудительна, даже когда впадает в истерику, что бывает редко, она быстро останавливается и отходит. Конечно же, когда я была ребенком, я вела себя совсем не так, и порой я задаюсь вопросом, как получилось, что она такая хорошая, когда наши обстоятельства могли бы быть намного лучше. Но опять же, до тех пор, пока ей есть что кушать, есть крыша над головой и мама, которая ее любит, ребенку надо не так уж и много. За исключением нового поколения *Mu Little Ponies*, но для этого есть Рождество.

И очевидно кое-что еще.

До прихода Брэма не так уж много времени. Он приносит с собой миску еще не готового попкорна, я нахожу это своего рода очаровательным, и чуть не роняет его, когда видит меня.

Может это немного мелочно хотеть от него такой реакции, ну что ж, я в состоянии признать, что мне она приятна.

— Ты чертовски аппетитно выглядишь, — говорит он таким хриплым, практически сиплым голосом, что мне тут же хочется стиснуть ноги. Слово «аппетитно» слетевшее с его губ навевает ой как много удивительных сценариев.

— Именно этого я и добивалась, — говорю я, не потрудившись даже отругать его за брань.

— Так что, ты сегодня идешь гулять, чтоб с кем-то перепихнуться?

Я хмурюсь.

— Я никогда ничего не говорила о том, чтоб перепихнуться. — *И почему тебя это волнует? Тебя что, это волнует?*

Я вроде как хочу, чтоб его это волновало.

— Лапочка, когда ты выходишь на улицу и при этом выглядишь как кинозвезда, чьи портреты пацаны вешают на стены, чтобы дрончить в носок, тебя обязательно кто-нибудь подцепит. Ты можешь этого еще не знать, но, — он машет на меня рукой, — от тебя исходят

эти «трахни меня» флюиды.

— Излучать флюиды и хотеть это две разные вещи, — говорю я.

— О, я в курсе. Просто хочу сказать... Будь готова к атаке.

— Пфф, — отмахиваюсь я. — Если я могу справиться с твоими подкатами, с ними я уж точно разберусь.

Он мягко улыбается.

— Полагаю, ты права.

После того, как я показываю ему, как делать Аве укол — не дай Бог ему придется это делать — я оставляю их вдвоем и спускаюсь вниз, где в такси меня ждут Стеф и Кайла. Последнее, что я вижу, выходя из квартиры, Брэма, стоящего в двери, и на заднем плане Аву, подпрыгивающую на диване. Если сегодня диван сломается, все утро понедельника я проведу, пытаюсь разобраться со сборкой IKEA.

— Никола, — говорит Стеф, когда я залезаю на заднее сиденье Приуса. — Ты выглядишь ужасно секси.

— Ага, — говорит Кайла, наклоняясь вперед, чтобы посмотреть на меня. — Поддерживаю. — Она показывает мне большие пальцы вверх.

Они обе тоже прекрасно выглядят, одетые в узкие джинсы, облегающие рубашки и высоченные каблуки. Стеф, как я вижу, одела оригинальные Rodarte, и на мгновение я ей завидую.

— Я так рада, что ты решила это сделать, — говорит Кайла, пока мы направляемся к первому бару Bartlett Hall не далеко от площади Юнион-Сквер. — Мне так было нужно время для девочек. Мне кажется, нам надо выбрать поддельные номера и профессии. Я буду Лоррейн Манипени, цирковым тренером голубей, выступающим в Cirque du Soleil. Я про ту, которая сидит на балках во время шоу. А затем мы попросим у парней фотки членов. Ну, знаете, просто подойдем к случайным парням и попросим их об этом, посмотрим, кто захочет сыграть. — Она делает паузу, добавляя дерзкую улыбку. — Я когда-нибудь говорила вам, что вы двое лучшая группа поддержки, на которую может надеяться девушка?

— Ой, притормози, — говорит Стеф, кладя руку на руку Кайлы. — Сегодня все для Николы, не для тебя. И я знаю свою лучшую подругу. Если она говорит, что ей нужна ночь для девочек, значит, она ей действительно нужна. Горячей мамочке нужно с кем-то переспать. Нам нужны члены, а не фотки членов.

Они обе смотрят на меня, ждут, что я стану отрицать это заявление. Но я не стану, нет.

Я киваю.

— Да, мне нужно как можно быстрее с кем-нибудь переспать.

Водитель такси улыбается, подъезжая к бару.

— Это имеет какое-то отношение к тому, что ты живешь рядом с Брэмом? — дразнит Кайла.

— Это имеет прямое отношение к тому, что я живу рядом с Брэмом, — практически стону я, они обе в шоке. — Если я в ближайшее время с кем-нибудь не пересплю, то в конечном итоге сделаю это с ним. А мы все знаем, насколько плоха эта идея. Даже наш водитель знает, насколько она плоха. Правда?

Таксист смотрит на нас в зеркало заднего вида.

— Иногда плохие идеи оказываются хорошими идеями.

— Даже когда парень, о котором идет речь, мой сосед и домовладелец?

Парень свистит.

— Ух, парнишка. Удачи с этим, мисси.

Я оглядываюсь на девушек.

— Вот почему мне надо перепихнуться.

— Как думаешь, сможешь сегодня побыть в группе поддержки? — спрашивает Стеф Кайлу.

Лицо Кайлы становится таким серьезным, словно она собирается в бой.

— Мы найдем тебе член, дорогая.

Наш первый бар не похож на место, где можно найти партнера для перепиха, но это хорошее начало. Мы пропускаем по пиву, разделяем закуски и к тому времени, когда я наслаждаюсь Kölsch, я уже слегка навеселе. На самом деле, чувствую себя великолепно. Я лишь раз вспомнила о Брэме.

Вообще-то пока я была в туалете, я переписывалась с ним, просто проверяла как там Ава. Он ответил, что она спит, а он смотрит порно, готовясь к моему возвращению, и надеется, что мне весело.

Полагаю, что часть про порно была шуткой, но часть меня начинает фантазировать о том, что это не шутка. Да, я знаю, что у меня в ТВ нет порно, у меня просто базовые программы, но что, если я вернусь в квартиру навеселе, возбужденная и вся такая взволнованная, и он будет там, готовый к работе. Чтобы я сделала?

Думаю, я знаю ответ, и это еще одна причина замутить с кем-то другим.

— Так, девочки, — объявляю я. — Время двигаться дальше.

Дальше мы идем в бар под названием Dirty Habit, который кажется более скверным, чем хотелось бы, но мы остаемся там на пару пива и мартини, прежде чем, в конечном итоге оказываемся в месте без названия с кучей народу где-то в Чайнатауне.

Все становится слегка непостоянным. Мы сидим в кабинке, которую нам удалось занять пока мы час, словно ястребы, смотрели на парочку за столом. На танцполе куча народу и становится трудно слышать друг друга, поэтому мы сидим в тишине, слушаем музыку. Я перестала пить, и так уже достаточно потратилась. Я оглянуться не успела, как рядом со столиком оказывается парень и шепчет что-то на ухо Кайле.

А он довольно горяч. Накаченный, с огромными плечами и короткими русыми волосами. Приятная улыбка. Живые глаза. Молодой. На нем футболка Giants. Стандартный набор, но, так или иначе, Кайла что-то говорит ему, и он оценивающе смотрит на меня. Я было подумала, что она не будет играть роль свахи, но она кажется искренне заинтересована в операции #члены (хештег обязателен). Я замечаю, что она употребила множественное число, но полагаю, в конце она может забрать один и себе. Как бы там ни было, у Стеф дома есть свой #член.

Ладно, думаю, я пьяна. Парень наклоняется вперед и о чем-то меня спрашивает, но я его не слышу, и поэтому просто киваю. Затем он протягивает руку, берет меня и ведет на танцпол. Я смотрю через плечо на девочек и точно знаю, что Кайла кричит.

— Члены!

— Как тебя зовут? — спрашивает парень, обнимая меня за талию и прижимая к груди.

— Вся твоя, — с ухмылкой отвечаю я. Не могу поверить, что это вышло из моего рта.

Следующее, что я понимаю, парень меня целует. На вкус он как пиво, у него такой слюнявый язык, но я в игре. Алкоголь, музыка, чувство анонимности на танцполе. Я могу быть кем угодно, он может быть кем угодно.

Но независимо от того, как сильно я стараюсь, он не может быть Брэмом.

Следующее, что я понимаю, мы в такси. Стеф рядом. Вспышки Кайлы. Она целуется с каким-то парнем сидя у него на коленях. Я на коленях у парня с Giants.

Вот мы в другом баре. Woodbury или что-то подобное. Там даже два бара. Мы остаемся там ради пива и шотов.

Я пью много шотов. Через какое-то время они уже не обжигают. Я целуюсь с парнем в Giants, а затем он ведет меня в туалет для инвалидов. Подходящее место для секса в общественном месте.

Парень приподнимает мое платье и спрашивает, на таблетках ли я. Да, с тех пор, как появилась Ава, я на таблетках, но я лгу. Не знаю, почему. Говорю, что нет.

— А тебе следовало бы, — говорит он, спуская мои трусики. — Ты ведь не хочешь залететь.

Я осматриваюсь и останавливаюсь на своем отражении в зеркале. Она похожа на кого-то другого. Она пьяна, делает вид, что ей не страшно. Девушка в зеркале разбивает мне сердце.

Я смотрю вниз на парня, он ухмыляется, и говорю.

— Без разницы, у меня уже есть ребенок. Ава. Хочешь посмотреть ее фото?

Он резко замирает. Отпускает мое белье, а я расставляю ноги шире, не хочу, чтоб оно упало на грязный пол. Я подтягиваю трусики, пока он с паникой в глазах смотрит на меня. Он молод, слишком молод для правды.

— Послушай, хм, — говорит он, нервно проводя рукой по волосам. — Я не связываюсь с мамочками. Мне всего 24 и я....

— Отлично, — говорю я, опуская платье. Я слишком пьяна, чтобы пытаться изобразить милое личико, так что просто неуклюже шлепаю его по плечу.

— Спасибо за марафон поцелуев, было весело.

— Да, — произносит он. Он выглядит таким смущенным. — Я понятия не имел. Ты просто ужасно секси. И молода.

Я киваю в знак благодарности, открываю дверь и направляюсь обратно в бар.

— Что случилось, ты трахнулась? — спрашивает Кайла, когда я подхожу к ней и Стеф. Нигде не вижу ее хахаля.

— Нет, — отвечаю я. — И это прекрасно. Я просто...нахрен это, давайте выпьем.

Мы сразу же заказываем еще пива и шотов Jameson и все пьем и пьем, пока все снова не становится мутным.

Когда реальность понемногу начинает исчезать, я обнаруживаю, что стою уже у дверей своего дома, с обеих сторон от меня Стеф и Кайла. Мы идем вверх по лестнице, и вот я стою перед своей дверью, покачиваясь взад и вперед, изо всех сил, насколько это возможно, стараясь выглядеть трезвой.

Стеф собирается постучать, но дверь уже открыта. Видимо мы достаточно шумели, мы ведь хихикали на весь коридор.

Брэм смотрит на нас троих и, мой Бог, он просто отрада для моих глаз.

— Мы привезли ее домой, — говорит Стеф, кивая Брэму, чтоб ушел с дороги, — твоя смена окончена.

— Нет, — говорю я им, когда они затаскивают меня внутрь. — Он может остаться.

Вижу, как они обмениваются взглядами.

— Я удостоверюсь, что она легла спать, — поясняет Брэм. — Никаких глупостей, клянусь.

— Поклянешься на мизинцах? — говорит Стеф, я поворачиваюсь и вижу, что она протягивает ему мизинец. — Ты знаешь, я с таким не шучу.

Тьфу ты, Стеф и ее проклятая клятва на мизинцах. Если бы не это, она бы никогда не вышла замуж за Линдена.

Но Брэм ей потекает.

— Никаких глупостей, — предупреждает его Стеф.

— Хорошо, что я не делаю глупостей! — ору я и плюхаюсь на диван. Комната начинает вращаться.

— Ник, а пять минут назад что было? — говорит Стеф. Она садится рядом и гладит мою голову. — Хочешь, я тебя раздену? Потому что Брэму это делать запрещено.

— Никто не раздевает меня кроме меня! — Кричу я, выбрасывая кулак в воздух.

— Развлекайся, — говорит Стеф Брэму. — И помни, она неприкасаема. Не заставляй меня говорить твоему братцу, чтоб он тебя отделал.

Брэм усмехается.

— Последний раз, когда он пытался сделать подобное, я ему ответил. Просто спроси его, что произошло 16 января 2005 и почему он никогда не ест пудинг.

— Я не шучу, — угрожает Стеф, и я слышу, как они с Кайлой уходят, закрывая за собой дверь.

Я закрываю глаза. Отдаляюсь на мгновение. Комната больше не вращается, прохладный ветерок скользит по моей коже.

— Я не должен к тебе прикасаться, — говорит грубый голос Брэма, и когда я открываю глаза, вижу, что он присел передо мной, прядь темных волос на лбу. Его лицо едва видно в темноте, единственный свет льется из моей спальни позади него.

— Ничего страшного, — бормочу я в диван. — Ты можешь прикоснуться ко мне. Все нормально.

— Как насчет того, чтоб я принес тебе то, в чем ты спишь? Любимая пижама? Я всегда вижу тебя в том топе, который пытаются проткнуть твои соски.

— Нет, ту не надо.

Он собирается встать. Я хватаю его за рубашку.

— Не уходи. Мне и здесь хорошо.

— Представить не могу, как тебе может быть здесь комфортно.

— Я пьяная. Мне везде удобно. Вот только так чизбургер охота. Я бы его съела и использовала в качестве подушку. Или может, использовала в качестве подушки и съела.

— Понятно.

Я поднимаю бровь.

— Ты просто хочешь порыться в моем нижнем белье.

— О, я уже в нем рылся.

— Ложь.

— Надел его на голову и танцевал по квартире.

— Правда, чтоль? — спрашиваю я, я абсолютно серьезна.

— Давай, — говорит он, беря меня за предплечье. — Если ты хочешь спать в одежде, отлично. Но я отведу тебя в постель и сниму обувь.

— А можешь мне и зубы почистить? Мне надо почистить зубы. — Я позволяю ему поднять меня, поставить на ноги, тут меня качает влево, прямо на журнальный столик. Но я в его руках, его умелых руках, и он удерживает меня.

— У тебя умелые руки

— У тебя изумительная попка, — отвечает он и наполовину ведет, наполовину тащит меня из гостиной в спальню.

— Мне нравится, как ты говоришь *попка*, — хихикая, говорю я, подражая его акценту. — Мне вообще нравится, как ты говоришь.

— Я рад, потому что в будущем предвижу много разговоров о попке.

— Да, да. — Я пытаюсь его оттолкнуть. — Только бла-бла-бла.

— Ты ненормальная, когда напьешься, — шепчет он мне на ухо. — В противном случае я уже был бы над тобой и в тебе. Ты бы не смогла ходить несколько дней, а я бы только начал тебя обрабатывать. — Он укладывает меня на спину и снимает туфли.

— Звучит болезненно, — комментирую я, чувствуя, как тело превращается в желе. На секунду мне кажется, что у меня нет ни пальцев, ни рук и ног, я просто мягкая, бесформенная клякса.

— Бесформенная клякса? — спрашивает Брэм.

— Ты можешь читать мои мысли! — обижаюсь я на вторжение в частную жизнь.

— Нет, ты только что сказала бесформенная клякса, — говорит он. — Вслух.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь защитить свои мысли от его умения читать их. И затем у меня вылетает.

— Я целовалась кое с чем. То есть кое с кем.

— Хорошо, — медленно говорит он, ставя мои туфли на пол и присаживаясь на край кровати. — И ты говоришь мне это потому что?

— Потому что ты можешь осудить меня за то, что я сделала.

У него слегка перехватывает дыхание, и я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на него.

— Я почти позволила парню заняться со мной сексом в туалете. Ему было двадцать четыре, и он фанат Giants.

Его адамово яблоко подпрыгивает, когда он сглатывает.

— Но я не трахнулась с ним.

— Нет? Ты фанатка Oakland A?

— Я фанат Giants, — язвлю я. — И он был не *ты*.

Он наклоняет голову, изучая бесформенную кляксу на кровати.

— Так почему ты вообще думала о сексе с ним, зная, что он не я?

— Потому что, — разочарованно говорю я. Я кладу ладонь на глаза. Она пахнет пивом. Меня тошнит от этого запаха. — Я не хотела, чтоб последний, кого я целовала, был ты. Я хотела стереть тебя с моих губ.

Тяжелая тишина заполняет комнату. У меня такое чувство, что я глубже и глубже погружаюсь в кровать, мне хочется запаниковать, она поглотит меня целиком. Блин, я целую вечность так не напивалась.

— Я был последним, с кем ты целовалась? — спрашивает он, его голос такой недоверчивый.

Я киваю.

— Да. На свадьбе.

— И почему ты хочешь стереть этот поцелуй? — Он кладет руку на мою обнаженную ногу, прямо рядом с краем платья. Я хочу, чтоб его рука пошла выше. Хочу, чтоб у меня были силы что-то с этим сделать.

А еще я хочу отрубиться.

Вот это парадокс.

— Потому, — говорю я. Теперь уже нет смысла скрывать. — Позже я видела тебя с другой. Ты отвел ее в кусты, туда, где только что сидели мы с тобой. Ты был гребаной задницей. *Засранцем.*

Я слышу, как он облизывает губы. Такой громкий звук в тишине комнаты. Мое сердце стучит слишком громко, словно молоток бьет в стену.

— Она стала запасным вариантом, — в конце концов, произносит он. — В ту ночь ты завела меня как ничто другое, солнышко, я не знал, что делать.

— Пойти домой и подрочить как любой нормальный человек, — ехидно отвечаю я.

— Ты же отлично знаешь, что это не всегда хорошая замена. И, конечно же, не для такой женщины, как ты. — Он наклоняется вперед и кладет теплую руку на мое лицо, проводя пальцами вниз по щеке. От этого я начинаю дрожать, я не в силах подавить эту дрожь. — Я весь вечер не сводил глаз только с тебя, — говорит он мне.

Лжец. В ту ночь он пялился на всех. Я перекатываюсь на другую сторону, подальше от него, и комната делает такой *бом, бом* звук. Думаю, это мой мозг. Я его сломала.

— Я серьезно, Никола, — продолжает он твердым и одновременно мягким голосом.

Да без разницы!

— Только идиотка клюнет на подобную фразу, — бормочу я в простыни, сон приближается, он хочет забрать меня пока я чувствую себя такой уязвленной.

Пауза. Я чувствую, как он встает с кровати, и знаю, что он стоит и возвышается надо мной.

— Даже умные девушки иногда бывают глупыми. — Он звучит почти печально.

Я слышу, как он выходит из комнаты, на секунду думаю, что он ушел, и у меня в груди что-то ломается. Затем он возвращается, ставит стакан воды на тумбочку и выключает в спальне свет.

— Ава спит. Она вела себя замечательно. Ее кровь в порядке. Уверен, она разбудит тебя с утра пораньше, и ты будешь дерьмово себя чувствовать. Но если тебе что-то понадобится, ты знаешь, где меня искать.

Затем он выходит из комнаты и из квартиры, и меня накрывает поток пива, стыда и сожаления.

Хотела бы я, чтоб у меня хватило смелости заставить его остаться.

Глава 11

НИКОЛА

— Мамочка ты умерла?

— Почти, — квакаю я, пытаюсь открыть глаза и перевернуться. Ни то, ни другое мне не удается. Комната плывет, в голову будто песка насыпали. Живот крутит. Я не хочу вставать — боюсь, я встану, комната начнет кружиться — но если я этого не сделаю, меня стошнит на собственного ребенка.

Не могу поверить, что она видит меня в таком состоянии. Не могу поверить, что прошлой ночью я была такой идиоткой.

И тут всплывают воспоминания.

Брэм.

Брэм.

Брэм тащит мою пьяную задницу в постель.

Брэм говорит, что в тот вечер не сводил с меня глаз.

С той, которая рассказала ему, как целовалась с кем-то другим, чтобы забыть его.

Дерьмо.

Теперь меня точно вырвет.

Я прикрываю рот рукой, откидываю покрывало и бегу в ванную. Как раз вовремя. Я надеюсь, что Брэм меня не слышит. Вроде бы у нас звуконепроницаемые ванные — слава Богу — я бы определенно не хотела, чтоб он услышал подобное.

Когда я чувствую, что в животе ничего не осталось, несколько раз спускаю воду в туалете и, пошатываясь, встаю на ноги. В зеркале я вижу сексуальную размазню. Нет, не сексуальную — просто размазню.

Волосы все еще убраны в высокую прическу, но они спутались и торчат в разные стороны, больше похожие на один гигантский дред. Подводка растеклась, а вокруг рта и подбородку размазана красная помада. Я похожа на жуткого клоуна.

Я похожа на жуткую мамашу.

— Ты заболела? — спрашивает Ава. — Тебе теперь тоже нужна *вава*?

— Со мной все будет хорошо, милая. — Говорю я, быстро чищу зубы и пытаюсь смыть косметику огромным количеством очищающего крема. Я провожу несколько минут, пытаюсь сделать все правильно, но ничего не работает. Раздеваюсь, принимаю горячий душ, одеваю рваные бойфренды и длинную серую тунику, так удобней. Сегодня все обтягивающее может идти нафиг.

Сейчас 7:15 утра, к счастью я не слишком опоздала с мониторингом Авы. Я прокалываю ей пальчик и с облегчением вздыхаю, когда вижу, что показатель в норме. Затем делаю для нее тост с авокадо и яйцом, подсчитывая углеводы, чтобы не выйти за рамки диеты.

Что касается меня, есть я не могу, я даже кофе выпить не могу, так что просто сижу на диване, жалею себя и выпиваю целую коробку апельсинового сока. И все время задаюсь вопросом, услышу ли я стук в дверь? Зайдет ли Брэм? Я ему все еще нравлюсь — если такое вообще было — после того как прошлой ночью была такой пьяной дурой?

Даже умные девушки бывают глупыми, его слова эхом отдаются в голове. Знаю, он не это имел в виду, но прямо сейчас я определенно чувствую себя дурой.

Наступает время обеда, я чувствую что в состоянии съесть куриный суп с лапшой из пакета, такой ярко желтый, курицы там точно нет. Это, плюс соевый соус, и острый соус, капля вустерского с ржаным тостом и в мгновение ока вы должны почувствовать себя человеком.

Только не я. Я горюю по поводу всего того, что выпила и сделала, а когда Брэм так и не показывается, начинаю доставать групповыми сообщениями Стеф и Кайлу.

Стеф уверяет, что Брэм бывал и в худшем состоянии, чем я вчера, это было частью его ночной жизни. Так что он не станет меня презирать.

Кайла думает, это позор, что я отрубилась до того, как что-то получила и когда я говорю ей, что об этом и речи не могло быть, я была пьяна, она говорит что Брэм больше «мужик» чем она думала.

Но это все ерунда, когда, наконец, я набираюсь сил, то иду к его двери. Стучу и жду.

Ответа нет. Прикладываю ухо к двери и слушаю, но внутри тишина, только слабый гул холодильника.

Глупо принимать это за намек на отказ, но я почему-то именно так и делаю именно. Я тащусь обратно в свою квартиру и решаю чем-то заняться, отвлечься от разных мыслей. Поскольку Аве скучно, а на улице начинается характерный для этого города дождь, я стараюсь, чтобы сборка дивана звучало как захватывающее приключение.

Она клюет на это. Она всегда так делает. Мы открываем коробки и приступаем к работе. Когда я вижу, что в инструкции написано, что это работа для двоих, я снова хочу, чтоб Брэм был дома. Но все же я делаю что могу, даже если инструкция полностью запутала меня, и с электродрелью все было бы намного проще.

В конце концов, я устаю и сдаюсь. Как и Ава. Мы идем ко мне в комнату и обе засыпаем в моей кровати. Она любит, когда я могу поспать с ней днем, я не могу вспомнить когда в последний раз позволяла себе подобную роскошь. Иногда самые легкие и простые вещи в жизни приносят самую большую радость. Хороший, чистый вид радости который заставляет вас почувствовать себя человеком.

Должно быть, я поспала минут пятнадцать, когда сквозь туман слышу стук в дверь. Я встаю, пытаюсь не разбудить Аву, и закрываю дверь спальни, направляясь к двери.

Несмотря на то, что я устала, мое сердце подпрыгивает в груди, готовое выстрелить словно пробка от шампанского. У меня что, правда кружится голова от простой необходимости открыть дверь?

Но да. Так и есть. В коридоре стоит Брэм, губы с беспокойством поджаты.

— Как ты? — спрашивает он, оглядывая меня. — Дерьмово выглядишь.

— Всегда такой очаровашка, — сухо отвечаю я, несмотря на то что сердце бешено бьется в груди, и не могу подавить улыбку.

Он небрежно пожимает плечами.

— Ты сама сказала, тебе нравится, когда я придурок

— Я много чего говорю, — отвечаю я. — Это первое, что тебе надо обо мне знать.

— О, я знаю о тебе уже так много, — говорит он. — Как бы там ни было, прошлым вечером, как и обещал, я просмотрел все твои фотоальбомы. Это странно думать, что в школе мы могли бы встречаться друг другом? Я видел тебя с короткими, фиолетовыми волосами, в футболке Lovage. Девушка моей мечты. — Он смотрит в квартиру через мое плечо. — Так ты собираешься впустить меня или как?

Я отхожу в сторону и жестом приглашаю его войти.

— Заходи. Видишь, мы пытались собрать диван. Сегодня я сплошная катастрофа. Похмелье и отсутствие дрели делают из Николы тупицу.

Он поднимает палец в воздух.

— Минуточку. — А потом поворачивается и направляется обратно к себе. Пока он идет, я наблюдаю за его упругой, крепкой задницей. Он снова надел костюм, и это заставляет меня думать, что сегодня он был занят чем-то важным.

Он возвращается с набором инструментов.

— О, так ты мастер на все руки, — говорю я, пока он открывает ящик, начиная вынимать инструменты и складывая их на пол.

— Вот что я тебе скажу, я больше, чем просто красивое личико, — подмигивая, говорит он и достает дрель. Он несколько раз проверяет ее, я рада, что закрыла дверь в спальню, так Ава может продолжать спать. Хотя не так уж здесь и громко.

Но здесь *определенно* жарко. Брэм снимает серый пиджак, бросает его на диван, закатывает рукава черной рубашки, снова демонстрируя эти великолепные предплечья, и

приступает к работе. Если смотреть на то, как Брэм ублажает себя, было самой горячей вещью, которую я видела, то наблюдать за тем как он решительно берется за дело и мужественно обращается с инструментами, это вторая самая горячая вещь. Я просто стерва, раз нахожу это привлекательным, но черт возьми, я это признаю.

— Итак, — говорит Брэм, пока я стараюсь держать одну часть каркаса, в то время как он присоединяет другую. — Что ты помнишь о прошлой ночи?

Я стону, не желая вновь переживать это.

— Все. По крайней мере, вторую половину ночи.

— Ты говорила, что целовалась с каким-то фанатом Giants. И практически занялась с ним сексом.

Я беспокоюсь сглатываю и смотрю на него. Его лицо почти такое же нейтральное, как и тон голоса, хоть я и вижу мрачную напряженность в его взгляде, она его и выдает.

— Почти, — напоминаю я.

— Ты уверена, что не сделала этого раньше, или ты просто не помнишь?

— Ой, да ладно, — шикаю я, а затем понижаю голос. — Нет, я этого не сделала. Я не напилась до потери сознания, никаких провалов в памяти. Просто все было слегка нечетким. — Я глубоко вздыхаю. — Эй, слушай, я сожалею, что вернулась домой такой развалиной, и сожалею, что тебе пришлось со мной возиться.

— Я был не против, — говорит он, выключает дрель и смотрит прямо на меня, его руки покоятся на каркасе. — Хотел удостовериться, что ты в порядке.

— Ну, — смутившись, я смотрю в сторону. — Спасибо тебе за это. Но мне жаль, что тебе пришлось видеть меня в таком состоянии. Я сегодня ходила к тебе, хотела поговорить, и когда не нашла тебя дома, предположила, что ты, возможно, решил держать от меня подальше, потому что я была полной катастрофой.

Он медленно качает головой, на его лице появляется благоговейная улыбка.

— Шутишь? Я о том, что ты подумала. Солнышко, во-первых, у меня есть парочка историй, которыми я могу с тобой поделиться. Но я не буду, а то тогда ты, скорее всего, захочешь убраться от *меня* подальше. А я этого не потерплю, ты и так держишь дистанцию. Во-вторых, Никола...как бы ты не ненавидела то, какой была ночью, как бы сейчас не расплачивалась за это, ты была настоящей. Дикой. Может ты слегка увлеклась и свернула не туда, в смысле что это мог быть мой язык, обернутый вокруг твоего. Но ты была настоящей и честной и я рад, что ты сказала мне все то, что сказала. Теперь я понимаю, почему ты не можешь держать свой рот закрытым. Детка, есть кое-что получше, чем можно его заткнуть.

Столько всего надо обдумать, даже не знаю с чего начать. Полагаю главное, что он не стал думать обо мне хуже, даже если я сама стала. А это упоминание о его языке вокруг моего и идеи о нем и моем рте. Обе эти вещи заполняют мою голову и тело безумной жаждой.

Я отталкиваю ее в сторону.

— Так у нас все нормально? — медленно спрашиваю я.

— Да, у нас все нормально, — говорит он и несколько секунд смотрит вниз на свои руки. — И на будущее, тебе не надо закидываться шотами или что вы там девочки пили, чтобы почувствовать себя дикой и свободной. Поверь, я это знаю. Я потерял многие годы жизни, не помня те ночи, когда пытался убежать, забыться или что-то еще. Это никогда не приводит ни к чему, кроме как к чувству вины и сожалению, именно тому, от чего я пытался скрыться. Это просто не работает. Как бы ты ни хотела забыться, выпивка лишь

подкармливают то, от чего ты бежишь, делает сильнее. Это ощущение, так или иначе, вернется. Не сказать, чтоб это не было весело, нет, но я эту линию поведения оставил в Нью-Йорке. Надеюсь и ты прошлой ночью нашла в себе силы отказаться от подобного.

Я киваю, впечатленная этой мудрой версией Брэма. Никогда не думала, что он жалеет о своей разгульной жизни на восточном побережье, я думала, что ему пришлось отказаться от этого, чтобы иметь доступ к деньгам родителей или что-то в этом роде. Не думала, что это был сознательный выбор, не тот, который он с радостью сделал.

— Вот почему ты переехал сюда? — спрашиваю я. — Хотел оставить все в прошлом?

— Это одна из причин. На самом деле, я просто хотел начать все с начала. И когда Линден попал в катастрофу, я подумал, может быть, я могу перебраться ближе к единственному человеку на земле, который мне по-настоящему близок. — Он смеется сам с собой. — Самое смешное, что мы с Линденом не очень то сблизились. Но по сравнению с родителями, он тот, кто прошел через все это.

— Я думала, ты был близок с родителями, а Линден нет?

— Неа, — качая головой, говорит он. — Как ты знаешь, мой отец дипломат, а мать из высшего общества. Для меня они хотели того же, хотели, чтоб я пошел по их стопам. Даже не чтоб сделал себе имя где-то еще, нет, а просто пошел по стопам отца. По крайней мере, он делал все, чтобы у меня складывалось такое впечатление...до сих пор делает. Можно было подумать, что покупка этого здания, вложение денег принесло бы ему гордость за сына, но нет.

Никогда не слышала, чтоб он настолько откровенно говорил о своей семье. Хочу, чтоб он продолжал. Это эгоистично, но это заставляет меня чувствовать себя лучше, зная, что даже у богатых и влиятельных есть проблемы. Кроме того я хочу узнать о нем так много, как только возможно, сохранить каждый факт, каждое откровение, чтобы позже поразмыслить над этим. Это напоминает мне время в начальной школе, там был ребенок, я любила называть его Джой. Я знала о нем все — что он пил пепси вместо колы, что его мать зовут Бет — я словно золото хранила эти знания.

— Полагаю, я слегка подпортила твои инвестиции, — говорю я.

— Да нет, — говорит он. Прикусывает губу, и я хочу сделать то же самое. Удивительно, что сейчас я могу чувствовать что-то сексуальное, учитывая случившееся прошлой ночью, и мое нынешнее туманное состояние, но этот образ «мастер на все руки» заставляет меня хотеть его. Черт возьми, думаю в настоящий момент я хочу его несмотря ни на что.

Но пока он остается по ту сторону дивана, пока наши отношения не выходят за рамки соседских, мне беспокоиться не о чем.

Ну и чего я боюсь?

В конце концов, он отпускает губу, изгибает бровь.

— Могу я тебе кое-что рассказать, и ты пообещаешь не смеяться? — предлагает он. — Ладно, ты можешь смеяться, но только не долго.

— Что? — мне любопытно.

— Ну, все думают — предполагают — что я купил это здание для того, чтобы заработать денег, или, в конце концов, для инвестиций. Но это не совсем так. Я хочу, чтоб они так думали, но у меня большие планы. — Я выжидательно смотрю на него, жду, что он скажет дальше. — Ты знаешь Ричарда Брэнсона?

— Хреноллиардер?

— Да. Правильный термин.

— И что насчет него? О Боже, ты собираешься в космос?

Он смеется.

— Нет, черт побери. Космос пугает меня.

— Согласна, — добавляю я. — Никто не услышит, если ты закричишь.

— Верно, — говорит он. — Так или иначе, Ричард Брэнсон, когда ему было всего двадцать, занимался продажей звукозаписей по почте. К двадцати двум у него была Virgin Records. Все мы знаем, что произошло дальше. Он инвестирует, принимает умные решения, никогда не перестает пробовать и узнавать новое. Для этого парня нет ничего невозможного, видимо и к космосу это тоже относится.

— Так ты хочешь стать следующим Ричардом Брэнсоном? — спрашиваю я. — Большая цель, и не такая уж странная.

— Дело не только в этом. — Он облизывает губы и смотрит куда-то вдаль, в свое воображаемое будущее. — Брэнсон сказал, нет смысла начинать свой собственный бизнес, если вы делаете это не из-за чувства разочарования. Я купил это здание из-за неудовлетворенности, но не потому, что увидел возможность для себя, а потому что увидел ее для других, тех, у кого раньше ее не было. — Он смотрит на меня, его глаза сверкают оттенками серого и голубого. — В городе имеется явный недостаток доступного жилья, особенно для тех, кто в нем нуждается. Я никогда раньше не видел, насколько все плохо. Даже нормальные люди не могут позволить себе жить здесь, что уж о говорить о бедных, о тех, кто борется за выживание, тех, кто потерял работу, сбережения, все, что у них было? Куда им идти? В Тендерлойн? Жить на одной улице с наркоманами, делить кров с ворами? Я так не думаю.

Он начинает заводиться и делает глубокий вдох.

— Я хотел хоть что-то изменить к лучшему. На самом деле это очень долгий процесс, нужна поддержка со стороны города. Нужны инвестиции от людей, которые хотят помочь, заняться благотворительностью. Много чего нужно. Но я здесь, у меня есть здание и все мое время.

— А что о людях, которые уже живут здесь?

Брэм застенчиво улыбается.

— Большинство из них уже нуждающиеся. Никто из них не платит полную арендную плату. Я просто не знаю, как долго без участия города смогу позволить себе продолжать в том же духе. Вот над этим я сейчас и работаю. Сегодня у меня была встреча в мэрии.

— Ого. — Думаю, что это одна из самых благородных и удивительных вещей, которые я слышала. — И ты надеешься, что налоговая льгота, которую ты получил за то, что позволил мне жить здесь, сработает и с остальными жильцами?

— Налоговая льгота? — Он ухмыляется. — Да не, я солгал об этом.

У меня глаза вылазят из орбит.

— Что? Почему?

Он пожимает плечами.

— Потому что не было ни единого шанса, что ты поверишь, если бы я сказал, что хочу помочь тебе по доброте сердечной. А если бы я сказал тебе другу правду, ты бы сбежала.

— Какую еще правду?

— Что я хотел тебе понравиться.

Я моргаю.

— Вот почему я живу здесь? Ты хотел мне понравиться?

— До этого я уже делал для девушки необычные вещи, но ничего подобного, — говорит он, обращаясь больше к себе. — Но да. Я хотел помочь тебе и хотел, чтоб ты думала обо мне по-другому. Хотел, чтоб ты узнала меня настоящего.

— Но настоящий ты все еще высокомерный кобель, — напоминаю я, ощущая слишком много эмоций по этому поводу. Как ни странно, ни одной плохой.

— Может быть, высокомерный кобель с парочкой довольно милых черт. — Он машет дрелью. — Например, ловкость.

— Ну конечно же ты ловкий, — комментирую я, до сих пор чувствуя себя не в своей тарелке. У меня слегка кружится голова. Видимо похмелье дает о себе знать. Это ведь не может быть от того, что я узнала, что Брэм сделал для меня, из-за *меня*. — Хотя я до сих пор не понимаю, как это связано с Брэнсоном.

— Он большой филантроп. С его то состоянием он столько всего может сделать. Я тоже так хочу. Хочу и то и другое — деньги и возможность помочь.

— Почему это такой секрет? Думаю твои родители гордились бы тобой. Имею в виду, твой отец дипломат, у него должно быть много связей с благотворительными организациями.

Его губы изгибаются в быстрой улыбке.

— Даже Линден не в курсе. Никто, за исключением города и тебя.

— Почему нет?

— Потому что людям так нравится держаться за идею кто ты и что ты. Они навешивают на тебя ярлыки и независимо от того, насколько сильно ты пытаешься им показать, какой ты есть на самом деле, они этого не понимают. И не поймут. Они хотят лишь чтоб ты шел по определенному пути, тому, который они видят для тебя. Невозможно изменить то, что сидит у них в голове. Для них я всегда буду Брэмом раздолбаем, королем вечеринок, плейбоем. Не имеет значения, расскажу я им о своих планах или нет, они никогда не будут воспринимать меня всерьез. Я могу делать это хоть пятьдесят лет, стать следующим Брэнсоном, и они по-прежнему будут видеть во мне лишь того Брэма — лишь того парня, на которого повесили ярлыки.

Я понимаю каждое слово. Знаю, что когда говорю людям, что я мать-одиночка, на меня сразу же вешают клеймо, у меня нет шансов избежать этого. Не думаю, что многие, кто меня встречал, видят, что я больше, чем мое звание, мои обстоятельства.

А вот Брэм это увидел. Эта мысль, словно пуля, поражает меня.

Он изучает меня, и когда я встречаю его взгляд, на моем лице, возможно, написано удивление, он откашливается.

— Единственная проблема со всем этим, у Брэнсона было пятнадцать лет фоты. Я потратил свои молодые годы на выпивку, наркотики и женщин. В то время как я, очевидно, наслаждался этим — как ты знаешь, женщины по-прежнему моя слабость — я мог бы сделать так много, если бы на ранней стадии взял себя в руки.

— Ты ведь знаешь, как говорят, никогда не поздно, — говорю я ему.

— Иногда я тоже так думаю, — говорит он. — Знаешь, пару лет назад у меня была отличная идея о сайте состоящей только из фотографий. Фотографий меня. Ну знаешь, после плавания, на пляже, как я снимаю рубашку. Я назвал его InstaБрэм.

Я внимательно слежу за ним и понимаю, что он должно быть шутит.

— InstaБрэм?

Но выражение его лица чертовски серьезное.

— Отличное название, правда? — И тут у него появляется эта огромная, самодовольная ухмылка. — Эй, я же должен иногда давать выход своему эго.

Я качаю головой.

— Ты худший.

— Я лучший. — Он стучит по дивану. — Этот диван сам себя не соберет.

Мы возвращаемся к работе над этим маленьким дерьмовым диваном, и когда мы практически закончили, он правда выглядит так словно это самое дешевое дерьмо которое я могла купить. Я начинаю подумывать о том, что выбросить его и оставить свой рваный, но надежный старый диван.

— Здесь мне будет нужна твоя помощь, — говорит Брэм приглушенным голосом. Он внутри большого куска ткани, который надо надеть на каркас, она покрывает его с головы до талии, словно призрака. — Это нужно пристегнуть к белым матрасам, которые где-то там.

Я наклоняюсь к матрасу, который оказался у меня за спиной, пока не оказываюсь под чехлом вместе с Брэмом. Мы словно в маленькой палатке, там едва хватает места для нас обоих. Наши лица купаются в желтом цвете.

— Вот, — говорю я, подняв край матраса с бегунком. Я осознаю, насколько близка к нему, пытаюсь сдержать дыхание, мой голос словно шепот. Под навесом становится жарко и все, что я могу чувствовать, это запах его прекрасной кожи.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо, думаю я. Надо выбираться из этой ситуации.

Но я этого не делаю. Он тянет половинку молнию вниз, а я держу матрас повыше, и мы пытаемся вставить молнию в бегунок. Он сосредоточенно морщит лоб, а я стараюсь держать все правильно, и такое чувство, что ни один из нас не дышит.

Тут молния поддается, скользит, и матрас прикреплен к чехлу. Думаю, мы оба вздыхаем с облегчением, затем он ныряет под вкладыш, подняв его и мы все еще под тентом из ткани, но уже прижаты друг к другу

Он улыбается. Я улыбаюсь.

В его глазах мелькает вспышка опасности.

Может это и похоть.

Но для меня это тоже опасность.

Прекрасная, изысканная опасность.

Хотя бы раз я готова к этому.

Но прежде чем эта мысль даже формируется у меня в голове, его опьяненные желанием глаза загораются, он притягивает мое лицо одной рукой, а второй скользит мне в волосы и целует меня.

Целует меня.

Целует меня.

Я думала, что была готова к этому, но нет.

Его поцелуй.

Он больше, чем я помню. Намного больше, и это сбивает меня с ног. Его ненасытный язык с жадностью толкается мне в рот, его губы обезумевшие и нуждающиеся. Этот влажный и страстный поцелуй заставляет жажду внутри меня пульсировать снова и снова. Его рука в моей голове хватается мои волосы так, будто он держится за свою жизнь, каждое движение посылает искры к моим нервам. Каждая клеточка моего тела чувствует себя живой, упиваясь всем этим — впитывая, отчаянно желая больше его прикосновений, больше его, больше всего.

Лишь на секунду он на полднюма отодвигается, достаточно времени, чтобы испустить стон пока другая рука удерживает мое лицо. Его веки полуприкрыты, взгляд опьянен, он смотрит мне в глаза, затем на губы, будто я своего рода видение.

Я хватаю его за воротник рубашки и набрасываюсь на его губы. Нужда во мне сильнее и сильнее. Мне не терпится обернуть ноги вокруг него, почувствовать каждый его дюйм, узнать насколько сильно он меня хочет. Я, кажется, хнычу. И задыхаюсь. Целую его с таким же энтузиазмом, как и он меня. Его рот так настойчив, будто хочет поглотить меня целиком. Я бы не возражала, если бы он оказался где-то еще.

Будто читая мои мысли, он хватается за талию и быстро опускает вниз на пол, вкладыш оказывается у меня под плечами. Нам повезло, что на нашем пути не оказалась рама от дивана или кофейный столик. Хотя не уверена, имело ли это какое-то значение. К черту всю эту мебель.

Нетерпеливо и немного грубо он тянет тунику вверх так, что моя грудь оказывается на виду, затем тянет лифчик вниз, пока мои соски не выпрыгивают наружу.

— Я знал, что ты чертовски совершенна, — тяжело дыша, говорит он. От этих слов мои соски становятся еще чувствительней, и из моего рта вылетает низкий стон. — О, солнышко, если ты продолжишь издавать подобные звуки, боюсь я кончу до того, как окажусь внутри тебя.

Верхние половины наших тел по-прежнему под тканью. Он проходится горячим, широким языком по моему животу и прокладывает дорожку вверх к соску. Он кружит вокруг него, а затем щелкает языком. Я снова стону, не в силах сдержаться, мои руки хватают его мягкие, густые волосы, словно спасательный круг.

— Это как лизать гребаный леденец, — между стонами говорит он, и я смотрю вниз. Моя грудь влажная и припухшая от его языка, она светится желтым из-за ткани, под которой мы лежим.

Он расстегивает мои джинсы и скользит пальцами вниз к трусикам. Мне хочется раздвинуть ноги, дать ему лучший доступ, но он тянет джинсы вниз, и я не могу развести бедра. Его палец толкается в щель, и от наплыва чувств я закрываю глаза, подчиняясь им.

Когда он обнаруживает, насколько я мокрая, я почти смущаюсь от того, в каком отчаянии прибывает мое тело.

— Ты вся течешь, — говорит он тихим голосом, который проникает в меня на первобытном, животном уровне. — О черт, детка, ты не имеешь ни малейшего понятия о том, насколько сильно мне прямо сейчас нужно оказаться внутри твоей тугой, розовой, маленькой дырочки. — С эти словами два пальца скользят в меня, и я задыхаюсь, автоматически сжимаясь вокруг них.

— Боже, а ты жадная, да? — шепчет он. — Абсолютно неудовлетворенная, и я собираюсь изменить это.

О Боже. Пожалуйста, сделай это.

Он прикусывает мою грудь, все глубже погружая пальцы, моя спина выгибается, желая больше, жестче, дольше, глубже. Я хочу быть раздетой, раздетой до мозга костей, хочу, чтоб он взял меня полностью, настолько мощно, чтоб мне никогда не нужно было ничего больше.

— Мамочка?

Ах, гребаное дерьмо!

— Черт, — тихо вскрикиваю я, Брэм сразу же убирает руку, подтягивая мои джинсы. Мы обмениваемся диким, застенчивым взглядом, а затем, как только моя туника

оказывается внизу, он поднимает ткань вверх и держит над нами.

Потирая глаза, у двери в спальню стоит Ава, она выглядит заспанной. К счастью, с того места она не могла увидеть много.

— Привет милая, — говорю я ей, пытаюсь отдышаться.

Она вглядывается в меня и Брэма.

— Что вы делаете? У тебя волосы в разные стороны.

— Просто собираем диван, — слишком широко улыбаясь, говорю я. — Вот Брэм к нам заскочил.

— Привет, Брэм. — Она зевает, а затем плетется через гостиную и садится на диван. Нормальный диван. Не тот диван, который практически заставил двух соседей заняться сексом.

Я смотрю на него, он с улыбкой приглаживает волосы. Что, черт возьми, это было? Я все еще чертовски возбуждена, грудь ноет от желания, клитор пульсирует там, где только что был его большой палец. Господи, он нужен мне для продолжения.

Но может быть хорошо, что мы все ж остановились. Увлечься было бы плохой идеей.

Правильно? Я понимаю, что спрашиваю об этом себя, а ответов у меня нет. Я просто хочу трахнуть с шотландским богом секса, который стоит рядом со мной.

— Ну, — прочищая горло, говорю я Брэму. — Спасибо за помощь.

Он кивает и медленно встает на ноги, поднимая меня на мои.

— Конечно. Но знаешь, я не особо то помог. Я только начал.

Я знаю, о чем он, и как бы я не хотела попросить больше, я не знаю, как это сделать, и нужно ли это.

— Что ж, спасибо за ту помощь, которую уже оказал. Ну ты понимаешь, с диваном.

Он посылает мне дерзкую улыбку, а затем проводит пальцами — теми же самыми пальцами, которые несколько минут назад были во мне — под носом и вдыхает.

— Я вернусь за большим, — глухо говорит он.

Затем поворачивается и уходит, а я стою рядом с почти собранным куском дурацкого дивана, задаваясь вопросом, перестанут ли мои ноги когда-нибудь дрожать.

Глава 12

НИКОЛА

В тот день Брэма я больше не видела. Когда я просыпаюсь утром, мое тело все еще уставшее от похмелья, а внутри все болит от того, что какая-то часть Брэма, пусть и недолго, была внутри меня. Все это похоже на сон, хороший эротический сон, за исключением того, что у меня не было шанса кончить и теперь мало того, что мне неловко, так еще я чувствую себя сексуально неудовлетворенной.

Боже, те вещи, что он сказал, были такими ужасно сексуальными, не думаю, что, если бы любой другой парень был настолько же откровенен, мы бы так же быстро перешли к делу. Хотела бы я посмотреть, где еще оказался этот грязный рот — в прямом и в переносном смысле. Я хотела, чтоб он вернулся «за большим».

Но жизнь продолжается. Я застряла с одним почти собранным диваном, а другой все так и лежит в коробке. Даже не представлять, как его собирать. Я настолько близка к тому, чтобы взять самый большой тупой предмет, который у меня есть — вероятно вибратор — и

выбить все дерьмо из обоих. Чертова IKEA! На самом деле это не вина магазина (не совсем) это моя вина. Я так быстро помешалась на Брэме. Одно маленькое прикосновение, один раз узнав его вкус, я готова дать ему больше. Но я бы не сказала, что его прикосновение или его вкус был *маленьким*. У него сильный и длинный язык, а его пальцы еще больше.

Несмотря на то, что сегодня вторник, Лиза прийти не может, а мне надо к трем на работу. Но к счастью, придет мама. Я начинаю чувствовать себя ужасно, вытаскивая ее сюда все чаще и чаще. Посменная работа не так предсказуема, как моя прошлая, но мама молодец, и она любит как можно больше времени проводить с внучкой.

— Привет, дорогая, — входя в квартиру, говорит она мне. Она останавливается и сразу же видит новый дерьмовый диванчик в углу. Потом машет Аве, которая, уткнувшись в подушки, лежит на старом диване, и бездумно смотрит телевизор.

Она едва машет в ответ, будто у нее не хватает сил. Обычно я бы заволновалась что с ней что-то не так, но я только что измерила ее уровень сахара, он идеален. Она просто немного хандрит — видимо подцепила это от мамы.

И тут мама говорит мне.

— Ты хорошо выглядишь, — будто это сюрприз какой-то, и обычно я выгляжу как кусок дерьма. Мда уж. А может это и так.

— О, спасибо, — отвечаю я. Я всего лишь одела свою обычную форму для бара, белая майка с низким вырезом и джинсы, но она вглядывается в меня так, словно я что-то скрываю.

— Нет, правда, — говорит она, ущипнув меня за щеку. Когда я была маленькой, она никогда так не делала. — Что бы ты ни делала, так держать. Не забывай, ты все еще молода, ну ты знаешь, независимо от того, насколько старше заставляет тебя чувствовать этот маленький нарушитель спокойствия. — Она указывает пальцем на Аву, которая не обращает на нас внимания.

— Да, да, — отвечаю я. Хватаю кожаную куртку, она у меня уже лет сто. На этой неделе город решил вести себя как настоящий мудака, и температура сейчас около минус миллиона. Я почти выхожу за дверь, как мама говорит.

— Ждать ли мне визита Брэма?

Несмотря на то, что я уже взялась за ручку двери, я отпускаю ее и шагаю назад, поворачиваясь к маме лицом.

— Мам, послушай, — говорю я ей. — Брэм очень хороший парень.

— Джентльмен, — с таинственной, хитрой улыбкой произносит она.

— Конечно, — отвечаю я. — Имею в виду, он на самом деле хороший парень. А также, не... в общем суть в том, что меня не волнует, принес он тебе чайник или тебе кажется что он проявляет ко мне интерес, он просто мой сосед. Он никогда не станет чем-то большим.

— О, Никола... — начинает она, опустив руки по бокам.

Я хватаю ее за руку.

— Я знаю, что это практически первый парень, с которым ты встретишься с тех пор, как я была с Филом. Если не считать Бена, но он недолго околачивался вокруг. Но на самом деле... Брэм и я? Мы просто друзья. Не знаю, что будет дальше, но сейчас он оказывает мне услугу, и я пытаюсь сделать это для него проще. — Я делаю паузу. — Ты понимаешь, о чем я? И не надо делать что-то из своих мамских вещей и вмешиваться во все это. Это не сработает, хорошо? Это может поставить под угрозу наши отношения, отношения между арендодателем и арендатором.

— Почему ты думаешь, что я стану вмешиваться?

— Я по твоим глазам вижу, — отвечаю я. — Порой я замечаю это и в своих глазах.

Она вскидывает руки вверх и идет к дивану, плюхаясь вниз рядом с Авой.

— Отлично. Я понимаю. Мама не может хоть немного развлечься. Но вот что я тебе скажу, в один прекрасный день, когда твоя дочь достаточно подрастет и станет встречаться с мальчиками, ты станешь переживать по этому поводу и будешь пытаться контролировать процесс. Только она тебе этого не позволит.

— Звучит невероятно.

— Это правда. Это происходит со всеми мамами. Время идет, и ты продолжаешь расти, но любовь никогда не меняется. Ты всегда будешь моим маленьким ангелом, а она всегда будет твоим. И все мамы просто хотят, чтоб их ангелочки нашли достойного мужчину. Даже больше, нашли того, кто будет смотреть на них так, словно они волшебство, словно магия. — Она смотрит на меня, подтягивая ноги на диван. — Если ты найдешь мужчину, который смотрит на тебя, будто ты волшебство, держись за него. У меня было подобное с твоим отцом, и я никогда не должна была позволять ему уйти.

Я с трудом сглатываю.

— Но ты тоже должна считать этого мужчину волшебством. Это работает в обоих направлениях.

Она кивает.

— Да, ты права. Это должно быть обоюдным, и когда ты найдешь это, это будет магия в чистом виде. Не отбрасывай это в сторону ради чего-то еще.

Не знаю что еще сказать. Я говорю маме звонить, если возникнут проблемы и уйду.

Я не вижу Брэма в коридоре. Не знаю, чтобы сказала, если б увидела. Вероятно попросила бы подвезти меня и в конечном итоге получила бы больше, чем ожидала.

К сожалению, моя смена тянется долго. Около восьми Джеймс говорит, что я могу идти домой. Класс, я получила чаевые и зарплату за несколько часов, даже если на самом деле не особо то и работала — иногда он может быть действительно хорошим боссом. Но общественный транспорт не на моей стороне, а может, я просто очень хочу побыть как можно дольше вне дома. Когда я так далеко, мне легче не думать о Брэме.

На ходу снимая кожаную куртку, я иду по коридору к своей квартире и только хочу вставить ключ в дверь, как слышу смех.

Смех мамы.

Смех Авы.

Смех *Брэма*.

О, черт возьми, нет. Я молча достаю пудреницу и смотрю на себя. Волосы слегка растрепаны, но выгляжу я хорошо. Делаю глубокий вдох и открываю дверь.

В квартире Брэм, моя мама и Ава. Они все сидят на одном диване.

Только это не мой старый диван, и, очевидно, не тот желтый кусок дерьма. Желтый кусок дерьма и другие коробки сложены у двери, прямо там, где сейчас стою я. А эти трое сидят на элегантном, темно-сером диване, который раньше я никогда не видела.

На самом деле, закрыв дверь и взглянув на него ближе, я понимаю, что он похож на тот диван-футон, на который Брэм положил глаз еще в магазине.

Боже мой, он что, купил мне проклятый новый диван?

Я смотрю ему в глаза и, судя по тому, как он ухмыляется, дьявольски проводя кончиком языка между зубами, я знаю, что именно это и произошло.

— Ты рано, — говорит мама, и она выглядит пристыженной, будто я поймала ее за чем-то, чего она не должна была делать. Она быстро добавляет. — Брэм принес тебе этот диван, разве это не мило с его стороны?

— Это очень мило с его стороны, — говорю я, обходя диван и глядя верх рукой. Он мягкий, но прочный. Мне он очень нравится, но Боже, порой благотворительность Брэма заставляет меня чувствовать себя неловко. Полагаю именно поэтому он так и поступает. К черту Ричарда Брэнсона. Думаю это больше чем проект Никола Прайс она же Элиза Дулитл (прим. пер. героиня пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион») потому что он наслаждается тем, насколько меня это напрягает. Он превращается в сладкого папика, хотя я чертовски уверена, что не просила об этом.

Я смотрю на Аву, которая улыбается, глядя на Брэма, словно он чертов герой.

— Как тебе диван, ангелочек?

— Он мне очень нравится, — категорично говорит она.

Ладно, думаю все решено.

— А где старый? — спрашиваю я, как ни странно с грустью, я не успела с ним попрощаться.

— Благотворительная организация забрала его, чтобы передать в реабилитационный центр, — говорит он. — Так что не волнуйся, он пойдет на благотворительность. А завтра мы просто вернем остальные в IKEA.

О, так у нас уже есть планы на завтра? Я делаю все возможное, чтоб не расплыться в глупой улыбке, которая так и норовит появиться.

— Ну что ж, теперь ты дома и я лучше пойду, — вставая с дивана, говорит мама. Она посылает Брэму кокетливый взгляд. — Приятно было поболтать, Брэм.

— Всегда рад, — отвечает он, акцент настолько четкий. Насколько горячий. Черт, он должен прекратить подчеркивать его.

Мама быстро обнимает меня, говорит пока Аве и, направляясь к двери, подмигивает мне.

Я делаю вид, что не заметила.

Как только дверь закрывается, мне начинает казаться, будто я заперта в могиле с Брэмом и я вдруг хочу, чтоб мама вернулась. Я боюсь, я очень боюсь того, что может случиться сегодня вечером.

Потому что он здесь. Сидит на моем диване — моем новом диване — и так пристально смотрит на меня, что я практически таю. Этот взгляд может означать только одно.

— Мамочка, — говорит Ава, привлекая мое внимание. — Можно я останусь с вами и посмотрю Дору?

— Нет, милая, — быстро говорю я, благодарная за такую возможность. — Тебе пора спать. Как насчет того, чтоб ты пошла и почистила зубы. Бабушка использовала веретено и делала тебе ваву?

Она кивает, а затем убегает в ванную.

— Знаешь, что хорошо? — говорю я Брэму. — Осенью у нее начнется садик. Она будет там так уставать, что точно не сможет засиживаться допоздна.

— Да, это будет хорошо, — говорит он. — И легче для тебя, особенно если ты начнешь

работать по будням. Думаешь, ты все еще будешь работать в Lion?

Я пожимаю плечами, радуясь, что мы говорим совсем на другие темы, игнорируя очевидную проблему.

— Если честно, я живу одним днем. Но да, полагаю, я должна продолжить поиски, почему нет?

Он поджимает губы и барабанит по задней части дивана.

— Ну так как работа барменом была просто как спасательный круг, ты всегда можешь начать путь к работе своей мечты. К своей страсти.

Я киваю.

— Буду стараться. — На самом деле, одна из вещей, которые я давно уже хочу сделать, это снова начать шить, как я делала, когда была подростком. Но для покупки швейной машинки мне придется накопить денег. Забавно, когда Брэм рядом, я чувствую себя моложе, как подросток. Я хочу шить, хочу слушать трип-хоп 90-х, хочу просто расслабиться и побыть немного дикой и свободной.

Впервые за долгое время я не прочь потерять свое сердце. Главное, чтоб я смогла его вернуть. Когда в подростковом возрасте вы влюбляетесь, а потом все заканчивается, вы думаете, что никогда не сможете двинуться дальше. Но вы переживаете это и влюбляетесь в кого-то другого. Ни одного мальчика не бывает достаточно надолго. Ваше молодое сердце такое необузданное, оно быстро отправляется от потерь. Сейчас же, боюсь что возраст, время и опыт так сильно повлияли на него, что оно никогда не пойдет на поправку.

Но почему я вообще думаю о любви? У меня в голове должны быть пошлости или что-то подобное.

— Ты ненавидишь этот диван? — спрашивает Брэм, пока я иду на кухню, чтоб выпить кофе без кофеина. Он мне нравится, правда.

— Совсем нет! — отвечаю я. Глуповато смотрю на него через плечо. — Прости, я просто удивлена.

Я возвращаюсь к кофе, пытаюсь отмерить нужное количество и слышу, как он поднимается с дивана. Чувствую, что он идет ко мне. У этого мужчины есть свое собственное силовое поле, может быть это мои гормоны или игра воображения, но клянусь, я могу почувствовать, как каждый волосок на моем теле встал по стойке смирно пока он приближается.

— Это действительно хороший диван, — безропотно говорю я, говорю ради разговора. Блин, когда я нервничаю, я могу говорить вечно. — Мы ведь видели его в ИКЕА, да? Полагаю, ты мог вернуть желтый диван.

— Да, — говорит он, теперь его голос похож на рычание. Он останавливается прямо у меня за спиной, и я чувствую его дыхание на своей шее. — Мог бы. Но я хотел получить твое одобрение. Я сказал реабилитационному центру, что ты можешь изменить свое решение.

Я сглатываю.

— Хорошо. Ээ, ну, нет. Это ведь ради благотворительности, как ты сказал, полагаю мы можем вернуться в магазин завтра или в любой другой день...

Я замолкаю, потому что его губы опускаются на обнаженную кожу между шеей и плечом и его поцелуй, такой мягкий, медленный, он буквально крадет мое дыхание и все мои мысли. В его руках я словно чистый шелк и вынуждена опереться на столешницу, чтобы не соскользнуть на пол.

Но он удерживает меня. Кладет эти теплые, большие руки на мою талию, заставляя

меня чувствовать себя невероятно миниатюрной и на сто процентов его. Я откидываюсь на него, он прижимается бедрами к моей попке. Я могу чувствовать твердые контуры его эрекции,

— Мамочка, — слышу, как Ава зовет меня из ванной. Клянусь, этот ребенок всегда выбирает неподходящее время.

Я поднимаю плечо, пытаюсь уклониться от Брэма.

— Не хочу, чтоб она все неправильно поняла, — говорю я ему.

Он убирает губы и руки, и я затылком чувствую его взгляд. Он откашливается.

— Здесь нет ничего неправильного, Никола. Только правильное.

Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть ему в лицо, но он уже идет через комнату по направлению к двери.

Дерьмо. Я так легко его спугнула? У него напряженное выражение лица, я что как-то обидела его?

— Спокойной ночи, — говорит он и уходит.

Елки-палки ничего ж себе! Я несколько секунд смотрю на закрытую дверь, пока ко мне не подбегает Ава.

— Мамочка, можно мне пасту со вкусом жвачки? Я видела такую по телевизору.

Я рассеянно перебираю ее волосы.

— Когда закончишь эту, то да.

Я до этого никогда не видела Брэма таким угрюмым, меня это не удивляет. Под этой беспечной внешностью я вижу порой тайну, намек, что под ней есть что-то еще. У нас у всех это есть.

Позже, после того, как я уложила Аву, я понимаю, что не могу спать. Я ворочаюсь, плююсь в потолок, а когда холод от Залива проникает в комнату, натягиваю на себя одеяло. Я беззвучно мастурбирую, представляя Брэма — Брэм на мне, внутри меня, вокруг меня — но это вообще не помогает. Становится лишь хуже, потому что я знаю, ничто не может заменить реальность.

Наконец, я встаю и иду в гостиную. Сажусь на диван, и вдруг чувствую такую благодарность. Он не только стильный, но и функциональный, и не слишком огромный — теперь у моих гостей (то есть мамы) есть место для сна, когда они здесь остаются. И темно-серый цвет, он напоминает мне глаза Брэма. Особенно когда они темнеют, будто надвигается гроза, как уже бывало раньше.

Я собираюсь включить телевизор, может посмотреть что-то глупое, просто чтобы мозг отдохнул, и тут я вижу телефон. Сейчас около полуночи.

Интересно, спит ли Брэм? Это может показаться сумасшествием, но мне хочется пойти к нему. Просто увидеть что он делает. Просто увидеть...

Но я не хочу разбудить его, если он спит, тем более он так внезапно ушел. После всего, что он для меня сделал, я не хочу действовать ему на нервы. Ну, может только немного, только потому что это так весело.

Может я, наконец, понимаю, почему он так сильно любит меня доставать.

Я вздыхаю глядя на свой телефон. Этот поцелуй, просто поцелуй на моей шее, и я сразу же захотела отдать всю себя в его власть. Меня удивило насколько жаждущей и готовой я была, позволяя ему получить меня, не обращая внимания на свое сердце или на наши отношения, вообще на что-нибудь. И я знаю, знаю, прежде всего, я должна думать головой. Это помогало мне жить в безопасности многие годы.

Но мне просто хочется сделать вид, что все будет в порядке. Что если я отдамся Брэму, даже если это будет только одна ночь, все мои молитвы будут услышаны,

Я беру телефон и пишу ему. **Ты не спишь?**

Жду, глядя на телефон в руках, они слегка дрожат, я уже хочу все вернуть. Я жду, ответа нет. Вероятно он прочитает смс утром, когда проснется, и мне придется придумать какой-то предлог, почему я вообще писала ему.

И тут я слышу, как открывается его дверь, а затем тихий стук в мою.

Я замираю, держусь рукой за сердце и несколько секунд просто стою. Знаю, если я открою дверь, все может измениться.

— Никола, — слышу его хриплый шепот.

Встаю и иду к двери, немного приоткрываю ее. Он стоит в коридоре одетый лишь в тонкие черные пижамные штаны. Очень тонкие. Не могу удержаться и быстро смотрю на его промежность.

— Привет, — мягко говорю я, отводя глаза в сторону, мой пульс учащается от возбуждения. — Я тебя разбудила?

— Я уже давно не сплю, — говорит он, кладя руку на дверную раму.

— Что делал?

Он облизывает губы.

— Думал о тебе.

Прежде чем я могу что-то ответить, его глаза загораются острой необходимостью и он врывается в квартиру как мужчина, который видит то, что хочет и сделает все, чтобы получить это.

И хочет он меня.

Глава 13

БРЭМ

Не могу больше ждать ни секунды. Те крохи терпения, которые оставались у меня с Николой, испарились, и я запускаюсь словно растянутая резинка.

Обхватываю руками ее лицо, это чертовски совершенное, милое лицо и целую ее жестче и отчаяннее, чем кого-либо раньше. Ее рот словно шелк, я проталкиваю язык внутрь желая заявить права на каждый влажный дюйм. Ее кожа словно рай, словно небеса, которые манят вас, так хочется взять их и сделать своими.

Из ее рта вырывается маленький всхлип, он попадает прямиком ко мне в рот. Ее руки на моей голой груди, пытаются оттолкнуть меня назад, но я не могу ждать. Целую ее, я тянусь назад и быстро закрываю за собой дверь, делаю это тихо, понимая, что Ава спит. Я не собираюсь будить ее, не хочу, чтоб нас прервали. Сегодня я собираюсь так глубоко войти в Николу, трахнуть ее так необузданно, так жестко, что у нее не останется выбора кроме как увидеть насколько мы похожи на диких животных.

Я ворчу и грубо хватаю ее, перебрасывая через плечо, словно пещерный человек или охотник, принесший домой добычу, и несу ее в спальню, где бросаю на кровать. Она подпрыгивает на ней, и я закрываю дверь, убедившись что замок закрыт. Затем, прежде чем снять штаны, вытаскиваю из кармана презерватив и бросаю его на кровать.

Она тяжело дышит и широко раскрытыми глазами смотрит на мою огромную эрекцию.

Именно та реакция, которая мне нужна. Вообще-то она выглядит чуть напуганной, это не так уж плохо для моего эго.

— На прелюдию нет времени, — грубовато предупреждаю я, залезая на кровать и подползая к ней, мой толстый ствол подпрыгивает между нами. — Но я сделаю тебя мокрой. — Кладу руку ей на плечи и толкаю вниз на кровать, оказываясь сверху, мои руки по обе стороны от ее лица. Пробегаюсь большим пальцем по ее губам, толкая его внутрь, пока не оказываюсь между зубками.

— Мысли о тебе не давали мне уснуть не только сегодня, — говорю я ей, желая, чтоб она знала, насколько сильно въелась мне под кожу. — Так было каждую ночь. Постоянно. — Я убираю палец и прижимаюсь к ней, чтоб она почувствовала насколько я твердый и длинный, насколько я готов. Ее глаза округляются, но она не боится.словно ее тело готово для того, что будет дальше, а ум изо всех сил пытается его догнать.

Несмотря на то, что она не знает, что будет дальше, она стораает от желания.

Я тянусь за пакетиком, вытаскиваю презерватив, мое сердце громко стучит, пока я раздвигаю ее ноги коленом. Чувствую ее запах и делаю глубокий вдох, он сладкий и мускусный, приятней любых духов.

Быстро, прежде чем потеряю контроль, я сажусь на корточки и достаю презерватив, раскатывая тонкий латекс по всей длине. Я смотрю на Николу, она не сводит с меня глаз, и говорю себе, что когда я отказывался от лишнего пива и несколько лишних часов потел в зале, это того стоило. Я чертовски хорошо забочусь о своем теле, и она не может оторвать от меня глаз.

Как только я одел его, смахиваю каплю пота со лба — Господи, я горю, моя кожа словно солнце — и опускаюсь на нее, удерживая свой вес на одной руке пока другая крадется между ее ног.

— Просто хочу убедиться, что ты готова для меня, — шепчу я, мои губы и зубы находят мягкую, нежную мочку ее ушка и дергают. Я подношу руку к ее киске и ухмыляюсь около ее щеки. Мало того, что она припухшая и шелковистая как раньше, теперь она еще и сочится влагой. Блядь, мне надо забить на свои планы и просто вылизать ее до последней капли, но я знаю, что тогда выпущу заряд в первую же минуту. Нет ничего первобытнее, сексуальнее, чертовски непристойнее, чем пожирать женщину, вылизывать каждую унцию, тем самым делая ее *своей*. И когда вы видите, какое удовольствие это доставляет ей, ну, готов поспорить, любой нормальный мужчина может потерять контроль от подобного. Заводя ее, я завожу и себя.

— Ты такая невероятно влажная, — говорю я ей, толкаясь двумя пальцами в ее тугую дырочку. То, как она сжимается вокруг них, удерживая меня, заставляет меня на секунду закрыть глаза. Твою мать, и это только мои пальцы.

У нее перехватывает дыхание, и она выгибает спину, ее округлая, бледная грудь вздымается вверх. Я пробегаюсь языком по соскам, твердым камешкам, которые реагируют на каждое мое прикосновение, и она громко стонет. Проталкиваю пальцы дальше, и стон усиливается. Она как чертов шведский стол или фуршет, и я понятия не имею с чего начать, но каждое блюдо будет определено вкусно.

Я больше не вынесу. Сжимаю кулак вокруг своего твердого члена и располагаюсь напротив ее входа. Она то прикрывает глаза, то широко распахивает, когда я медленно трусь набухшей головкой вверх-вниз по ее блестящей расщелине. Это невероятно.

— О, Боже, — затаив дыхание, говорит она. — Давай уже, войди в меня

— Такая нетерпеливая, — комментирую я. — Мне это нравится.

Она на мгновение замирает.

— Просто...это было давно. Возможно я снова стала девственницей.

Глупая улыбка на моем лице становится еще шире.

— Ммм, то что надо. Я буду двигаться медленно.

И даже если двигаться медленно это последнее, чего я хочу — твою мать, каждый нерв в моем теле готов ворваться в ее горячие глубины и вколачиваться в нее, пока она не впечатается в спинку кровати — я все равно делаю это. Начинаю медленно входить в нее.

Нет, это больше похоже на захват, она такая охрененно тугая, тисками захватывает каждый твердый миллиметр моего члена.

— Дерьмо, — рычу я, глядя вниз, смотря как проникаю в нее. Я теряюсь в этой сладкой розовой мечте. Такой гладкой, такой нереальной. — Это испытание для моей силы воли, — говорю я ей.

— Полегче, — на выдохе говорит она. Ложится на спину, и я жду, пока она не расслабиться, прежде чем продвинуться дальше. Она такая горячая и влажная, я настолько медленно проникаю в нее, что начинаю дрожать. Делаю паузу, на этот раз для себя, и глубоко вдыхаю.

— Я сделала тебе больно? — тихо спрашивает она.

— Милая, — отвечаю я, мой голос низкий и хриплый. — Ты ранила лишь мою решимость.

Она улыбается и расслабляется, но этого недостаточно.

— Откройся, — говорю я ей. — Я лишь на полпути. А я хочу, чтоб ты взяла всего меня.

Она моргает.

— Черт, я думала это все.

Я качаю головой, еще больше капель пота падает вниз и приземляется на ее грудь.

Она делает глубокий вдох, но я знаю, как ускорить процесс. Кладу большой палец на клитор и потираю его, размазывая ее соки. Я работаю над ней, пока не чувствую, что она расслабилась и тогда толкаюсь дальше. Она задыхается, но кладет руки мне на задницу и впивается пальцами, контролируя мою скорость. Но все еще тянет меня вперед.

Я задерживаю дыхание, забыв выдохнуть, я настолько поглощен этим опьяняющим погружением, чувствую себя словно покоритель новых земель. Она вытягивается подо мной, такая мягкая и возбуждающая, словно рай, поднимает свои колени выше, открываясь шире, и, наконец, я вхожу до конца, мои яйца прижимаются к ней и я практически близок к отключке.

Я громко стону, не в силах молчать. Несмотря на свою репутацию ловеласа, я знаю, что в этот первый раз буду не в состоянии произвести хорошее впечатление. Нужда во мне слишком острая, слишком интенсивная, слишком сильная. Медленно выхожу и смотрю как мой толстый ствол, весь в ее соках, входит обратно. Я дрожу всем телом.

Но даже если я собираюсь в ближайшее время кончить, и да, бл*дь, это будет потрясающе, я не сделаю этого без нее. Я возвращаюсь к контролю, хватаю ее за бедра и дергаю вверх и к себе, мои пальцы впиваются в мягкую плоть, а другая рука снова движется к клитору.

Она громко стонет, затем находит силы положить подушку на лицо, чтобы заглушить крики. Должен признать, это горячо, видеть, как она смотрит, как мой член входит и выходит из нее, но так же горячо когда она вообще ничего не может видеть.

— Не сдерживайся, детка, — шепчу я, дыхание рваное и тяжелое. — Я нет. Не в этот раз. Я не могу.

Мои бедра движутся назад и вперед, я погружаюсь в и из нее от кончика до последнего толстого дюйма моего члена. Ритм становится все быстрее и быстрее, и я знаю, я не смогу долго сдерживаться. Ее киска настолько тугая, такая жадная, у меня такое чувство, словно я под гребаной наркотой, будто я отправил свой член в какое-то эротическое путешествие, от которого все никак не протрезвею.

Я неистово работаю пальцами, и ее приглушенные стоны становятся все громче и громче, в то время как я все сильнее и сильнее врезаюсь в нее. Спина выгнута, соски торчат, я знаю, она близко.

— Черт! — кричит она. — О Господи!

Я начинаю вколачиваться в нее сильнее, кровать ходит ходуном, ее грудь подпрыгивает, и я не могу сказать, близко она или нет, но потом чувствую, как она сжимается вокруг меня и знаю, что она там, потерялась в спирали.

Делаю глубокий вдох и издаю низкий, гортанный крик, даю себе волю, и оргазм пробегает вниз по моему позвоночнику и выстреливает из каждого нервного окончания. Я трахаю ее настолько сильно, что думаю, проломлю стену ее кровати и окажусь у себя в квартире.

Я жестко кончаю, взрываясь настолько быстро и мощно, что боюсь, вполне смогу проделать дыру в презервативе. Меня трясет столь сильно, что кровать продолжает дрожать, несмотря на то, что бедра замедлили темп. Сквозь блаженный туман я слышу, как Никола все еще стонет в подушку, тяжело дыша и издавая бессмысленные звуки. Может я делаю то же самое, трудно думать об этом, когда у вас нет никакого контроля над собственным телом, нет реального понимания того, что происходит, кроме того, что вы поднялись на миллион миль в космос и понятия не имеете, как спуститься на землю.

Когда мои руки начинают дрожать, я медленно опускаюсь, оказываясь на ней, моя мокрая грудь прижата к ее. Это настолько чувственно, то чувство, будто мы действуем, руководствуясь инстинктами и желаниями, задолго до того, как включается разум. Сейчас глупо говорить про единение душ, но мне кажется, оно не за горами.

— Прости, — говорю я, убирая подушку от ее лица. — Я не мог сдержаться. Ты чертов криптонит.

Она смотрит на меня, ее лицо пылает, глаза тяжелые, словно она в состоянии блаженства. Она никогда не выглядела прекрасней. Я хочу, чтоб она выглядела так все гребаное время.

— Я не могу даже... — произносит она, ее голос еле слышен, и она улыбается.

— В следующий раз все будет по-другому, — говорю я, отводя влажные волосы от ее лица. Ее волосы растрепаны, что только добавляет божественности ее безумному взгляду.

Она качает головой.

— Господи, надеюсь, нет. Это было...это было...у меня просто нет слов.

— О, это будет столь же удивительно, — уверяю я, легко целуя в губы. Она на вкус как соль. Я глубоко вдыхаю и чувствую запах секса, такой старый и одновременной новый, он почти заставляет меня затвердеть снова. Если бы не тот факт, что я должен выйти и снять презерватив, не думаю, что когда-нибудь бы покинул ее.

Но я делаю это. Это всего лишь вежливость.

Отдвигаюсь назад, выхожу из нее, сжимая презерватив, чтобы убедиться, что на нее

ничего не попало. Встаю и иду в ванную, убеждаюсь, что привел себя в порядок, прежде чем вернуться в постель.

Она лежит под одеялом, грудь едва прикрыта и в лучах света от лампы, стоящей на прикроватной тумбочке, она выглядит определенно удовлетворенной. Идеально.

— Не возражаешь, если я останусь? — спрашиваю я. Не знаю, хотела она меня просто для траха или для чего-то большего. Надеюсь последнее.

Она лениво улыбается, а затем приподнимает одеяло. С облегчением вздыхаю и забираюсь к ней.

Я не такой уж любитель обнимашек, но сейчас, когда я в постели с ней, обнаженной, грех не прикоснуться к каждому дюйму ее мягкого тела. С этими веснушками и пухлыми розовыми губками и сливочной кожей, она как чертова богиня, и я знаю, она и не догадывается об этом. Что только добавляет ей еще больше привлекательности.

Я притягиваю ее к себе и целую в плечо, еще теплое и влажное. Не знаю, что сказать — никогда не был силен в постельных разговорах — просто хочу держать ее в своих объятиях пока сплю и потом, когда проснусь через пару часов для еще одного раунда.

Но она кажется слегка напряженной и нерешительной. Она жует губу, словно у нее что-то на уме, у меня такое чувство, что я знаю, что это.

— Знаешь, — медленно говорю я, пробегаясь пальцами по ее носику и сочным губкам. — Вопреки распространенному мнению, это действительно кое-что для меня значит.

Она сглатывает и запрокидывает голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Да?

Я это знал. Моя репутация будет преследовать меня повсюду.

— Ага. — Я целую ее шею и шепчу. — И если я с кем-то сплю, то других нет. Сейчас я с тобой и так будет до тех пор, пока тебе будет нужен мой член. Знаю, ты сказала, что только идиотка поведется на это, но я вижу только тебя и нет никакого смысла в том, чтобы смотреть куда-то еще, я все равно постоянно думаю только о тебе.

Она кивает.

— Хорошо. Ну что ж, обо мне по этому поводу ты точно можешь не беспокоиться.

— Не будь так уверена, — говорю я ей. — Я видел тебя на работе. Видел, как на тебя смотрят мужчины, и ты на них. Но до тех пор, пока я могу быть единственным, кто наслаждается тобой, я буду счастлив. И я сделаю все, чтобы сделать тебя счастливой.

Она нежно улыбается.

— Ты звучишь почти мило.

— Дай мне пару минут, и слово мило исчезнет из твоих мыслей.

Но несколько минут спустя мы оба спим.

Глава 14

НИКОЛА

— Господи, милая, ты такая вкусная.

Я слышу хриплые стоны Брэма вперемешку со словами и чувствую, как его язык скользит между моих ног. Я подпрыгиваю от подобного контакта, но его руки хватают меня за бедра, удерживая на месте. Приподнимаю голову, моргаю и вижу его темную голову, его

язык проходиться по моим складочкам, медленно облизывая меня.

— Боже, — тихо бормочу я, опускаясь обратно на постель. — Вот это способ проснуться. — Сейчас раннее утро и даже несмотря на то, что не видно ни облаков, ни тумана, небо за окном серо-голубое. Я удивлена, что мы проснулись. У меня такое чувство, будто мы всю ночь занимались сексом, но даже если у меня все болит, с моих губ и киски словно сняли кожу, я чувствую себя удивительно живой. Голова ясная, нервы гудят, кожа ощущается так, словно может почувствовать каждую частицу воздуха. Знаю, это стопроцентное клише, сказать, что я чувствую себя совершенно новой женщиной, но так и есть.

Брэм стонет внизу, его язык погружается в меня. Я выгибаю спину, хочу его глубже, мои ноги открываются для него все шире и шире. Пальцы крепко сжимают мои бедра, а другая рука скользит по клитору, потирая его.

Боже, я в любой момент могу кончить, но мне так хочется, чтоб это длилось вечно. Пожалуйста, можно я буду просыпаться вот так всю оставшуюся жизнь?

Прошлая ночь была слишком невероятной для слов — очередное клише, но это правда. У меня никогда не было мужчины, который хотел бы меня настолько сильно, я могла практически ощущать его примитивную, животную потребность соответствующую моей собственной. И обнаженный, великолепный, красивый, восхитительно голый Брэм это совсем другой зверь. Я честно не знаю, собирается ли он причинить мне много боли или нет, но то, как медленно и восхитительно он освободился внутри меня... Я не чувствовала ничего кроме наслаждения, а затем это невероятное ощущение быть такой наполненной, будто именно его мне всю жизнь и не хватало.

Единственная проблема, теперь я чувствую себя слегка обделенной без его члена. Я хочу его внутри, всего его, не только пальцы и язык. Хочу, чтоб он снова заставил кровать трястись, а грудь покачиваться, пока он врезается в меня. Хочу этой дикости, безнравственности, греха. Эту чертову ухмылку, будто он точно знает, что заставляет меня кричать, пусть даже я и кричала в подушку, чтобы не разбудить Аву. И судя по тому, с каким энтузиазмом он вылизывает меня, словно я чертов рожок мороженого, я собираюсь позволить себе потеряться. Я хватаю подушку и прижимаю к лицу, когда он толкает меня через край. Тугая спираль в моем теле вырывается на волю, и я скольжу на волнах безумной радости, мои конечности дрожат от силы этого ощущения.

Черт возьми! Спасибо тебе, Брэм!

Когда мои спазмы стихают, он поднимает голову.

— Именно так мне нравится будить мою женщину.

Я смотрю на него, голова плывет, тело парит.

— А что если я захочу разбудить тебя минетом?

— Думаю, мы сможем прийти к компромиссу, — говорит он, забираясь на меня. Его жесткий член трется об мою гладкость, и я всем сердцем надеюсь, что у меня в ящике достаточно презервативов. Этот дурак прошлой ночью принес только один. Не уверена, о чем он вообще, блин, думал.

Я только собираюсь взять один — я могу принять таблетку, но презервативы неизменно обязательны, особенно с таким игроком как Брэм — когда слышу шарканье по ту сторону двери, а затем попытки открыть дверь.

— Мамочка, дверь заперта! — вопит Ава. — Впусти меня.

Мы с Брэмом обмениваемся взглядами, и я понимаю, что из одежды у него есть только

штаны. Я вскакиваю, быстро натягиваю халат и бросаю ему штаны. Приоткрываю дверь так, чтобы Брэма нельзя было увидеть, и выхожу.

— Привет, ангелочек, — говорю я ей, прислоняясь спиной к двери, держа ее закрытой, пока смотрю на нее сверху вниз. — Ты рано.

— Почему дверь заперта?

— О, это случайность, — говорю я.

Потом дверь открывается, и появляется Брэм, слава Богу, его эрекция исчезла.

— Брэм? — спрашивает она. — Ты теперь живешь здесь?

Брэм дерзко ухмыляется мне и приседает вниз, на один уровень с ней.

— Нет, малышка, я все еще живу за соседней дверью. Просто сегодня я спал здесь.

— Ладно, — радостно говорит Ава и уходит в ванную. Я знаю, что Ава не достаточно большая, чтобы знать, что в таких ситуациях делают взрослые. К счастью, она слишком невинна для того, чтобы даже подумать о таком. После Фила я была крайне осторожна с парнями, которых приводила домой. Их было не много, но, примерно в то же время, когда Стеф с Линденом впервые сошлись, я была с парнем по имени Бен. Он был милым, именно поэтому я и стала с ним встречаться, но между нами не было искры. Он нравился Аве, и чем больше времени проводил с ней, тем сильнее она к нему привязывалась. Когда мы расстались, это разбило ей сердце. И с тех пор, как я узнала, что в качестве рождественского подарка она хочет Брэма в роли папочки, было бы логично предположить, что он очень сильно ей нравится.

Что касается меня...я не знаю. Смотрю, как Брэм медленно идет на кухню, мои глаза прикованы к его стройным бедрам и узкой талии, к длинной, широкой мускулистой спине. Я жалею, что прошлой ночью не оставила на ней следы от ногтей, но ведь всегда есть следующий раз.

О, Боже, пожалуйста, сделай так, чтоб это был не секс на одну ночь, думаю я, внезапно испугавшись, что он может передумать. Знаю, прошлой ночью он сказал, что хочет спать только со мной, но опять же, я не могу себе представить, к чему вообще все это приведет.

Но я сказала себе, что не буду это анализировать. Это не «весело». Не дико и не свободно. Я просто хочу наслаждаться жизнью и не беспокоиться о том, что может случиться позже.

— Итак, — говорит Брэм, ставя кофе. Мне нравится то, насколько комфортно ему здесь, в моей квартире. Хотя недели назад меня это адски раздражало. — Когда у тебя следующая смена? У тебя сегодня есть время, чтобы съездить в ИКЕА?

— ИКЕА! — вопит Ава. Шары!

Я смеюсь.

— Да, Ава, шары.

— Я люблю шары!

— Так же как и твоя мамочка, — замечает Брэм, кусая губы, чтобы удержаться от смеха.

— Эй, — я указываю на него пальцем. — Давай-ка оставим это утро в рамках G.

— Шары! — вопит Ава. — Брэм — лала-динь-дон! — она бежит обратно в свою комнату, и я слышу, как она прыгает на кровати.

— Не знаю, где она берет энергию, — со вздохом говорю я, собираясь достать лекарство и глюкометр.

— По крайней мере, ты видишь, что она стала лучше чувствовать себя с тех пор, как ей

поставили диагноз, — говорит он. Когда я прохожу мимо него к шкафчику, он хватается за талию и тянет к себе. — Как ты? — он понижает голос. — Кажется, ты наслаждалась тем, как проснулась.

Не могу сдерживать улыбку. Он продолжает крепко удерживать меня, ища мой взгляд.

— Так и есть, — говорю я. — Лучше, чем кофе. Кстати о кофе, тебе лучше бы поторопиться или я могу и вспылить.

— Ах, — говорит он. — Ты одна из тех, кто не чувствует себя человеком без кофе. Буду знать. Никола любит просыпаться с головой между ног и кофе сразу после.

— Райски звучит.

— Рай можно устроить, — говорит он, целуя мою шею. — Думаю, я нашел свой рай прямо здесь.

Моя голова поднята, глаза закрыты, и эта боль между ног разгорается, нужда такая же сильная, как и раньше. Но нереально, что сейчас что-то произойдет, не тогда, когда Ава рядом. Если только в ИКЕА нет ямы для секса, то нам надо притормозить до вечера.

— Так, — продолжает он, прижимая меня к себе и глубоко вдыхая. — О, солнышко, ты так хорошо пахнешь. Это адски отвлекает.

— Итак, — говорю я, пытаюсь направить разговор в нужное русло. — Насчет сегодня.

Он отстраняется и смотрит на меня.

— Точно. Ты свободна?

— У меня сегодня выходной, — отвечаю я. — Я вся твоя.

— Хорошо, — говорит он. — Потому что даже если не так, я, так или иначе, намеревался сделать тебя своей. Помнишь все то, что я говорил о твоей неудовлетворенности? Ну что ж, это займет немало времени, и нам придется постоянно практиковаться пока не перетащим тебя на правильную сторону. Но ты ведь справишься с этим, да, детка?

Звучит как предложение, от которого я не в силах отказаться.

Хоть до Эмеревилля мы добрались уже во второй половине дня, сегодня будний день, и здесь не так многолюдно, как я предполагала. Если честно, я рада, что мы вернулись. Такое чувство, что мы были здесь совершенно другими Николой и Брэмом. А теперь мы здесь, и хоть мы и не совсем *вместе*, на этот раз я знаю, на что похоже ощущение когда его член внутри меня — мне больше не надо задаваться подобным вопросом.

К сожалению, так как мы приехали не с самого утра, нам приходится немного подождать, чтобы оставить Аву в детском центре. Так что мы с пользой используем время и идем в отдел обслуживания клиентов и возвращаем диваны. Как я и думала, они легко принимают товар обратно. Уверена, собранный диван отправится в отдел уцененных товаров, куда отчаявшиеся и удачливые души идут в надежде найти свою заветную мечту среди мебели. Ту, которая уже будет собрана.

Наконец подошло время Авы для детской комнаты, хотя мы вроде все сделали и готовы пойти домой. Но тут Брэм напоминает мне, как Ава радовалась поездке в магазин и возможности побывать в яме с шариками, и я не могу сказать нет бесплатному присмотру за детьми. Поэтому мы соглашаемся еще раз пройтись по магазину, пока она будет час наслаждаться игрушками.

После того, как мы прощаемся с ней, Брэм притягивает меня к себе, оборачивая пальцы вокруг моего запястья, и нежно поглаживает кожу большим пальцем. Он шепчет мне на ухо.

— Ты помнишь про вызов, в тот, прошлый раз? — спрашивает он.

Я твердо смотрю на него.

— Да, это было всего пару дней назад. И ответ до сих пор нет. Ты снова можешь сказать, что я скучная и не умею веселиться, но я не собираюсь сидеть на унитазе в шоу-руме и делать вид, что собираюсь облегчиться.

Он улыбается.

— Нет, все было не совсем так. Но это вызов. Тот, которым ты насладишься, если будешь достаточно смелой, чтобы поверить мне.

Я прищуриваюсь.

— Ну, не знаю...

— Пойдем со мной, — говорит он и ведет меня наверх и обратно в зал. Мы проходим по коридорам, мимо парочек, радостно выбирающих диванчики и привередливой дамочки, тестирующей гладкость ящиков комода.

Брэм трогает шифоновую юбку, которую я сегодня надела.

— Рад, что ты ее надела.

Я смотрю вниз на нее и свои байкерские ботинки Zara.

— Спасибо, она похожа на пачку балерины.

— Нет, я имею в виду рад, что ты в юбке.

— Почему? — спрашиваю я, и вдруг он дергает меня в одну из квартир в выставочном зале. Затаскивает меня за угол мимо раздвижной деревянной двери, и мы оказываемся в одной из ванн.

— Нет, — говорю я ему, твердо стоя на своем. — Что я только что сказала?

— Расслабься, это не то, о чем ты подумала, — говорит он и одним быстрым движением хватает меня за бедра и усаживает на раковину. Я пытаюсь вырваться, хоть и скрытая от глаз большинства покупателей. Если кто-то захочет осмотреть квартиру и свернуть за угол, они найдут меня.

Но Брэм просто берет и задирает мою юбку вверх так, что она оказывается на талии и отодвигает трусики в сторону. Внезапный порыв воздуха и подобных действий заставляет меня замереть, так же как и холодный мрамор, прижимающийся к моей попке. Он размещается у меня между ног, постоянно ухмыляясь.

— Серьезно, нет, — говорю я. — Нас поймают и выгонят.

— Ну и пусть, — говорит он, а потом я чувствую как его волосы и горячий язык щекотят меня.

Не представляю, как это вообще может сработать. Как я могу расслабиться и наслаждаться, зная, что нас в любую минуту могут обнаружить? Это вовсе не удовольствие, сплошная нервотрепка и чувство беды.

Господи, а ощущения такие приятные.

Я хватаю его за волосы и откидываюсь назад, голова прижимается к зеркалу, пока его язык и губы заполняют меня.

Из меня вырывается стон, но мне все равно. Звук тонет в шуме магазина. В нескольких шагах от нас люди осматривают квартиру, обсуждая свою домашнюю мебель, а за этим тонким куском стены сижу я, с выставленной на обозрение киской.

Брэм не торопится, не так, как сегодня утром. Его рот горячий и страстный, и когда он

снова и снова проникает в меня и обратно, я опять стону, на этот раз громко, чувствуя себя такой дикой, такой плохой. Когда он погружает в меня палец, поглаживая мою точку G, пока его губы посасывают мой клитор, я кончаю.

— Черт, — слишком громко кричу я. — Но Брэм продолжает, пока я не перестану дрожать. Несколько блаженных секунд я думаю что парю вне времени и пространства, в каком-то другом измерении, куда отправляют меня оргазмы от Брэма.

— Вау, — нахожу силы сказать я, поднимая голову вверх. Я ожидаю увидеть лишь Брэма, но он не все, что я вижу. Пока он находится между моих ног, с беспокойством поглядывая на меня, видимо потому что я выгляжу так, словно увидела призрак, позади него, раскрыв рты, стоит пожилая пара

Женщина вскрикивает, а мужчина закрывает ей глаза и тянет в сторону. Брэм быстро поднимается на ноги, снимает меня с раковины и опускает юбку.

— Ох, дерьмо, дерьмо, дерьмо, — причитаю я, поправляя юбку. Хватаю Брэма за рубашку. — Что же нам делать?

— Они похожи на тех, кто вполне способен позвать службу безопасности, — говорит он, и хотя мне безумно хочется свалить отсюда, я замечаю в его глазах намек на развлечение. Не уверена, что мне это нравится. Не хочу поощрять такого рода удовольствия.

— Полагаю нам лучше бежать?

Я оборачиваюсь и натываюсь на фальшивую стену ванной позади нас.

— Мы же не можем пройти сквозь нее, или может, ты сделаешь туннель, чтоб мы сбежали через него? Я не хочу выходить в зал, — признаюсь я.

Он хватается меня за руку.

— На счет три бежим. Поняла? Один, два, три!

Так или иначе, мои ноги начинают двигаться, он тянет меня вперед и мы выскакиваем из ванной в квартиру. Несколько человек поглядывают на нас, видимо задаваясь вопросом, что происходит, но самое страшное в том, что пожилая пара идет к сотруднику магазина и указывают прямо на нас.

— Продолжай бежать! — Кричит Брэм, и мои ноги продолжают двигаться, даже если остальная часть меня, как мне кажется, застыла в ледяной панике. Мы выбегаем из квартиры и бежим вниз по коридору по направлению к лестнице.

Я слышу:

— Эй! — кто-то кричит нам вслед, но мы не останавливаемся и не оглядываемся. Мы продолжаем нестись, поднимаясь по лестнице перепрыгивая через ступеньку, и влетаем в детскую комнату.

Еще не прошел час, но Ава бежит недалеко от выхода. Я зову ее, размахивая руками, отчаянно пытаюсь не выглядеть словно сумасшедшая. Ава достаточно умна, чтобы побегать к нам без каких-либо уговоров.

— Вы уже вернулись? — спрашивает она.

— Милая, мы прямо сейчас должны уйти. Хочешь побегать с нами? Притвориться, что за нами гонятся динозавры?

Она кивает, всегда готовая к любым приключениям, связанным с динозаврами.

— А какие динозавры?

— Плохие. — Я хватаю ее за руку, и мы втроем бежим прочь из магазина, прочь от тех, кто может захотеть навсегда закрыть нам сюда доступ. В конечном итоге, мы блуждаем в лабиринте парковки, но как только находим Мерседес, то сразу прыгаем в него и уносимся

прочь.

Я продолжаю оглядываться назад на желто-синее здание, представляя себе как из магазина, преследуя нас, выбегают разгневанные работники ИКЕА вооруженные вилами и факелами. Когда мы оказываемся на автомагистрали, я начинаю хохотать. Ничего не могу с собой поделать. У меня из глаз текут слезы, и меня просто потряхивает от всего этого, я ржу словно ненормальная.

Брэм шокировано смотрит на меня, будто думает, что я сошла с ума, но потом тоже взрывается. А потом начинает смеяться и Ава, несмотря на то, что она не знает почему. Может она уже очень долго не видела, как ее мамочка смеется до колик. Может она заразилась штаммом невменяемости, который видимо уже есть у нас с Брэмом. А может, она просто счастлива, что ее мама выглядит дикой и свободной.

Мы продолжаем хохотать все время, пока едем домой.

Глава 15

НИКОЛА

Единственное неудобство в том, что ты спишь с деверем своей лучшей подруги, заключается в том, что ты не знаешь, как рассказать об этом ей. Да и вообще стоит ли рассказывать. Но так как это я и Брэм, то практически невозможно не проболтаться. Меня просто распирает, так хочется с кем-нибудь поделиться.

Когда мы вернулись из ИКЕА, Брэм приготовил на ужин вкуснейшую запечённую курицу с овощами. Нам с Авой так нравится это блюдо. А затем мы втроем провели вечер за просмотром *Приключения Флика* (прим. пер. англ. *A Bug's Life* — «Жизнь насекомого», также известный как «Жизнь жуков» — полнометражный мультипликационный фильм, созданный с использованием компьютерной анимации). После того, как я уложила Аву, мы с Брэмом всю ночь занимались сексом. Даже несмотря на происшествие в ИКЕА — и осуществление моей тайной мечты заняться сексом на публике — он стал возбуждать меня еще больше, весь он, даже больше, чем прежде.

Но наступил следующий день, Брэм уехал на встречи, я пошла на работу, а Лиза пришла присмотреть за Авой. Если я не расскажу кому-нибудь, пусть даже Стеф, что случилось за последние двое суток, я просто с ума сойду.

Я не знаю, приходит смс от Стеф после того, как я предложила ей встретиться. Я так устала, у меня планы на пижаму и Netflix.

Мне надо с тобой поговорить, отвечаю я. Тебе надо узнать у кого был секс в ИКЕА.

Пауза.

А потом.

Какого хрена? У кого был секс в ИКЕА? В магазине???

Приходи сегодня вечером в бар и все узнаешь. И да, в магазине.

БОЖЕ МОЙ. Это была ты? БОЖЕ, БОЖЕ. Ты и БРЭМ??

Увидимся вечером.

Отлично. Ох, ну ты и сучка!!!!!!! Скажи мнеeeeeeeeeeeee.

Позже.

БЛ*ДЬ.

Вот так я и убедила Стеф прийти потусоваться со мной, пока отрабатывала свою смену в Lion. К счастью, вечер был не особо загружен, но не настолько, чтоб меня отпустили домой, так что Стеф села у барной стойки и я, наконец, выговорилась, рассказывая ей грандиозные новости.

— Давай колись уже, — говорит она, попивая второе пиво. Многовато для того, кто хотел остаться дома и смотреть Netflix.

— Ладно, — краснея, отвечаю я.

— Подожди, — говорит Стеф и поднимает ладонь. — Я уже знаю. Знаю. Посмотри на себя. Ты как гигантский помидор! Твое лицо всегда тебя выдает.

Я вздыхаю и наклоняюсь вперед, понижая голос. Несмотря на то, что поблизости никого нет, я не хочу, чтоб нас слышали чужие уши. Я не тот тип девушки, которая направо и налево треплется о своей личной жизни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я спала с Брэмом.

— Что? — вскрикивает она, Джеймс оглядывается на нас с другого конца бара.

— Стеф, заткнись! — предупреждаю я, перегнувшись через бар, чтобы схватить ее за руку. — Я думала, ты поняла это по моей красной физиономии.

— Да, но услышать это из твоих уст другое! — восклицает она. Она ерзает на стуле. — Ладно, ладно, мне нужны подробности. Все детали. Расскажи мне все. У него большой член? Как у Линдена?

— Успокойся, — говорю я, понимая, что она, так или иначе, упомянет Линдена. — Полагаю все началось с ИКЕА.

— ИКЕА! — говорит с улыбкой Стеф, стукнув кулаком по стойке, будто ИКЕА это имя нашего хорошего друга.

— Да, ну, он возил меня туда, ну ты знаешь, я тебе говорила, чтобы купить новый диван.

— Да...и вы занимались сексом на диване!

— Нет. Не беги вперед паровоза. Там все прошло хорошо. Он флиртовал со мной, ну сама знаешь, он чертовски хорошо умеет это делать.

— Как и Линден, — мечтательно говорит она, подперев подбородок рукой.

— *Не* как Линден, — говорю я. — Так или иначе, позже, когда мы были дома, он пришел помочь мне собрать диван. Не могу вспомнить, просила я его об этом или нет. Ах, да, мне нужна была дрель! В общем, Ава спала в моей комнате, мы с ним разговаривали... и...ну понимаешь, он не совсем такой, как я думала. — Я не хочу рассказывать что-то личное из того, чем он делился со мной, например, о благотворительности, но говорю. — И полагаю, он не совсем такой, каким и ты его считаешь. Или даже Линден. Он серьезней, чем кажется.

Она фыркает.

— Брэм? Серьезней? Да ладно, он серьезен только тогда, когда пытается подсчитать количество женщин, с которым переспал.

Должна признаться, я начинаю защищаться.

— Не правда. Хочу сказать, да, женщины есть. Или были.

— *Были?*

— Все время забегаю вперед...

— Ты опережаешь события.

— Короче мы разговаривали и...Боже, не знаю. Я просто...знаю, это глупо, но

понимаешь, он все время флиртовал, постоянно намекал, и мне просто захотелось узнать, на что это будет похоже, быть с ним. Понимаешь? Он поселился у меня в мыслях, я все время думала о нем, смотрела на него, слушая этот чертов акцент.

Она громко вздыхает.

— О да, этот акцент.

— Он заставлял меня чувствовать то, что я давным-давно уже не чувствовала.

Она твердо смотрит на меня, губы слегка надуты.

— Почему ты никогда не говорила мне об этом? Я думала, ты ненавидишь Брэма.

— Так и было! Но, он вроде как изменил мое мнение. Я полагала это глупо запасть на кого-то подобного.

— О, милая, да ладно тебе. Кто бы не запал на Брэма. Он же Брэмастик.

— Боже мой, — восклицаю я. — Ты такая же ужасная, как он.

Она пожимает плечами.

— Послушай, — напоминаю я, — ты угрожала ему, чтоб он на меня даже не смотрел, угрожала нам с Кайлой, говоря, что это внесет сумятицу в нашу компанию. Много было разных угроз. Не хочу, чтоб ты сердилась на меня, или, не дай Бог, читала мне лекции.

— Я помню, что говорила подобное, — говорит она, — но лишь потому, что мне не наплевать и я хотела тебя предупредить. Но если честно, ты так светишься. Я уже давно такой тебя не видела. И знаю, ты будешь с ним осторожна... правда?

Я киваю.

— Ну, я не влюблена в него, если ты об этом.

— Хорошо, — говорит она. — Не то чтобы я не хочу, чтоб ты влюблялась, просто я очень беспокоюсь, что ты влюбишься в того, кто, кажется, только и делает, что разбивает сердца. — Она делает паузу, наблюдая за моим выражением лица. — Но не будем об этом, итак... ты спала с Брэмом. Моим деверем.

— Ага.

— Так что, вы собирали диван и он просто, что, взял тебя прямо там?

Я смеюсь.

— Мы не зашли так далеко. Мы были под чехлом для дивана. Ты ведь в курсе, какова IKEA, ты все должен собрать сам. Мы разбирались с обивкой и внутренней частью, и... я не знаю. Обменялись взглядами, и следующее, что я понимаю, что он целует меня, а его руки повсюду. Я была брошена на пол, моя туника задрана наверх, и он был... это было адски горячо.

— И, и...?

Я пожимаю печами.

— Нас прервала Ава.

— Вот кайфоломщица!

— Стеф, — предупреждаю я. — Ты говоришь о моей дочери. И да, она обломала весь кайф.

— Но скажи, что ты хоть почувствовала, как он оснащен.

— Я же сказала тебе, что спала с ним. Вполне очевидно, что член был участником данного события.

— Хештег член.

— И да, мы дурачились там, под обивкой, он, ну понимаешь, он использовал свои пальцы.

— Это так круто. Дай мне еще пива.

Я вытаскиваю Anchor Steam, открываю и ставлю перед ней. Я в деталях рассказываю ей остальное, в том числе и то, как писала ему, спрашивая, не спит ли он.

— Итак, ты взяла все под контроль, — размышляет она. — Не думаю, что когда-либо видела, как ты делала что-то подобное. С мужчиной, имею в виду.

Она права.

— Да, инициатором была я. Но когда он пришел, то все остальное контролировал он. И это было приятно. Он немного грубоват, ну ты понимаешь, всякие грязные разговорчики. По крайней мере, я с таким раньше не сталкивалась. Но не думаю, что он такой же вульгарный, как Линден.

— Дай ему немного времени.

— Короче.

— Так ты кончила, да?

— Черт, да. И не раз.

— А что там про IKEA то?

Ничего не могу с собой поделать и хитро улыбаюсь, глядя в сторону. Воспоминание об этом моменте навсегда отпечаталось в моей памяти, там, откуда его невозможно выбросить.

— Мы вернулись, чтобы вернуть диваны. Когда Ава была в детской комнате, он затащил меня в одну из ванн в шоу-руме...

— Нет... — говорит она, широко распахнув глаза

Я киваю.

— Да. Он посадил меня на раковину и довел до точки.

— В магазине!

— Ага.

— И вокруг были люди?

— Были. Сначала я их не видела. Но потом нас поймали.

— *Поймали?* — визжит она. Громко. Достаточно громко, чтоб к нам подошел Джеймс.

— Стеф, ты слишком вопишь! — шиплю я.

— Что происходит, дамы? — спрашивает Джеймс, он всегда такой любопытный.

— Ничего, — быстро отвечаю я.

— Ничего, — добавляет Стеф. — Кроме того, что Никола скрытая эксгибиционистка.

— Стеф!

Джеймс пробегается по мне глазами.

— Ты в этом уверена?

— Она вполне может залезть на барную стойку и станцевать на ней, — добавляет Стеф.

— Можешь делать что пожелаешь, — говорит он, — до тех пор, пока это привлекает клиентов. — Он несколько секунд смотрит на нас обеих, пытаясь понять, что же все таки происходит, но не получив ответа, уходит.

— И да, — говорю я ей, — пожалуйста, никому об этом не рассказывай.

— Буду держать рот на замке, — говорит она. — Но, очевидно, Линдену я все же скажу.

— Нет! — хватаю ее за руку. — Только не ему! Не хочу, чтоб Брэм считал меня болтушкой.

— Ой, а не думаешь ли ты, что он прямо сейчас делает то же самое? Хвастается, что смог заарканить непробиваемую снежную королеву.

— Снежную королеву? — умно, но не весело.

— Ну ты знаешь, они называют так любую, которая не сдается на первом же свидании. Ты для них словно Белый кит.

— Огромный кит.

— Моби Дик, глупышка. Так или иначе, к тому времени, как я доберусь домой, гарантирую тебе, Линден уже будет знать все. И не от меня. — Она смотрит на меня. — И так забавно, что ты поделилась со мной. Это хорошо для меня. Имею в виду, я ж ведь не сдерживаю себя и рассказываю о том, что Линден вытворяет в постели.

— Я в курсе, — ворчу я. — Не надо мне еще одного рассказа о том, что вы, ребята, делали с блестящей анальной пробкой, которую купили в Castro.

Она пожимает плечами.

— Держу пари, Брэм совсем не прочь попробовать подобное. И когда он засунет член в твою киску и засунет пробку в задницу, гарантирую, ты сразу же позвонишь мне и все разболтаешь.

— Надеюсь, ты это не в прямом смысле, — сухо комментирую я.

Стеф еще недолго остается здесь. У нее на лице появляется тот взгляд, когда она навеселе и ей необходимо заняться сексом. Хотела бы я не знать этот взгляд, но я вижу его слишком часто, когда она думает о Линдене.

До окончания моей смены минут десять, когда я получаю смс от Брэма.

Ты еще на работе?

Не знаю почему, но от простой смс испытываю небольшую нервную дрожь. Чувствую себя так, словно я снова оказалась в средней школе.

Ага, вот вот закончу.

Я приеду за тобой. Не могу больше ждать. Весь день о тебе думал.

Теперь я ухмыляюсь от уха до уха. Я и забыла, как весело флиртовать с помощью смс.

Хорошо, если ты так хочешь.

Скоро увидимся.

Вскоре я выхожу в туман, плотнее кутаясь в свою куртку, и ко мне на своем Мерседесе подъезжает Брэм.

— Садись, красавица, — Опустив стекло, произносит он. Он выглядит таким элегантным в костюме, мне так и хочется ущипнуть себя, удостовериться, что он приехал сюда именно за мной.

Сажусь в машину.

— Брр, холодно, — говорю я, растирая руки.

Он наклоняется и включает печку.

— Знаешь, ты можешь подумать, что детство в вечно туманной Шотландии, где постоянно моросит дождь, подготовило меня к Сан-Франциско, но я не знаю, как вы с этим справляетесь. Здесь времена года вообще не имеют смысла.

— И не говори. — Отвечаю я, все еще чувствуя холод. То, что я надела юбку, совсем не помогает. Он кладет свою широкую, теплую ладонь мне на бедро и слегка сжимает.

— Ты холодна как лед, — замечает он. — Тебе надо было выпить пару стопок виски, пока ждала меня.

Я говорю, что ждала совсем не долго. Автомобиль движется по Ван Несс Авеню, и мы приближаемся к парку Золотые Ворота.

— Куда мы едем?

Он молчит. Я смотрю на него, вижу, как он усмехается в темноте, его рука скользит по

моим бедрам.

Я ерзаю, когда волосы на его руке начинают щекотать мою чувствительную кожу. И ничего не могу с собой поделать, мне хочется раздвинуть ноги и обеспечить ему более легкий доступ.

— Куда мы едем? — снова спрашиваю я, у меня перехватывает дыхание, когда его пальцы отодвигают мои трусики и прокладывают путь между складочками. Знаю, я уже намокла. Мое тело всегда мгновенно реагирует на этого мужчину. Даже то, как он говорит «трахаться» заводит меня.

— Собираюсь взять тебя в небольшую поездку, — говорит он. По хриплому тону его голоса я понимаю, что он имеет в виду.

Все это еще так ново для меня. Я стараюсь не комплексовать — плохи ли пахнет у меня изо рта после смены, одела ли я соответствующие лифчик и трусики, буду ли я хороша? Двигатель набирает обороты, вибрация проходит сквозь мое тело, я откидываюсь назад и закрываю глаза.

Я близка к тому, чтобы кончить — у него талантливые пальцы, а у моего тела нет никакого терпения, не с ним — но он паркуется на обочине дороги, проходящей через парк. В любых других обстоятельствах я бы подумала, что он привез меня сюда, чтобы убить. Или испугалась бы всяких отбросов и тайных обществ, которые появляются в парке после наступления темноты. Но я знаю, Брэм не причинит мне боль, и знаю, с ним я почти везде в безопасности. Он очень хорошо знает, как о себе позаботиться.

— Здесь немного жутковато, — говорю я. — Отличное место, чтобы спрятать тело.

— Отличное место, чтобы чпокнуть тело, — говорит он, заглушая машину и выключая фары, пока мы не оказываемся в полной темноте. Он поворачивается в кресле, отстегивает ремень безопасности. — Я не собираюсь рисковать после того, что случилось в ИКЕА. А теперь я переберусь на заднее сиденье, и ты тоже.

Я не делаю никаких попыток возразить. Он вылезает из машины и идет назад. Открывает дверь и садится, расстегивая при этом ремень и молнию. В тусклом свете соседнего фонаря я могу видеть, как он вытаскивает свой твердый член.

Боже. Он готов в любое время.

— Ты собираешься подойти и отсосать мне или как?

Вау. Ладно. Сначала в игру вступает его член, теперь грязный рот.

— Сейчас, — говорю я, стараясь заставить голос не дрожать. Несмотря на то, что это весело, я все же нервничаю. Чувствую себя так глупо играя роль сексуальной оторвы, но совершенно очевидно, что он хочет от меня именно этого.

Я открываю пассажирскую дверь, выхожу на улицу, а затем открываю заднюю дверь. Только собираюсь забраться внутрь, когда он говорит,

— Раздевайся.

— Что? — спрашиваю я, вглядываясь в него. Его глаза блестят от желания и контроля.

— Я сказал, раздевайся. Снимай все, сейчас же. А затем залезай в машину и возьми в рот мой член.

Я моргаю. Не могу точно сказать, играет он роль или нет, но он звучит темным и властным и совсем не похож на того довольного Брэма, который забрал меня из бара. Если честно, это заставляет меня нервничать

— Брэм, — говорю я.

— Делай, как я говорю.

Я вздыхаю, а затем начинаю снимать куртку.

— Медленно, — говорит он.

— Здесь холодно.

— Сделай это медленно, — выдает он. — И я обещаю быть медленным с тобой.

Ну, по крайней мере, меня ждет награда.

Медленно снимаю кожаную куртку, бросаю ее на пол машины. Затем майку, и остаюсь в лифчике.

— Великолепная грудь, — практически рычит он. — Теперь юбка.

Снимаю ботинки и носки, затем, стоя на обочине дороги, стягиваю юбку, пока не остаюсь лишь в лифчике и трусиках. Мимо нас никто не едет, но это не значит, что никого не будет и дальше. Воздух щиплет мою кожу, заставляя ее дрожать, трава под ногами прохладная и влажная. Я чувствую, как медленно оживаю.

Смотрю вниз. Лифчик и трусики вообще не подходят друг другу. Вы бы могли подумать, что мне стоило вспомнить главное правило, которому я следовала, когда была моложе — если спишь с парнем, убедись, что твое нижнее белье всегда сочетается друг с другом. Всегда носи с собой мятную жвачку, не пользуйся слишком липким блеском для губ и убедись, что каждый дюйм твоей кожи в порядке, потому что, даже если ты думаешь, что сегодня тебе не повезет, все, как правило, оказывается совсем наоборот.

— Ты словно чертова богиня, ты это знаешь? — говорит он. У него такой глубокий и низкий голос, он мог бы прямо сейчас приказать мне пройти вниз по улице и я бы послушалась. — Сними лифчик.

Я тянусь назад и делаю, как он сказал, моя грудь теперь свободна и ощущается такой тяжелой из-за этой жажды и нужды. Ветерок проходится по ней, заставляя соски затвердеть еще больше. Словно сама природа помогает ему возбуждать меня.

— Теперь трусики, — говорит он.

Я стягиваю их по ногам, извиваясь бедрами, будто действительно наслаждаюсь этим. Я начинаю думать, что у моего тела есть собственный разум, и он постоянно хочет член Брэма.

— О, да, — шепчет он. — Вот это моя девочка. Теперь иди в машину. Медленно.

Самое время, потому что я вижу пару фар, спускающихся по дороге. Я наклоняюсь, прикрывая грудь, пока автомобиль не проезжает мимо, и обмениваюсь робким взглядом с Брэмом.

— Они проехали. Давай сюда свою чудесную попку.

Я залезаю в машину, сиденья такие теплые, и закрываю дверь. Заднее сиденье его машины маловато, и большую часть занимает он. Вообще-то его член. Я могу видеть, как на кончике блестят капли эякулянта и по какой-то причине мой рот наполняется слюной.

Он потирает большим пальцем головку, пока та не начинает блестеть, а затем отклоняется назад, держа член у основания.

— Просто оближи, — командует он. — Языком. От начала до конца. Медленно. Как черепаха.

Я устраиваюсь настолько комфортно, насколько это возможно, учитывая, что я голая и на заднем сиденье, отлично осознавая, что хоть мы и в полумраке, мой шрам, целлюлит и прочие недостатки видны, и опускаю голову вниз. Провожу языком по его основанию, там, где лежит рука, а затем прохожусь вверх по всей длине. Чувствую каждый импульс, каждую вену, каждую неровность. Он такой горячий на ощупь, а на вкус такой чистый, словно мыло. Когда я дохожу до головки, мне в рот попадает соль от эякулянта, и я понимаю, что мне

нравится этот вкус. Я даже не понимаю, как реагирую, пока не ловлю себя на том, что постанываю.

— Тебе это нравится, солнышко? Нравится вкус моей спермы?

Я киваю и снова облизываю его, двигаясь вниз.

Теперь стонет он, толкаясь членом ближе к моему языку.

— Ты знаешь, что говорят, чем вреднее, тем вкуснее.

Я лукаво смотрю на него, прерываясь лишь для того, чтобы сказать:

— И я знаю, ты для меня очень вреден.

— Очень, да, но и очень хорош.

Я полностью облизываю его.

— Теперь обхвати губами кончик под головкой и просто соси. Медленно, — делаю, как он сказал, его рука движется к моим волосам, жестко сжимая, слегка наклоняя голову. — Не бойся смотреть на меня, пока это делаешь.

Дерьмо. Зрительный контакт никогда не давался мне хорошо, особенно во время секса, но если это его заводит, что ж, тогда я хочу видеть его лицо. Я похотливо смотрю на него, и он отвечает мне тем же. Его взгляд такой интенсивный, такой первобытный и пожирающий.

В конце концов, он прерывает гляделки, закрывает глаза и опирается головой на спинку сиденья.

— Бл*дь, ты так чертовски хороша.

Я останавливаюсь, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Хочешь, чтобы я продолжила?

Тяжело дыша, он качает головой.

— Нет, — хрипло говорит он. — Хочу, чтоб ты повернулась и встала на четвереньки. Чтоб твоя задница смотрела мне в лицо.

Ох, ну ладно. Я сомневаюсь, но он поднимает подбородок и смотрит на меня, его глаза горят таким желанием, что я намокаю еще больше. Лишь взгляд, лишь пара слов и я вся его.

— Так чертовски совершенна, — говорит он. Его голос гортанный, я практически чувствую его вибрации. Я просто клубок нервов и соблазна, когда чувствую, как он двигается позади меня и кладет руки на мои половинки. — Такая охрененно спелая.

— Ой! — вскрикиваю я. Он что, только что укусил мою задницу?

— Прости, — говорит он, только вот не слышно, что ему жаль. — Еле сдерживаюсь, чтобы не съесть тебя целиком. Но больше я ждать не в силах.

Он начинает массировать мою кожу, когда я чувствую его теплый, влажный язык скользкий вниз вверх по моей щелочке. Я дрожу, желая, чтобы он двинулся ниже.

Вместо этого, он разводит мои половинки, и я вздрагиваю, к такому я не готова.

— Расслабься, — бормочет он. — Все хорошо.

У него, может и да. Но я не могу расслабиться, не тогда, когда чувствую, как его мокрый палец скользит вниз к моей щелочке, исследуя то место, которое никогда не должно быть исследовано.

— Расслабься, Никола, — снова говорит он. — Доверься мне.

Я сглатываю, не уверена, что достаточно храбрая для таких игр, несмотря на то, что он все время твердит об этом. Но потом его пальцы опускаются ниже, к моими складочками, поглаживая их.

— Такая охрененно мокрая, — говорит он, слегка поддразнив клитор перед тем, как погрузить в меня пальцы. — Такая чертовски готовая.

Я слышу, как он двигается, затем звук разорванной упаковки презерватива. Набухшая головка члена скользит вверх вниз по моей попе. Он быстро толкается в неправильно место, но до того, как я успеваю что-то сказать, движется ниже, и я слышу его изумленное ворчание. Он проверял меня.

Его руки возвращаются к моим бедрам, и он двигает меня на дюйм вперед, а затем обратно. Проталкивает в меня кончик члена и кладет ладонь мне на лопатки, моя попа взлетает еще выше, угол проникновения еще лучше.

Погружаясь, Брэм испускает животный стон, и я реагирую так же. В такой позе он заставляет меня чувствовать себя такой удивительно полной, я чувствую, как растягиваюсь вокруг его длины, наслаждаясь каждой секундой его внутри меня.

Он медленно скользит наружу, затем толкается обратно, удерживая меня на месте, пока я не начинаю скользить по сиденью. Тогда мои руки оказываются на двери, лицо прижато к затуманенному стеклу, и он снова и снова врезается в меня.

Одна рука находит мой клитор, сильно и грубо потирая его, что сводит меня с ума, а другая возвращается к моей попе.

Он проводит по расщелине между половинками, затем большим пальцем надавливает на мою дырочку и медленно толкается внутрь.

Я чуть не замираю от такого вторжения, но автоматически сжимаюсь вокруг него. Это, безусловно, грязно, безусловно, чувствуется запретным, но мое тело настолько возбуждено, что это движение лишь усугубляет ситуацию. Чем больше он проталкивает свой большой палец, пока его жесткий член таранит меня, тем более дикой и свободной я себя чувствую.

Наконец-то я могу оторваться, быть чем угодно, кем угодно. Я хочу стать животным. Он сделал это со мной.

Я громко стону. Мне хочется зарычать. Хочется потребовать, чтоб он трахнул меня еще жестче.

— Тебе нравится, не так ли? — рычит он. — Это делает тебя еще более влажной, и ты такая дьявольски тугая. — Он проталкивает палец до конца, и я задыхаюсь. Это и неправильно и правильно одновременно, и так адски горячо.

— Ты течешь вокруг моего петуха, детка, — бормочет он, издавая глубоко внутри какой-то примитивный звук. — Ты готова кончить.

И после этого его палец одним гладким движением нажимает на точку внутри меня, и я могу почувствовать, насколько я влажная. Каждый дюйм моего тела ощущается таким полным, и я кончаю. Громко.

Оргазм пронесется сквозь меня, и я знаю, что пытаюсь держаться за дверь автомобиля. Чувствую, что меня отбросило куда-то очень далеко, туда, где звучит музыка и сияют звезды, кожу разъедает от жгучей потребности. Мне кажется я превратилась в ничто, есть только сияющий свет, но Брэм все еще продолжает, обрабатывает меня, даже когда мои мышцы сжимаются вокруг него.

— Я слишком чувствительна, — пытаюсь сказать ему я, и пытаюсь дышать, но он не останавливается. У меня такое чувство, что теперь им движет лишь чистый инстинкт, он хочет трахать и трахать, чтобы кончить.

И как-то, не знаю как, но моя чувствительность растворяется, и хотя я до сих пор припухшая и наполненная, я снова кончаю.

На этот раз Брэм тоже кончает. Это кажется таким отчаянным, нереальным, то, с чем мы не в силах совладать. Его звуки, эти великолепные, безумные звуки наполняют машину, и

я спускаюсь с небес — я там еще никогда не была — он прижимает мою потную спину к своей груди. Целует мою спину, пытаюсь отдышаться.

— Черт, — ругается он, пытаюсь прочистить горло. — Это было невероятно.

— Мне можешь не рассказывать, — говорю я, пытаюсь выровнять дыхание. Отрываюсь от двери машины и прислоняюсь к сиденью. — Я никогда еще не кончала вот так два раза подряд.

— Тогда в следующий раз нам надо сделать это трижды, — говорит он, улыбаясь напротив моей кожи. Он оборачивает руку вокруг моей талии, а затем медленно выходит. Без него я автоматически чувствую себя пустой.

Мы садимся рядом друг с другом на заднее сиденье, воздух наполнен горячим, мускусным ароматом нашего секса. Я совершенно голая и насквозь промокшая Он выглядит привлекательным и растрепанным.

— Дай мне знать, когда захочешь еще покататься, — говорит он мне, открывая дверь.

— Смогу ли я когда-нибудь. — Я быстро натягиваю одежду, и он везет нас к дому, больше никаких остановок.

Когда мы, наконец, добираемся до дома, то забегаем в его квартиру для быстрого секса. Знаю, знаю. У нас только что был умопомрачительный секс, и нам должно было хватить. Но что я могу сказать, мы чертовски жадные. И это плохо, меня ведь ждет Лиза, но я ничего не могу с собой поделать. Даже когда мы выходили из машины и поднимались по лестнице, его руки были повсюду на мне, и хотя секс в машине был страстным — и открыл мне много нового — комфорт в кровати нельзя променять ни на что.

Кроме того, знаете, этот мужчина делает меня чертовски ненасытной. Когда я была с Филом, я редко чувствовала себя такой. Даже когда мы впервые встретились, все было под контролем, и давайте смотреть правде в глаза, мое влечение к Филу никогда не было чрезмерным. Он был милым, пусть и худым, но думаю, меня в нем больше, чем все остальное, привлекло его равнодушие и мозги. И он не заставлял меня чувствовать себя единственной женщиной на земле. Если тогда я чуть прибавляла в весе — а в то время я была безумно тощей — он обязательно указывал мне на это, и это еще несколько дней выводило меня из себя.

Так что секс с Филом был приемлемым — имею в виду, у нас же получилась Ава — но нет, это был не тот секс, от которого плавятся кости, кончаешь всю ночь, нет. Не так, как с Брэмом. Интересно, а секс вообще должен быть таким, или мне просто повезло с Брэмом? Думаю, последнее.

Наконец, полагаю, настало время возвращаться к себе. Брэм говорит, что освежится и придет ко мне, как только уйдет Лиза, и я буду готова ко сну.

— Прости, я опоздала, — говорю я Лизе шагая внутрь. — Пропустила автобус.

Она выглядит слегка сердитой, но говорит.

— Все нормально. — Встает с дивана. — Ава ангельски вела себя, как всегда. Ее показатели тоже в норме.

— Здорово, спасибо.

Она проходит мимо меня к двери, но останавливается и проницательно смотрит на меня.

— Ты выглядишь иначе.

— Правда? — спрашиваю я. После нашего приключения в машине я проверила волосы и макияж, и посмотрела в зеркало после секса в квартире, так что не думаю, что выгляжу так,

словно у меня только что был секс или я сделала что-то неправильно.

— Ты покраснелась, — отмечает она.

— Должно быть потому что шла от автобусной остановки, — говорю я, желая добавить, что на улице очень холодно, но не хочу, чтоб она начала что-то подозревать. Это не значит, что я пытаюсь держать нас в секрете, просто я еще не знаю, что *мы* вообще такое. Да и вообще роман с домовладельцем выглядит не очень то подобающе.

Она открывает дверь, а потом кивает на квартиру Брэма.

— Знаешь, у твоего соседа был довольно громкий секс.

Я почти перестаю дышать.

— О, да?

Она серьезно кивает.

— Да. Не знаю, как ты спишь в таком шуме. Надо признать, он сделал отличное шоу. И женщина, с которой он был.

Я чувствую, как горят мои щеки.

— Спокойной ночи, Лиза. Еще раз спасибо.

Понятия не имею, подозревает ли она обо мне и Брэме, но знаю, что в какой-то момент она легко сложит два плюс два. Я мысленно делаю пометку, что только потому, что мы в квартире Брэма, не значит, что я могу кричать его имя так громко, как захочу. В следующий раз надо попросить его вставить мне кляп. Неожиданно одна эта мысль заводит меня.

Но когда позже Брэм приходит в мою спальню, я так устала, как, кажется, и он. Он не побуждает меня к сексу, а просто оборачивает свои сильные руки вокруг меня и прижимает к себе. Так мило. Так приятно просто быть в его руках, просто быть желанной.

— Тебе удобно? — шепчет он мне на ухо.

— Очень, — отвечаю я. Я привыкла, что Ава ползает по мне или просто спит на мне как мешок с картошкой. Но это, да, очень приятно.

— Хорошо, — говорит он. — Потому что я не планирую тебя отпускать.

— Понятия не имела, что ты такой любитель обнимашек, мистер МакГрегор.

— О, вероятно есть несколько вещей, которые ты обо мне не знаешь, милая, — шепчет он. — Но со временем ты все узнаешь. — Он целует мочку уха. — К тому же мне трудно не обнимать тебя. Боюсь, если я хоть на минуту отпущу тебя, ты ускользнешь сквозь пальцы. И что со мной будет?

— Будешь дрочить?

— Ага, — говорит он. — Но не вечно же.

— В самом деле? А я пыталась.

— Тебе действительно нужно как-нибудь показать мне свою коллекцию фаллоимитаторов.

— Только если ты обещаешь вести себя с ними хорошо.

— Никола, — с притворным негодованием говорит он. — Не могу поверить, что ты думаешь, я способен подвергнуть опасности твою коллекцию девственной красоты.

Я хихикаю.

— Заткнись. Кто знал, что ты не такой придурок?

— Не многие, так что, пожалуйста, давай оставим это между нами и я никому не расскажу о твоей коллекции дилдо.

— Это всего лишь парочка игрушек, — говорю я, игриво хлопывая его по руке и откидываясь назад. Ощущения такие приятные, так хорошо просто быть в его руках. — К

тому же, думаю все, кого я знаю, подозревают об этом. Стеф говорит, люди думают обо мне, как о ледяной королеве. А ледяные королевы не занимаются сексом.

— Ммм, это ведь не правда. Они определенно делают это. Только на своих собственных условиях. Это было на твоих условиях, Никола, и ты это знаешь. Может мне стоит поблагодарить тебя за то, что пустила к себе между ножек. Или поздравить себя за то, что говорил правильные слова, хотя будь я проклят, не знаю, что это именно за слова.

— Я просто скажу, что бы ты ни делал....

— Потому что ты, — перебивает он. — Раз за разом...

— ... продолжай делать это же.

— Учитывая сегодняшний вечер?

Теперь я чувствую небольшую вину.

— Вообще-то я слегка устала.

— И я, — говорит он, приминяя подушку. — Но это не значит, что я не разбужу тебя в середине ночи тем единственным способом, который знаю.

Я улыбаюсь этим словам, и на душе становится так спокойно. Вот этот момент, такой простой, такой совершенный. Идеальный. У меня есть дочь в ее собственной комнате, хорошо реагирующая на инсулин и уколы, справляясь со всем этим как солдат. У меня есть прекрасная квартира, больше, чем просто крыша над головой. У меня есть возможность действительно направить свою жизнь в нужное русло, начать все сначала и добиться чего я хочу. А теперь у меня есть Брэм, этот удивительный брутальный мужчина, который удивляет меня и заставляет мое тело петь.

Я цепляюсь за эту последнюю мысль. Потому что то, насколько он близок ко мне сейчас, то как его руки держат меня, даря мне спокойствие и тепло пока прохладный ночной ветерок дует через приоткрытое окно, то, каким он был ранее вечером, это так ново. Я на самом деле не знаю, что принесем нам будущее. Я даже не знаю кто мы сейчас. Он сказал, что не будет встречаться или трахаться с другими, и я в это верю, я бы сама даже думать не стала о подобном.

Но что это значит? Мы действительно в отношениях? Для него приемлемы отношения типа парень-девушка, или я просто постоянный секс-партнер? Хочу сказать, я не против простой интрижки, особенно если я у него единственная. Но правда в том, чертовски страшная правда состоит в том, что я влюбляюсь в него. Это не любовь, я знаю, что это не она. Она не бьет меня по голове, не крадет мое сердце.

Но он крадет мои мысли. Он приучает мое тело хотеть его, и только его, причем постоянно. Он заставляет мое сердце биться быстрее, когда он рядом, заставляет меня по-идиотски улыбаться, когда я просто слышу его имя. Он заставляет меня с нетерпением ждать каждый новый день, потому что я знаю, в нем будет он. И когда я представляю себе день без его красивого личика, в моей груди появляется странное ощущение, сердце будто лишается чего-то.

Хотя нет, сюда нельзя привлекать мое сердце, слишком рискованно, слишком рано. Не хочу, чтобы любовь врывалась в мою жизнь и переворачивала все с ног на голову, не сейчас, когда все начинает идти как надо. По моему опыту, любовь это разрушительная сила, она разрывает сердца в клочья и заставляет людей собирать осколки. Даже самые лучшие любовные истории это жестокие сказки.

Я задаюсь вопросом, а был ли Брэм когда-нибудь влюблен? Проходил ли он через это все, терял ли свое сердце? Был ли он достаточно серьезен для того, чтобы разделить с кем-то

жизнь, двигаться вместе, был ли у него кто-то подобный? Интересно, шел ли он когда-то по этой дороге, знает ли он что это такое?

— Ты когда-нибудь был влюблен? — спрашиваю я, мой голос такой далекий, словно во сне. Не могу поверить, что на самом деле сказала такое вслух, но что поделать. Если мой мозг не отключается, в конечном счете, вот такие вещи легко покидают мой рот.

Чувствую, как он вздрагивает рядом со мной, так что нет никакой надежды, что он спал. Иногда я понятия не имею, как долго теряюсь в собственных мыслях. Секунды? Минуты? Я наклоняю голову, чтобы в темноте увидеть его острый взгляд.

— Не волнуйся, — продолжаю я. — Я не люблю тебя, — заверяю я его.

— О, — говорит он, прочищая горло. — Очень плохо. — Сглатывает, перекатывается на спину и смотрит в потолок. — Да. Я был влюблен. Один раз. Все было очень печально, но... я был молод. Дерьмо случается. Я запаниковал и облажался. Крупно облажался. Я был просто таким долбаным идиотом. Настоящий гребаный стыд, понимаешь? Полагаю, любовь это то, думая о чем, ты чувствуешь себя хорошо. Вот что такое любовь, правда ведь? Хорошая вещь? Но оглядываясь назад, на то, что произошло, я не могу не почувствовать ничего кроме стыда. — Его грудь поднимается и опускается от того, насколько глубоко он дышит. — Я бы ни на что не променял шанс все исправить...сделать все правильно. Но нам редко дается второй шанс, так ведь?

Я знаю, меня это не должно беспокоить, но то, как он говорит о той женщине, заставляет мое сердце сжаться. Неожиданно стало так холодно

— Как ее зовут? — спрашиваю я.

Он мгновение колеблется, а затем говорит.

— Тейлор.

Получается, Тейлор сильно на него повлияла. Я надеюсь, кем бы мы с ним ни были — или будем — у меня получится стереть ее из его мыслей.

— Милое имя, — говорю я, при этом чувствуя себя глупо.

— Она была милой девочкой, — говорит он. — Но все это в прошлом, пусть там и останется. А как насчет тебя? Отец твоего ребенка?

Я какое-то время жую губу.

— Была ли я влюблена в Фила? Знаешь что? Я не знаю. Видимо да. А может, это был просто увлечение? Упрямство? Я решила, что люблю его, и все. Такое возможно? Во всяком случае, чтобы там не было между нами, это разрушило меня, так что, возможно, это была любовь или просто неудача. Я не знаю.

— Может это была любовь, а может просто неудача, — медленно повторяет он. — Мне это нравится. Для меня в этом есть смысл. Потому что иногда ты не понимаешь, что это, ты знаешь, что это исчезло, и знаешь, как чувствуешь себя из-за этого.

— Да, — говорю я, тяжело дыша, вспомнив, как ужасно я чувствовала себя после того, как ушел Фил. Как мне было страшно. Теперь же я не могу сказать, мое сердце разрывалось от того, что я потеряла любовь или именно из-за того, что ушел Фил.

— Полагаю, ты в курсе.

— Это правда, — говорит он. Его руки сжимаются вокруг меня. — А почему ты вообще философствуешь в темноте, а? Тебя надо отшлепать, чтоб настроить на нужный лад?

Я хихикаю и, когда он пытается поцеловать меня, отталкиваю его голову от моей шеи.

— Нет, я в порядке.

— Ты не в порядке и ты будешь наказана.

Он неожиданно переворачивает меня и оказывается сверху, его рука шлепает меня по бедру, а рот атакует мою шею и плечи. Не могу удержаться от смеха, когда он поцелуями заставляет все мои заботы улетучиться.

Глава 16

НИКОЛА

Три недели пролетели как одно мгновение. Три славные, прекрасные недели. У меня стало больше смен на работе, на эти дополнительные деньги я купила швейную машинку и ткань. Погода становится теплее и Ава все одержимее и одержимее жуками (спасибо тебе Приключения Флика). Но по большей части, прошедшие три недели это сплошной голый, туманный, потный секс марафон.

Брэм ненасытен, и чем больше он занимается со мной сексом, тем более ненасытной становлюсь и я. Каждый раз, когда мы одни, когда он внутри меня — его член, язык, пальцы — я начинаю чувствовать себя сексуальной богиней. Именно так он и продолжает меня называть. Это заставляет меня задаться вопросом, как я вообще так долго без этого жила. Теперь я понимаю, почему секс для людей так чертовски важен — он дает нам жизнь, заставляет чувствовать себя живыми.

И он приносит нам связь. Это не просто трах или перепих. Не только оргазмы и исследование тел друг друга. Мы исследуем наши души. Я знаю, банально так думать, но это правда. Чем чаще я сплю с Брэмом, тем больше мы разговариваем, а чаще всего нам даже не надо разговаривать. Мы просто чувствуем друг друга, на каком-то другом уровне, эта близость адски пугает, но так увлекает.

Естественно, я не знаю, чувствует ли он то же, что и я. Будто я влюбляюсь. Шаг за шагом. Я чувствую, будто понимаю его на том уровне, на котором я вообще не думала, такое возможно. Но, по крайней мере, иногда я вижу, как он смотрит на меня. Будто думает, что я волшебство.

Я продолжаю возвращаться к тому, что сказала мама, никогда не отпускай это, если найдешь. Не дай Бог кому-то попытаться разрушить то, что у нас есть, или что может быть. У меня нет никакого намерения это отпускать.

Единственной небольшой проблемой за эти недели является то, что пока я занята на работе, Брэм занят на встречах с городом, организациями и инвесторами. Это отлично, его идея получила одобрение, но это значит, что мы не видим друг друга так часто, как привыкли. Как правило, у нас есть лишь ночи. Видимо поэтому мы проводим их, занимаясь сексом, пытаюсь насытиться друг другом.

Сегодня понедельник, мне не надо на работу. Брэм вечером тоже свободен. Он приносит нам тайскую еду на вынос. Несмотря на то, что пицца на вынос для Авы самое худшее, он старается изо всех сил и убеждается, что у нее будет пропаренный рис и овощи без добавок и даже капли соевого соуса. Только чтоб она не чувствовала себя обделенной.

Мы втроем сидим за моим кухонным столом и я машу ладонью в открытый рот, думаю в кусочке моего Пад Тая было слишком много чили. Брэм развлекается, наблюдая за мной, возможно даже больше, чем обычно.

— К сожалению, у меня язык не из стали, — говорю я ему, делая глоток вина, пытаюсь охладить ожог.

Он усмехается.

— Он острый даже для меня. — Он смотрит на Аву, потом снова на меня. — Девочки, а хотите услышать кое-что веселое?

— Да! — с энтузиазмом говорит Ава.

Так как он обращается к нам обеим, значит это ни что-то извращенное. Я заинтригована.

— Что? — спрашиваю я, положив палочки для еды.

Теперь он ухмыляется, будто уже рассказал шутку и теперь смеется над ней.

— Брэм, — напоминаю я, — Что смешного?

— Ладно, ладно, — говорит он, кусая губы. Он так чертовски красив, что порой я забываю собственное имя. Он продолжает, — Как насчет того, чтобы нам всем вместе отправиться в маленькое приключение?

— Мы собираемся в IKEA? — спрашивает Ава.

— Мы никогда больше не поедem в IKEA, — говорю я ей. — Теперь в нашем доме это запретное слово.

Она немного дуетса, но выжидательно смотрит на Брэма.

— Мы определенно не собираемся туда, — говорит он. — Но мы поедem туда, куда Ава, вероятно, мечтает поехать. Я должен предупредить тебя, малышка, ты должна быть храброй.

Ее глаза округляются, но она кивает, она очень серьезна.

— Я могу быть храброй. Мне делают ваву. Я храбрая.

Он наклоняется ближе к ней и шепчет.

— Там есть гигантские жуки.

— Жуки! — кричит она. — О, я так хочу увидеть гигантских жуков.

Ладно, я понятия не имею, о чем он говорит, но я уж точно не хочу видеть *никаких* гигантских жуков.

— Мы собираемся в поход? — спрашиваю я, стараясь не дрожать.

— Нет, — говорит он. — И до того, как скажешь что-то еще, знай на ближайшие четыре дня я взял для тебя отгулы на работе.

— Ты сделал *что*?

— Не переживай, — он пытается меня успокоить. — Я уже разговаривал с Джеймсом, это не проблема.

— Да, но это ведь я теряю деньги.

— Я сказал, не волнуйся. — Он протягивает руку и кладет ее на мою, слегка сжимая. — Пожалуйста. Ты заслужила эту поездку. Вы обе.

— Не уверена, что кто-то заслуживает поездку в страну гигантских жуков.

— Даже если она находится в... — драматическая пауза, — Диснейленде?

О мой Бог. Неужели он посмел сказать слово *Диснейленд* при Аве? Это словно вызвать духов в Битлджус (прим. пер. мистический фильм ужасов режиссёра Тима Бёртона 1988 г.), за исключением того, что вместо появления Майкла Китона, Ава превращается в ребёнка ракету, словно ее подпитывает миллион тонн сахара.

— Диснейленд! — вопит она. Так пронзительно. — Диснейленд!

Я смотрю на Брэма, который явно наслаждается происходящим.

— Пожалуйста, скажи, что ты серьезно, потому что, если ты не отвезешь ее в Диснейленд...

— Я абсолютно серьезен. И рад, что ты не против.

— Ну, конечно же, нет. Кому не хочется поехать в Диснейленд?

Он пожимает плечами.

— Уверен, большинству взрослых. Разве ты не видела выступления Луи Секея (прим. пер. американский стендап-комик, сценарист, продюсер и режиссёр, обладатель премий «Эмми» и «Грэмми»)? Лично я думаю, что эти взрослые совсем не веселятся, но должен сказать, милая, рад, что ты не одна из них. — Он смотрит на Аву, которая практически подпрыгивает на месте. — И я не могу представить лучшего места, где Ава могла бы повеселиться.

Я стараюсь вернуться к еде, но не могу. Я настолько поражена. У меня голова кружится. Может, я так же взволнована, как и дочь. Позже, когда Ава играет в своей комнате, а мы на кухне разбираемся с посудой, я поворачиваюсь к нему, хватаю его за запястья и притягиваю ближе.

— Ты не обязан был это делать, — говорю я ему, во мне просыпается чувство вины.

— Я знаю, что я ничего не обязан делать. — Он целует меня в лоб. — Я хочу этого. Не могу дождаться, когда увижу, как ты ведешь себя словно ребенок.

И я не могу дождаться, когда окажусь там с ним.

— Как ты узнал, что я всегда хотела поехать в Диснейленд с кем-то, кого я... с кем я вместе? — Блин, чуть не сказала лишнего. Я тут же продолжаю. — Последний раз я была там, наверное, лет в восемнадцать, с подругой, и куда ни посмотри, везде были парочки. Я всегда хотела быть одной из этих раздражающих парочек.

— Мы можем стать там самой раздражающей парочкой, — бормочет он, легко целуя меня в губу. — Но, возможно, нам сначала стоит попрактиковаться.

Я тону в его поцелуе, позволяя ему наполнить меня, чувствуя потребность в нем. Я практически забыла, что он когда-то был придурком. Отрываюсь от него, кладу руку ему на грудь, чувствуя его твердые мышцы.

— Спасибо, — мягко говорю я. — Ава всегда хотела поехать туда... А я никогда не могла себе этого позволить.

Он кивает. Он знает.

— Хорошая новость в том, что ожидая, она еще долго будет помнить об этом и наслаждаться.

— Так что, когда выезжаем?

— Завтра утром, — говорит он. — С утра пораньше. Так что отправляй свою задницу паковать вещи. — Он кладет широкую ладонь на мою попу и сжимает. — Или я заберу ее с собой и отшлепаю.

Я ухмыляюсь.

— Может быть, я могу получить и то и другое?

Он подхватывает меня под попу и поднимает вверх, пока мои ноги не оборачиваются вокруг него. А потом несет меня в спальню, и мы запираем дверь, надеясь что у нас есть, по крайней мере, пара минут, чтоб насладиться друг другом.

Когда Брэм говорит рано, для нас это ни свет ни заря. Он стучит в мою дверь где-то в 6:30. Ава в ванной чистит зубы новой пастой со вкусом жвачки, мне потребовалось минут десять, чтобы разбудить ее. Она очнулась, лишь когда я произнесла слово Диснейленд. Хотя

я не могу ее за это винить. Помните эти старые ролики «Диснейленд с детьми», которые вскакивают посреди ночи с криком «Я слишком взволнован, чтобы спать!» Ну вот, если в двух словах, и у нас прошлой ночью было так же. Никакого сна.

Я запроляю за уши влажные от душа волосы и открываю дверь, ожидая увидеть Брэма.

У меня падает челюсть.

Это Брэм, да, одетый в джинсы, ботинки и простую футболку, а в ногах у него лежит спортивная элегантная кожаная сумка. Но то, что он держит в руках, от этого я практически впадаю в экстаз.

Хорошо, я в экстазе.

— Это для Авы? — еле дыша, спрашиваю я.

Он с гордостью кивает, может даже слегка застенчиво. У него в руках платье принцессы детского размера. Розовое платье Спящей красавицы, в которое Аврора одета в конце фильма. К нему прилагается корона с вуалью. Думаю, я могу умереть вот прямо здесь на месте.

— Надеюсь, оно подойдет ей по размеру, — говорит он. — Трудновато найти подобное в магазинах Диснея.

— Не могу поверить, что ты это сделал, — говорю я, мое сердце бешено стучит. — Это самая милая, самая прелестная вещь, которую кто-то когда-то для нее делал.

— Ну, — говорит он, потирая рукой подбородок. — Я сделал это и для нее и для тебя.

Я тяжело сглатываю, удивляясь жжению в глазах. Я не лгу, я настолько близка к тому, чтобы разреваться. Безумие, как такой простой и нелепо романтический жест тронул. Никто никогда бы не подумал обо мне как о девушке, способной на подобное.

По щеке скатывается слеза.

— О, милая, — бормочет Брэм, заходя в квартиру и обнимая меня. — Не плачь. Это пустяки. Я просто подумал, что она захочет поехать туда одетая как принцесса.

— Но ты вспомнил Спящую красавицу и веретено и иглу, и это тааааак мило. — Всхлипываю я, бестолково причитая и плача в его руках.

Он кладет руку мне на затылок и держит меня.

— Что ж, рад, что тебе понравилось. — Я знаю, он говорит об этом небрежно, но опять же, как он может понять, что это для меня значит? Столько лет никто не делал ничего подобного, никто не заботился о нас с Авой. И тут я понимаю, насколько я устала, насколько перестала уделять себе внимание. Так чертовски хорошо ощущать, что о нас есть кому позаботится.

В этот самый момент из ванны выходит Ава. Она медленно подходит к нам, голова наклонена в сторону. Указывает на платье.

— Что это? — спрашивает она, глаза загораются надеждой.

Брэм приседает на корточки.

— Кто твоя любимая принцесса?

— Аврора, — бойко отвечает она. — Она уколола пальчик веретеном, я тоже так делаю.

— Потому что ты принцесса, — говорит он, показывая ей платье, мерцающий водопад пурпурного, розового и золотого. — И это твое платье принцессы.

Ее рот открывается в форме «О», глаза расширяются.

— Что? — она смотрит на меня, практически умоляя, чтоб это оказалось правдой. Я вытираю слезу и киваю.

— Это все для тебя, ангелочек.

Она осторожно берет платье из рук Брэма и рассматривает его.

— Должно быть, оно сделано из сахарной ваты, — размышляет она, ослепленная красотой в ее руках.

— Ты можешь пойти примерить его или тебе нужна помощь? — спрашиваю я, отлично зная, что она не нуждается в моей помощи.

— Я сама! — и убегает к себе в спальню.

— Скажи спасибо Брэму, — кричу я ей вслед.

— Спасибо, Брэм! — доносится из ее комнаты.

Полчаса спустя мы втроем — с Авой, одетой как принцесса — сидим в машине Брэма и держим путь по 101. Нам повезло, что пробка на противоположной стороне. Мы все не можем перестать улыбаться. День полон обещаний, это практически заставляет меня почувствовать головокружение.

Спустя шесть часов, после бесчисленных остановок на походы в туалет, перерывов и никогда не заканчивающееся «Мы еще не приехали?», мы съезжаем с автомагистрали на Кателла авеню. Для Авы это первое посещение Диснейленда. Я указываю на бобслей Маттерхорна и Космические горки, Монорельсовую дорогу, Колесо обозрения и горки Кричащая Калифорния. Она выглядит безусловно напуганной этими аттракционами, но я заверяю ее, что большинство из них ей понравится. И она начинает танцевать в своем кресле.

Брэм не пожалел денег и забронировал для нас съют в Disney's Grand Californian Hotel & Spa, расположенном прямо в Диснеевском парке калифорнийских приключений. Когда я была маленькой, парка еще даже не существовало, так что для меня, так же как и для Авы, было весело войти внутрь отеля и впервые все увидеть. И давайте посмотрим правде в глаза, даже если бы, когда я была младше, парк был бы уже построен, не было никакого способа, чтоб мы могли позволить себе побывать в подобном месте. То же касается и отеля. Что тогда, что сейчас, проживание очень дорогое, а когда я была маленькой, мои родители верили, что на гостиницу надо тратить как можно меньше денег. Кого волнует, спите вы в мотеле, или нет, если вы все равно весь день проводите в парке.

Но Брэму это важно, и значит важно и мне. Кровати застелены, свежие и удобные, номера оформлены со вкусом в стиле какого-то грандиозного домика рядом с Йосемити (прим. пер. национальный парк, расположенный в округах Марипоса и Туоломни штата Калифорния, США.) или Маммот Лейкс (прим. пер. живописный горный курорт в восточной части Сьерра-Невады, расположившийся в кальдере (гигантском кратере вулкана) Лонг-Велли) и сквозь желтые сосны и гору в форме медведя нам открывается вид на пороги реки Гризли.

Я достаточно сильно измучена, шестичасовая дорога вымотала меня, но Ава поспала во время дороги и теперь прыгает по комнате так, словно сошла с ума.

— Уставшим не найти покоя, — говорю я Брэму, мне жаль его, ведь он все это время был за рулем.

— Не знаю, заметила ли ты, милая, но у меня хватит выносливости на несколько дней.

Это точно. Я иду и собираю пакет для Авы с правильными закусками, водой, набором инсулина, шляпой, запасной парой обуви и, конечно же, солнцезащитным кремом. А потом мы идем наслаждаться парком.

Из-за того, что мы устали, мы планируем провести день в Диснеевском парке калифорнийских приключений. Ава не знает разницы между двумя парками, плюс ко всему

она добралась до Страны Жуков и несколько часов сходит там с ума.

Пока она занята, мы с Брэмом держимся за руки и наблюдаем, как она играет в разных зонах, притворяясь жуком, носясь под струями водных фонтанов. Когда приходит время закругляться, она хватается меня за руку и тащит к карусели в виде китайских коробочек с едой на вынос, которые крутятся по кругу. Хотя это и не поездка моей мечты, она получает от этого массу удовольствия. Будь моя воля, мы, конечно же, отправились бы на Кричащую Калифорнию и в Башню Ужаса, но мне доставляет гораздо больше удовольствия видеть все глазами моей маленькой девочки.

Мы с Брэмом заканчиваем день поездкой на грузовичке Мэтр из мультика Тачки, до этого я успеваю перехватить вино и пиво (потом, задним числом, я понимаю, что это не самая лучшая идея после напитка). Мы с Брэмом по очереди катаемся с Авой, которая вопит как резаная, но получает от этого массу удовольствия от катания. Забудьте — она никогда в жизни так не развлекалась.

Первые два дня в Диснейленде и Диснеевском парке калифорнийских приключений в большинстве своем представляют то же самое. Мы рано просыпаемся, идем в парки, вдыхая запах чуррос, попкорна и индейки пока воздух наполняет громкая музыка. Мы катаемся на всех детских аттракционах — по какой-то причине на них самые большие очереди — а затем наедаемся тем, что можем найти. Нам как-то удается убедить Аву покататься с нами по реке Гризли, и мы так промокаем от этой поездки, что в итоге оказывается, что именно Аве она и понравилась больше всех. К счастью, на горячем калифорнийском воздухе мы высыхаем за минуты.

И, конечно же, она встречает всех своих знакомых персонажей, в том числе ослика Иа и Спящую красавицу. Брэм и я позируем с ней на нескольких фото, это была не моя идея. Он сам вызвался фотографироваться, и Ава выглядит так, словно она на седьмом небе от его желания быть частью этого.

Правда заключается в том, что я до сих пор чувствую себя немного неловко по поводу этого, и я рада, что среди всех фотографий есть и те, где она одна. Как бы я не влюблялась в Брэма — а я знаю, что так и есть, имею в виду, как любая знающая себе цену женщина не влюбится в него — я все еще не знаю, что нам принесет будущее. Мне бы не хотелось, чтоб мы расстались, разошлись или как там это называется, а эти фотографии напоминали бы мне о прошлом. Ну, по крайней мере, если такое случится, я вполне могу сжечь их, и сделать вид что его никогда не существовало. И у меня все еще останутся фотографии Авы.

Думаю, Брэм как то понимает ход моих мыслей, потому что он одновременно и очень внимателен и все же сохраняет дистанцию. Я не хочу выяснять у него подробности и затевать этот «Что это? Кто мы друг другу?» разговор потому что, как правило, подобное ведет к гибели атмосферы веселья и беззаботности, которая у нас есть. Так что я молчу.

Но ночью, после того, как мы лежим в постели после медленных, страстных занятий любовью, Брэм говорит.

— Я знаю, почему ты не уверена по поводу меня.

Я напрягаюсь, не уверена, куда приведет этот разговор.

— Что ты имеешь в виду?

— Ой, да ладно тебе, — говорит он. — Думаешь, я не заметил, как ты практически вздрогнула, когда я попросил сфотографироваться с Авой.

Я делаю глубокий вдох, мне так не хочется, чтоб он упоминал об этом.

— Послушай, это ничего не значит, не принимай на свой счет.

— Ну а я собираюсь принять это на свой счет, — говорит он. Он поворачивается, чтобы посмотреть мне в глаза и подпирает голову рукой.

— Ты не хочешь, чтоб я был на этих фото, потому что все еще думаешь, что я собираюсь бросить тебя, что это просто чертова интрижка.

— Нет, не совсем так, — говорю я слабым голосом. — Это просто...ладно, может ты в чем то и прав. Но ты должен понять, уже довольно давно мы с Авой были лишь вдвоем, она и я.

— Стеф говорила, что ты встречалась с кем-то между Филом и...ну, этим.

Говорила? Я задаюсь вопросом, как часто они со Стеф говорили о подобном?

Я вздыхаю.

— Его звали Бен. Он был хорошим парнем и все тут. Ни один из нас в реальности не был в отношениях.

— Но он нравился Аве, да?

Я смотрю на него.

— Что заставляет тебя так думать?

Он пожимает плечом.

— Складывается впечатление, что тебе страшно, что это повторится. Что Ава привяжется ко мне — что даже ты, сама, с твоим проклятым сердцем, запертым в клетке — тоже привяжешься ко мне.

Я чувствую, как пылает моя кожа.

— Мое сердце не в клетке, — защищаюсь я. — И Ава привязалась к тебе с того самого момента, как села к тебе в машину. Ей ущерб уже нанесен

— А что о тебе? — хрипло спрашивает он, еще пристальней вглядываясь в меня. — И почему ты называешь это ущербом?

Он, правда, не понимает?

— Потому что... — я ищу слова. — Потому что когда вы с кем-то, а потом они уходят, с собой они забирают часть тебя. Это разрушает фундамент. Разве ты не знаешь? Это словно вытягивать кирпичик за кирпичиком, в конце концов, все здание рухнет.

Он сердито потирает рукой лицо, выпуская очень громкий вздох.

— Сердце это не гребаное здание, Никола! — Он откидывает одеяло и встает с постели, расхаживая взад-вперед по комнате. Он обнажен, но на этот раз мои глаза тянутся к напряженности, написанной на его лице. Я даже и не думаю о том, чтобы смотреть на его член.

— Прости, — шепчу я, садясь на кровати. — Я знаю, что это не так, но, Боже, я просто хочу, чтоб ты понял, каково мне было. Просто знал каково это, оказаться в дерьмовой ситуации.

Он останавливается и недоверчиво смотрит на меня. Я жалею, что вообще что-то сказала. Брови нахмурены, глаза огромные.

— Думаешь, ты единственная, кто оказывался в дерьмовой ситуации? — он наклоняется вперед, кладет руки на матрас и смотрит мне прямо в глаза. — Пока я рос, моя мама никогда не говорила мне, что любит меня. Мой отец никогда, независимо от того, что я делал, не гордился мной. Я вынужден был жить, зная это, справляться с этим. Я половину времени провел в школах-интернатах, так как никто в семье не знал, что со мной делать. Ты хочешь поговорить о дерьмовых ситуациях? Ну, что ж, давай. Я был чертовски нежеланным. И да, у меня были деньги и прочая ерунда. Но все это такая хрень, когда у тебя нет кого-то,

кто скажет тебе, что они тебя любят.

У меня перехватывает дыхание. Я вижу, как пульсирует вена на его шее, отчаяние в его глазах, они хотят, чтоб я увидела его, чтоб я его поняла. Я так и делаю. Не совсем так, но понимаю.

Он сглатывает, и мгновение смотрит в сторону.

— Эй, — говорит он, у него низкий голос. Он ползет по матрасу ко мне, и я вспоминаю первый раз когда мы занимались любовью. Но вместо плотского желания, когда он приближается ко мне, во мне появляется что-то еще. Какой-то другой уровень связи, возможно, он есть только у меня в голове.

— Никола, — говорит он, кладя руки по сторонам от моего лица, глядя мне прямо в глаза. — Я знаю, ты обожглась. Но я тоже обжегся. Может быть из того, что осталось от нас может выйти что-то красивое.

А потом он целует меня, с такой силой, такой страстью, я буквальной чувствую, как из меня высосали весь воздух. Я не хочу ничего больше, чем чтоб из нас вдвоем выросло что-то красивое. У меня есть свои демоны, и, видимо, у него есть его собственные.

Мы не тратим много времени на прелюдию. Он внутри меня и вместо ленивой, роскошной любовной игры, которая была до этого, сейчас это что-то сумасшедшее и отчаянное. Словно он вручает себя мне, боясь, если я не приму его сейчас, то он навсегда потеряет меня.

Но он не потеряет меня.

Потому что я абсолютно влюблена в этого мужчину.

И понимание этого ужасает. Он был настолько сильно неправ насчет того, что сердца это не здания. Они одинаковые. Они представляют собой строения, которые держат нас в безопасности, ограждают от стихии. И в ту же минуту, когда они начинают шататься, все остальное находится под угрозой.

Сердце можно конфисковать так же, как и здание.

Сердце можно разрушить кувалдой под видом отказа, или бульдозером замаскированным под неосторожное слово. Сердце можно взорвать на кусочки и бросить на землю.

Но, даже зная все это, мне надо двигаться дальше. Надо воспользоваться шансом. Надо поверить в Брэма и в себя. Чтоб я смогла отдаться ему, открыть себя для любви и позволить себе первый раз в жизни влюбиться, не ожидая, что все превратится в руины.

Она может достичь облаков, пронзить небо. Построить мост из жизни, которая была у меня раньше, от того человека, которого я знала, к чему-то намного лучшему.

Но ему я этого не говорю. Я не смею. Держу эти чувства при себе — *я люблю тебя, я нуждаюсь в тебе, я жажду тебя* — и страхи — *ты сломаешь меня, ты погубишь меня, осудишь меня* — все в себе.

И когда он кончает, в его глазах так много магии, и я думаю, может быть, он знает.

Может быть он, в конце концов, понимает, кто он для меня.

Глава 17

БРЭМ

— Хей, придурок, — говорит Линден когда я отвечаю на телефон.

— Здравствуй Линден, — вежливо говорю я. Я на встрече с Административным советом внутригородского управления Сан-Франциско и даже несмотря на то, что сейчас у нас кофебрейк, черта с два я буду приветствовать брата как всегда.

— Поймал тебя не в лучшее время, брат? — говорит он. — Я перезвоню позже.

— Что ты хочешь?

— Просто хотел узнать как ты, — говорит он, защищаясь. — Черт побери, что, собственная семья не может узнать как у тебя дела? Я не разговаривал с тобой с тех пор, как ты вернулся из Диснейленда. За который, кстати, большое тебе спасибо. Теперь Стеф издевается надо мной, с какой стати она не умчалась в самое счастливое место на земле. Не знаю, как ты сделал это с малышкой на хвосте.

Его замечание заставляет меня вздрогнуть, как и большинство из его обычных комментариев.

— Я сделал это для Авы, — отвечаю ему, — и для Николаы.

— Ладно, ладно, — говорит он. — Я просто говорю, что ты святой. Никогда не думал, что назову тебя святым. Должно быть, она действительно въелась тебе под кожу. Не говори мне, что ты собираешься стать Джерри Магуайером и тащиться от ребенка. Не могу себе представить, чтоб Ава говорила тебе, сколько весит человеческая голова.

Нет, но она назвала мне имена многих динозавров из Юрского периода. Но я не говорю об этом Линдену. Не хочу давать ему оружие.

— Если тебе от этого станет легче, — говорю я ему, понизив голос, чтобы люди, сидящие в конце стола, потягивающие воду и обсуждающие что-то, не услышали. — Я тащусь от Николаы. Она великолепна, ты не поверишь насколько. — Я должен сказать это, или Линден может обвинить меня в том, что я собираюсь стать похитителем детей.

— Держу пари, что так и есть. Иначе с чего бы тебе все еще быть там?

Я медленно выдыхаю через нос, пытаюсь не дать ему добраться до меня. Я знал, мой брат никогда не поймет ничего из этого, ничего из того, что я чувствую и то, что я пережил раньше. Он столько всего не знает обо мне, никто не знает, и в последнее время у меня такое чувство, что все это скоро всплывет.

— Будь осторожен, Линден, — говорю я ему. — Довольно скоро Стеф начнет приставать к тебе с малышом, и где ты, черт возьми, в конце концов, окажешься? Ты окажешься в Диснейленде со своими маленькими засранцами, и я буду тем, кто будет смеяться последним. — Я делаю паузу. — И да, они будут именно маленькими засранцами, потому что ты, когда был мелким, был эпическим говнюком, и это будет чертово возмездие.

Он молчит.

— Могу сказать то же самое о тебе, — в конце концов, говорит он, — не знаю ни одну девушку, которая в здравом уме захотела бы, чтоб ты стал отцом ее ребенка.

И вот снова, прямо в живот. Я делаю еще один глубокий вдох и напоминаю себе, Линден не имеет ни малейшего представления о том, что случилось.

Ни малейшего.

— Это все, что ты хотел? — спрашиваю я, пытаюсь казаться не задетым его словами, пытаюсь показать, что мне скучно. — Обменяться колкостями?

— А ты вообще где?

— Занят. — Говорю я ему, не желая вдаваться в подробности. Он и моя семья до сих пор не знают о потенциальной благотворительности, о моем здании и идеях. Не знает никто кроме Николаы, и я этим доволен. Но сегодня состоится официальный благотворительный

прием для сбора средств, на котором будет довольно много важных местных жителей. Если Линден следит за новостями, он может узнать об этом.

Слава Богу, что он заиклен лишь на полетах на вертолетах, хотя, очевидно это не такой уж большой подвиг.

— Вижу, — размышляет он. — Что ж, когда не будешь занят и не будешь занят, кувыркаясь с матерью-одиночкой, приходи, выпьем пива. — Снова тишина. — Я иногда скучаю по тебе, братишка. Только не в этот раз.

— Хорошо, — отвечаю я. Шепчу в телефон, добавляя. — Придурок.

Отключаюсь и понимаю, что люди в конце стола — мистер Артертон и мистер Байсвотер — слышали, что я сказал.

Виновато улыбаюсь.

— Неправильный номер.

К счастью остальная часть встречи проходит хорошо. Все поддерживают мою идею. Просто ни у кого нет денег. Везде, куда бы я ни пошел, одно и то же. Полагаю для меня все немного проще с деньгами — я уже купил здание, а это огромный вклад, и мне не надо просить кого-либо проспонсировать меня. Но мне надо иметь доход для того, чтобы оплатить ипотеку, вот для этого мне и нужны остальные. Они верят в это — у них просто нет средств, чтобы помочь.

Я ухожу от них, чувствуя отчаяние по поводу сложившейся ситуации. Но когда прихожу домой, и вижу в коридоре миссис Уильямс, пожилую женщину-инвалида с очень добрым сердцем, но такую слабую, я вспоминаю, почему делаю это. Я хочу помочь. Впервые в жизни чувствую, что, черт возьми, должен это сделать. Может это отчасти эгоистично — не думаю, что можно разбогатеть, если ты не эгоист — но это придает всему смысл.

Так же как и Никола. Сегодня она не работает, мы идем на прием, так что, прежде чем направиться к себе, я делаю то, что и всегда и сначала захожу к ней. Теперь у меня есть ключ — ну да, у меня всегда был ключ — но теперь я использую его потому что я ее любовник, а не домовладелец.

Любовник. Это не совсем тот термин, который мне хотелось бы использовать для описания своей роли, но не уверен, как вообще это назвать. Забавно, любовник звучит более подходяще, чем бойфренд. Любовник вроде как более серьезно. Но, с тех пор как неделю назад мы вернулись из Диснейленда, Никола выглядит немного скрытной, и я не хочу на нее давить.

Если честно, я считаю, что мы вместе. Я считаю ее своей девушкой, хоть и не рискнул бы сказать подобное, если от этого она станет волноваться. Тем не менее, рано или поздно она к этому придет. Знаю, я не был с ней полностью честен, и знаю, что у меня в шкафу есть парочка скелетов, которые могут ужалить меня в задницу. Я это знаю. Просто всему свое время, когда я буду готов, она все узнает. Прежде всего, я хочу, чтоб у нас установились доверительные, сильные отношения, которые не разрушатся, когда она действительно узнает меня.

Это время скоро придет. Она так близка к этому. Я просто не уверен, что она позволит мне. Она так изменилась, стала такой открытой, такой свободной, и, бл*дь, так сексуально раскрепостилась. Но пока я по-настоящему не пробьюсь через ее щиты и страхи, не думаю, что она будет на сто процентов доверять мне.

Тем не менее, когда я открываю дверь и захожу в ее квартиру, вдыхая знакомый запах, сочетание кофе, пластиковых игрушек и ее сладкой кожи, у меня есть надежда, что между

нами есть доверие. Что наступит тот день, когда она отпустит себя и полностью отдастся мне. И я не имею в виду тело — я получил все, что хотел. Я имею в виду ее сердце и душу, редчайшие из всех вещей.

— Привет, — бодро говорит она, замечая меня. На ней лишь полотенце, хотя ее волосы уложены и подняты вверх, а на лице идеальный макияж. Плохо, что это все заставляет меня захотеть бросить ее на кровать, сорвать полотенце и испортить все это великолепие.

Но я этого не делаю. Я игнорирую член, оживший в штанах, и шагаю к ней, хватая за плечи. Эта нежная кожа настолько опьяняющая, что не могу удержаться и целую ее шею. Она пахнет как мечта. Я бы мог навсегда остаться здесь.

— Ты пахнешь невероятно, — говорю я ей.

Она хихикает, слегка извивается. Я знаю, моя щетина щекочет ее, но это всегда так весело.

— Не увлекайся, — предупреждает она. — Потребовался час, чтобы привести лицо и волосы в порядок.

Я откидываюсь назад и смотрю на нее.

— Разве ты не всегда так выглядишь?

— Ха-ха, — говорит она. — Мне нужно надеть платье и сережки. Но я буду готова через двадцать минут. Ава спит, Лиза скоро придет.

— Тебе надо двадцать минут, чтобы одеться? — спрашиваю я, садясь за стол и доставая банан из чаши с фруктами.

Она исчезает в спальне, откуда доносится ее голос.

— Ты же меня знаешь. И ты знаешь, что я хочу хорошо выглядеть. Не думаю, что прежде посещала подобные вечера.

— Это не так, — говорю я, кусая банан. — А свадьба Линдена? И я знаю, тебе там понравилось, а теперь угадай, где будет вечер?

— Где?

— В том же яхт-клубе на другой стороне моста. В том, где проходила свадьба.

Я поднимаю взгляд и вижу, как она остановилась в дверях спальни, держа в руках длинное платье оливкового цвета.

— Ты шутишь, — говорит она.

— Неа.

Она выглядит впечатленной.

— Вау. Такое впечатление, что мы прошли полный круг.

Посмотрим, думаю я, пока она исчезает в комнате.

Тридцать минут спустя — не двадцать — мы сидим на заднем сиденье черного лимузина и направляемся через мост Золотые Ворота. Солнце садится над океаном, озаряя небольшие участки тумана и низкие облака, цепляющиеся за городские здания. Абсолютная красота.

Как и Никола. Она одета в красное платье в пол с золотыми деталями. У платья низкий вырез сзади, он просто умоляет меня пройтись языком вверх-вниз по ее спине, но спереди все благопристойно. На ощупь материал приятнее шелка и тоньше презерватива, и я делаю вывод, что под него она не надела трусики. Я могу видеть очертания ее груди и совсем не удивительно, что к концу поездки я возбужден. Раньше она имела обыкновение причитать, что после того, как выкормила Аву грудью, не может ходить без лифчика. Но со временем она стала немного более свободной в этом вопросе, и я благодарен за это.

На самом деле, в ней все невероятное. Мы выходим из машины и появляемся на вечере. Официанты в смокингах обходят публику и подают канапе, коктейли с креветками, фуа-гра и трюфели. Все разодеты в пух и прах, но нет никаких сомнений в том, что самая красивая женщина здесь она.

И думаю, да я охрененно уверен, сама она об этом и *не* подозревает.

— Ты настолько великолепна, что должна быть объявлена вне закона, — говорю я ей после того, как мы берем у официанта два бокала шампанского и медленно идем по залу.

— Ты такой красивый, что это заставляет девчонок глупеть, — говорит она, а затем тычет в себя пальцем. — Включая меня.

Я знаю, она шутит. Она верила в это и часто говорила подобное, пока мы не начали встречаться, но все ж это немного жалит.

Но я игнорирую это чувство, и мы продолжаем ходить по залу. Правда заключается в том, что подобные ситуации заставляют меня немного нервничать. Я в норме, когда знаю хоть кого-то, но здесь я не знаю ни души. Я заплатил за нас обоих, чтобы мы могли присутствовать здесь, и вот мы здесь, но я не уверен, к кому мне следует подойти. Во время своего исследования я встретился с огромным количеством людей, но никто из присутствующих не выглядит знакомым.

И так до тех пор, пока не начинаются речи о сборе средств и необходимости дальнейшего развития Сан-Франциско. Необходимости превратить его в город, в котором могут жить все люди, особенно работающие. И тут я вижу мистера Байсвотера. Не он пригласил меня, и я понятия не имел, что он будет здесь, но опять же, я им все уши прожужжал о своих планах и вполне возможно просто прослушал, что говорили они.

К моему удивлению, в конце выступления он упоминает мое имя. Я не верю своим ушам, и Никола пихает меня в бок. Я сглатываю, поправляю бабочку и встаю, чтобы показать себя, как и просил мистер Байсвотер.

К счастью, мне ничего не надо говорить, он просто упоминает мой проект и то, чего я пытаюсь добиться, а затем продолжает свою речь. Но когда все речи сказаны, ко мне подходят оператор и репортер.

— Вы Брэм МакГрегор? — спрашивает женщина с чрезмерным макияжем и сияющими в темноте винирами. Когда я отвечаю ей, что да, и это обо мне ранее говорил мистер Байсвотер, она сует мне в лицо микрофон и начинает задавать вопросы.

Не помню, чтоб давал ей разрешение на подобное, но это отличная возможность и я пользуюсь каждой секундой. На самом деле, очень хорошо, что я обсуждаю подобное с прессой, есть шанс, что люди услышат меня. А Никола все это время стоит на заднем плане и гордо смотрит на меня.

Все интервью занимает около пяти минут и репортер — Челси Чейн, такое фейковое имя — говорит, они вероятно обрежут его для быстрого репортажа, когда будут монтировать сюжет. Для меня это не имеет значения. Наконец-то я чувствую, что стою за чем-то стоящим, у чего есть перспектива.

— Это было чертовски горячо, — шепчет мне Никола, когда репортер переходит к следующему.

Я смотрю на нее сверху вниз, как она скользит руками под лацканы моего смокинга.

— Ты о том, что было сейчас?

— О да, — говорит она, выглядя голодной, но не до еды, а до моего члена. Лучший вид голода.

Знаю, я рискую, спрашивая подобное, я могу вызвать плохие воспоминания, но я все же спрашиваю.

— Как насчет того, чтобы вернуться в прошлое и закончить то, что мы начали?

На секунду ее лоб нерешительно хмурится, блестящие губки слегка надуты, а затем он лукаво ухмыляется.

— Конечно.

Я хватаю ее за руку и веду сквозь толпу, вспоминая путь, ведущий из здания в сад.

Убеждаюсь, что рядом нет ни души и звуки вечера слышны далеко позади. Чертова блестящая каменная скамья до сих пор здесь.

— Устраивайся поудобней, — говорю я ей, подводя ее к скамье. — И говоря поудобней, я имею в виду двигайся к краю и встань на коленки.

— Подожди, — говорит она, поднимая палец. — Здесь ты забавлялся с той блондиночкой?

— Нет, — отвечаю я, зная, что она имеет в виду. — Это было в кустах там. И если честно, это было не очень весело. Никто не хочет, чтоб его задница оказалась в шипах. По крайней мере, я. — Я делаю паузу, усмехаясь. — Но возможно ты готова к чему-то большему, чем шипы. — Я поглаживаю ее большим пальцем.

Она закатывает глаза, и я знаю, она, вероятно, еще долго будет обходиться лишь моим большим пальцем.

Она все еще не двигается, и я снова говорю ей что делать. Наконец она встает на четвереньки и двигается назад, пока не оказывается на краю скамьи. Я стою позади и поднимаю ее платье так, что оно собирается вокруг талии. Ее задница выглядит так охрененно превосходно, и я не могу удержаться, сжимая сочные половинки в руках, впиваясь пальцами в мягкую плоть. Моя потребность живая, явная и настолько сильная. Я сжимаю колени, пытаюсь совладать с собой, пока мой член в штанах не начинает болеть, требуя внимания. Затем расстегиваю молнию и достаю из кармана пиджака презерватив.

— Всегда готов, — комментирует она и виляет передо мной своей роскошной задницей.

— Перестань меня дразнить, — предупреждаю я, слегка шлепнув ее по попке. — Я предпочел бы не кончать на твое платье. — Вижу, как она слегка качает головой. — Хорошо, я бы с превеликим удовольствием размазал свою сперму по этому дорогому куску ткани, надетому на тебе. Но я не буду.

— Потому что ты джентльмен.

— О да, именно. — Шлепаю другую половинку. — Лучший вид.

Так что я беру ее прямо там, на каменной скамье, как и должен был на свадьбе в прошлом году. Я беру ее жестко, грубо и дико, и мне все равно, черт побери, слышит ли нас кто-нибудь. Мы не в силах сдержаться.

Но правда состоит в том, что я рад, что все сложилось именно так, и у нас не было секса на свадьбе. Я никогда бы не узнал ее и, зная меня, она была бы просто очередной интрижкой. Конечно, я бы увидел в ней сложную натуру, захотел бы выпустить наружу дикого ребенка, спрятавшегося в ней. Но это ее нежелание принимать меня, ее привязанность и ее преданность своему ребенку, всему кроме себя, это заставило меня стать одержимым желанием сблизиться с ней. Потребовалось время, чтоб наши пути снова пересеклись, но я бесконечно рад, что так случилось.

— Всему свое время, — говорю я после того, как мы оба кончили и пытаемся восстановить дыхание. Я застегиваю брюки и выбрасываю презерватив в ближайшую

мусорку.

— Что? — спрашивает она, ее голос осоловелый пока она поправляет платье. Она выглядит настолько невероятной после секса, что мне часто приходится ущипнуть себя. Или ее. А потом это приводит к очередному сексу и круг продолжается.

Я ухмыляюсь, глядя на нее.

— Это мой девиз. В прошлый раз когда мы были здесь, я говорил, что у меня есть один, и вот он. Всему свое время. — Я делаю паузу. — А твой — живи без сожалений.

Она кивает и подходит ко мне.

— Что ты имел в виду, всему свое время? — в ее глазах надежда, что-то такое, чего раньше там не было.

— Я имею в виду, — говорю я, пока она обнимает меня за талию. Смотрю на нее сверху вниз, потерявшись в ее очаровании, в ее истинной душе, — что если бы я тогда тебя соблазнил, мы не были бы там, где находимся. Так или иначе, нам суждено быть вместе. Нам суждено было расстаться и затем снова сойтись. Может быть, у нас произошли какие-то маленькие перемены, так должно было быть, чтобы все случилось так, как сейчас.

— Что ж, меня уволили. Я бы не сказала, что это зависело от меня, — говорит она. У нее шуточный тон, но во взгляде глубина, а на лице написана тоска.

— Со временем все вышло именно так, как надо, — говорю я ей. — Все это ведь реально, это сработало, правда?

На одну долю секунды я смертельно боюсь, она может сказать, что это не работает. Кажется, мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Но потом она так нежно улыбается, и оборачивает руки вокруг моей шеи. Она облизывает губы, нервничает.

— Больше, чем реально, Брэм, — шепчет она. Сглатывает и проводит по моему лицу кончиками пальцев. От этого прикосновения, от нее самой, от всего того, что она заставляет меня чувствовать, я закрываю глаза.

— Брэм, — говорит она, звуча так тихо. — Я люблю тебя.

Она любит меня.

Любит.

Меня.

Моя грудь чертовски болит. Не от ее слов. То, что она сказала, эти слова заставляют мою душу хотеть петь, может даже кричать. Рассказать всему миру, что по какой-то гребанной причине Никола Пирс меня любит.

Это слишком, так тяжело, так... чертовски незаслуженно.

У меня сдавило грудь, я чувствую тяжесть в желудке, потому что знаю, я не могу сказать то же самое. Потому что я просто еще не там. Я почти добрался до той точки, но я не буду лгать ей. Я бы не стал лгать ей о чем-то таком редком и сложном, как любовь

Всему свое время, снова хочу сказать я, я тоже это почувствую.

Но я не могу произнести ни слова. Все так запутано, все настолько сложно, что она даже не знает. И если она узнает то, что я от нее скрываю, то, что я храню в тайне ото всех, она, вероятно, заберет свои слова обратно.

— Брэм? — спрашивает она, изучая мое лицо. — Я сказала неправильную вещь?

Я прочищаю горло.

— Ты в это веришь?

Она шокировано мигает.

— Конечно, я в этом верю. Я...я люблю тебя.

Я качаю головой.

— Тогда ты не сказала ничего неправильного. Я просто удивлен, вот и все. Удивлен, но благодарен. Для меня честь, что ты сказала мне подобное.

— Честь? — повторяет она, отпуская мою шею. — Почему ты говоришь так, словно тебе нужен меч и лошадь?

Я пожимаю плечами, пытаюсь казаться игривым, но вижу, ей больно, она чувствует себя отвергнутой.

— Послушай, — говорю я ей, пытаюсь притянуть ее к себе, но она вырывается из моих рук и направляется обратно на вечер. Я следую за ней, кладу сильную ладонь ей на руку, удерживая на месте. — Не уходи. Здесь нет повода для расстройства.

— Я только что сказала тебе, что люблю тебя! — кричит она, на ее лице боль. — И ты ничего не сказал в ответ.

— Никола, пожалуйста, — я убираю волосы ей за уши и держу лицо в руках. — Я тебя обожаю. Я хочу проводить с тобой каждую минуту. Я хочу строить с тобой будущее. Но я человек прошлого, которое еще надо утрясти, и я работаю над этим. Ты привела меня из прошлого в будущее, где мне и место.

Я пытаюсь поцеловать ее, но она отворачивается.

— Это та женщина, Тейлор, — шепчет она, и я стараюсь не замереть от упоминания этого имени. — Дело в ней, не так ли? Та, с которой ты все испортил.

— Не совсем, — говорю ей, и я честен. — Нет. Все не так. Честно говоря, я не люблю ее, клянусь, и это было много, *много* лет назад.

Ящик Пандоры вот-вот откроется. Я просто должен рассказать правду. Рассказать все как есть, объяснить, и если она меня любит, если действительно любит меня, она поймет. Нет ничего, с чем мы не смогли бы справиться. Во всяком случае, может это даже поможет нам стать ближе.

Но я ничего не говорю. Я большой трус, чем хотелось бы признать. Я слишком горд и охрененно боюсь все испортить, несмотря на то, что у меня такое чувство, что я уже это сделал.

— Никола, — снова говорю ей твердым голосом, — пожалуйста, поверь мне, когда я говорю, что никого не люблю. Клянусь тебе, это будешь только ты и совсем скоро. Мне просто нужно время, чтобы прийти к этому, и когда это случится, это будет магия.

— Магия, — повторяет она.

— Пожалуйста, — говорю я. — Ты не можешь винить меня за честность. Я всегда был с тобой честен и не собираюсь останавливаться. Для меня невероятная честь, что ты любишь меня, такого раздолбая, и я собираюсь хранить твою любовь словно золото. — Я нежно, сладко целую ее, и к моему огромному облегчению, она целует меня в ответ. — Я никогда не отпущу тебя. Ты застряла со мной, солнышко. Навсегда.

Она кивает, но я все еще могу заметить это душераздирающее выражение от отказа в ее глазах. Я видел подобное и раньше, в гораздо большем масштабе.

Мы идем обратно на вечеринку, и я ни на секунду не отпускаю ее, даже когда она пытается уйти. Продолжаю держаться за нее, потому что чувствую, я настолько близок к тому, чтобы потерять ее. Не могу позволить этому случиться.

Не могу.

Не буду.

Но я также не могу не задаваться вопросом, что произойдет, когда придет время.

Глава 18

НИКОЛА

— Никола, можно тебя на секундочку в мой кабинет? — Сегодня вечер четверга, и хоть посетителей еще не так много, я удивлена, что Джеймс просит меня покинуть бар. Должна признать, мне это не нравится. Пока я следую за ним в заднюю часть бара, туда, где находится его офис, мои руки становятся липкими. Последний раз, когда меня звали в подобное место, я была уволена.

Не удивлюсь, если именно так и случится. До сегодняшнего дня эта неделя была странной. Во-первых, я сказала Брэму, что люблю его, и он не ответил мне тем же. Хотя я и ценю его честность, я бы солгала, если б сказала, что это совсем не уничтожило меня. Это все, о чем я могу думать, несмотря на то, что сейчас он еще более внимателен и заботлив. Он был очень внимателен и раньше.

Во-вторых, интервью, которое он дал на приеме, показали в новостях и теперь весь мир знает о его маленьком проекте, ну, по крайней мере, в Калифорнии, и теперь это превратилось в историю о нехватке в штате доступного жилья. Через минуту после этого мне позвонила Стеф, Брэму позвонил Линден, а несколько дней спустя и его родители, услышав об этом от своих друзей.

И, как и предсказывал Брэм, никто в его семье не воспринял его всерьез, по крайней мере, так говорит он. Но когда я обедала со Стеф и Кайлой, я могла видеть, что их понимание Брэма резко изменилось. В лучшую сторону.

Конечно же, мне пришлось рассказать им о своем эпическом отказе. Их от этого аж передернуло, будто они испытали те же чувства, что и я. Никто не жаждет неразделенной любви.

Никто не жаждет быть уволенным в ту же самую неделю. Я сажусь напротив Джеймса, мои глаза порхают к стенам позади него, где у него обычно висит постер с Faith No More, с концерта в Уорфилд в 1995, но теперь там висит какой-то мотивационный плакат. Ну знаете, с таким сентиментальным закатом. Он собирается превратиться в Мюррэйя из Полёта конкордов (прим. пер. комедийный дуэт из Новой Зеландии, в состав которого входят Брет Маккензи и Джемейн Клемент, их юмор и музыка стали основой для радио-шоу на BBC и телесериала, премьера которого состоялась в 2007 году на НВО).

— Давай просто покончим с этим, — говорю я Джеймсу, закрывая лицо руками — Как сорвать пластырь, сразу и все!

— Что? — спрашивает он. — Нет. Никола. Я не увольняю тебя.

Я смотрю на него сквозь пальцы.

— Нет?

Он качает головой и умиротворенно улыбается.

— Нет. Я тебя повышаю.

— Что? — Вылупилась я на него. — Почему? Я ведь ничего такого не делаю, просто целыми днями разливаю напитки.

— Потому что ты доказала свою надежность, — говорит он, — ты надежней большинства работающих здесь. Думаю, я могу тебе доверять, и ты хороша в том, что

делаешь.

Джеймс никогда не относился ко мне настолько хорошо. Знаете, до этого он лишь дал мне работу и все.

— Серьезно? — Спрашиваю я, желая убедиться, что это не какой-то розыгрыш.

— Абсолютно серьезно, — вздыхает он, откидываясь на спинку стула. — Приближается летний сезон. На следующей неделе уже июнь, и народу прибавится, а большинство работников захотят взять выходной. Кроме той поездки в Диснейленд, ты никогда не просила о выходных. И даже тогда, отгулы просила не ты. Это был твой благодетель.

— Полагаю, ты тоже смотрел новости?

Он кивает.

— Должен признать, брат Линдена это последний человек, у которого, я думал, окажется золотое сердце, но, видимо это правда. Однако полагаю, я не должен говорить тебе подобное.

Я слегка улыбаюсь, даже несмотря на то, что эти слова напоминают мне, я все еще живу там бесплатно.

— И с повышением ты будешь в состоянии платить за себя, — добавляет он так, словно может читать мои мысли. — То есть, если ты хочешь. Не буду лгать, быть помощником менеджера это не прогулка в парке.

— Помощник менеджера?

Он кивает.

— Больше часов, больше ответственности. Ты больше не будешь просто подавать напитки. Уверен, ты быстро всему научишься.

Я, наверное, ужасный человек, раз думаю об этом, но я не уверена, что готова взяться за подобную работу. Днем я привыкла проводить время с Авой, а когда у нее дневной сон, я работаю на швейной машинке. Черт, я даже одела топ, который недавно сама сшила. Он не идеален, но я ведь только возвращаюсь к своей рутине и — что более важно — к своей страсти. Наличие подобного в моей жизни напоминает мне, что есть что-то большее, что можно получать от работы, не только зарплата.

А теперь, если я буду работать полный день, не уверена, что у меня останется время на себя, не говоря уже об Аве. Но я знаю, правильно и ответственно было бы принять это предложение без вопросов.

Тем не менее, я понимаю, что говорю Джеймсу.

— Ты не против, если я возьму денек подумать об этом?

Он кажется застигнутым врасплох.

— Да, конечно. Хоть целую неделю. Просто...ну что ж, это не мое дело...

И да, что бы он там не собирался сказать, я знаю, это не его дело.

Но все равно спрашиваю.

— Что?

Джеймс пожимает плечами, на его симпатичном мальчишеском лице написано равнодушие.

— Думаю, ты могла бы сделать здесь успешную карьеру. И я знаю, ты сейчас как бы плывешь по течению, но, в конце концов...все может измениться.

Он намекает, что я не смогу всегда жить бесплатно, и мне ненавистно признавать, но он прав. У него такой раздражающий способ высказывать свое мнение когда не надо, но ведь он прав. Я просто не говорю ему об этом.

— Что ж, я лучше пойду разливать алкоголь во рты жаждущих, — поднимаясь со своего места, отвечаю я. — И спасибо тебе. Правда. Завтра я дам тебе ответ.

В конечно итоге ночь не такая загруженная, как мы ожидали. Стеф и Линден появляются прямо перед тем, как Джеймс говорит, что я могу идти домой, и я слишком устала, чтобы остаться с ними. Столько всего навалилось.

После полуночи я прихожу домой в пустую квартиру. Ава две следующие ночи проводит с моей матерью в Ливерморе, так было проще. Часть меня удивлена, что Брэм не ждет меня у меня в квартире, как делает это обычно, но может он хочет для разнообразия побыть у себя.

Думая об этом, я наливаю себе стакан Пино Гри, наслаждаясь первым холодным глотком. Ничто не может быть слаще. Затем, немного придя в себя, понимаю, пришло время переодеться, и иду в спальню. Отбрасываю в сторону узкие джинсы и сшитый мной топ и натягиваю красную маечку и коротенькие шорты. Если я собираюсь туда только для секса, к чему мне одежда?

Я иду на кухню и пока допиваю вино, я слышу странные звуки из квартиры Брэму.

Крик.

Затем плач.

Два голоса, один Брэма, но второй, это голос другой женщины.

Кровь леденеет в венах, сердце замедляет ход.

Какого хрена происходит?

Я направляюсь в коридор и теперь могу слышать лучше.

Женщина кричит.

— Не надо бросать мне это в лицо. Ты должен был быть там!

Брэм кричит в ответ.

— Я, бл*дь, пытался быть там!

— Что ж, тогда это было чертовски поздно. — Пауза, такие звуки, будто она плачет —

Боже, Мэтью не должен это слышать.

Кто такой нахрен Мэтью?

Я стараюсь проглотить кирпич в горле. В коридоре все кажется таким безопасным. Если я постучу в дверь, все изменится. Я просто это знаю. Эта женщина, этот голос...экс что-то значит, и значит многое.

Часть меня просто хочет уйти. Мне так и следует сделать. Вернуться к себе и вставить в уши затычки, заглушить голоса так, как я делала это когда впервые переехала сюда.

Но я этого не делаю. Вместо этого я стучу в дверь.

— Черт, — рычит Брэм.

Я задерживаю дыхание.

Дверь открывается.

При виде меня у Брэма вытягивается лицо. Я все могу прочитать по его глазам. Я могу прочитать, что все изменилось.

— Что происходит? — спрашиваю я, едва могу говорить.

На заднем плане появляется женщина с длинными темными вьющимися волосами. Она высокая, фигуристая, может даже немного больше, чем я. И красивая, с безупречной, гладкой кожей. Ее темные глаза слегка покраснели.

Тейлор.

Я знаю, это она.

И она что-то знает обо мне. Вероятно то, что я в белье, не помогает.

— Никола, — говорит Брэм. — Сейчас не лучшее время.

Я киваю на женщину.

— Кто она? — Я очень сильно стараюсь не звучать как ревнивая сука, но мне это не удается.

Лицо Брэма вытягивается еще больше.

— Она женщина, о которой я рассказывал. Тейлор.

Я скрещиваю руки, пытаюсь казаться сильнее, чем есть на самом деле, пытаюсь делать вид, что это имя не причиняет мне боль.

— Та, которая сбежала?

Женщина хмурится, а затем делает шаг вперед.

— Привет, — говорит она, оглядывая меня сверху донизу. — Ты его подружка?

Я смотрю на Брэма. Я твоя подружка?

Я?

— Я живу рядом, — говорю я в качестве объяснения. — Я услышала вопли, и подумала, что стоит зайти.

— Сожалею об этом, — говорит Брэм. — Я поговорю с тобой позже.

Я мгновение смотрю на него и чувствую, как между нами проходит мир. Может быть, время ускоряется или может, замедляется, но я чувствую, как цепляюсь за идею того, что мы были вместе.

Я люблю тебя, думаю я. Что ты делаешь? Что это? Пожалуйста, пусть всему этому будет рациональное объяснение. Заставь меня в это поверить.

— Мам, — раздается голос маленького мальчика, и прежде чем я что-то понимаю, между Тейлор и Брэмом появляется маленький мальчик шести семи лет в шортах и футболке.

— Все хорошо, Мэтью, — положив руку ему на голову, говорит она. Ребенок смотрит на меня уставшими глазами и громко, широко зевает.

В этом малыше есть что-то чертовски знакомое. Я едва держусь за реальность. Хоть его кожа и темнее, глаза, брови, форма подбородка, даже в таком юном возрасте, все настолько знакомое. У него даже такие же носки, как у Брэма. Желтые с коричневым. Лохнесское чудовище.

Я смотрю на Брэма, и медленно осознание, словно первые камни надвигающегося оползня, накрывает меня.

— Это Мэтью, — говорит мне Тейлор, — Сын Брэма.

А теперь на меня падает и остальное.

Я падаю вниз, все ниже и ниже, погребенная под этой действительностью.

Но внешне я оцепенела.

Я делаю резкий вдох и не могу выдохнуть. Воздух замирает в легких, сжигая жидкий азот.

— Я собирался рассказать тебе, — говорит Брэм, потирая ладонью лицо, голос напряжен. — Но не знал когда. Все так чертовски сложно.

— Брэм, — предупреждает Тейлор. — Не перед ним.

Я не могу вымолвить ни слова, рот открывается и закрывается как у какой-то глупой рыбы, пока, наконец, я не выпаливаю.

— У тебя есть сын?

— Никола, — говорит он, посылая Тейлор и Мэтью извиняющийся взгляд, прежде чем выйти в коридор и закрыть за собой дверь. — Я могу все объяснить.

Сколько разрывов начиналось с этого «я могу все объяснить»? Сколько раз это объяснение вообще не имело значения?

— Почему ты врал? — хриплю я, у меня такое чувство, будто меня разорвали на части.

— Я не врал, — говорит он. — Я просто не говорил тебе... Я не заговаривал об этом, я собирался, но...

— Но что?

Он сглатывает и понижает голос.

— Я сделал Тейлор и Мэтью то же, что Фил сделал тебе и Аве. Я хотел, чтоб ты доверяла мне, прежде чем узнаешь о том, что я сделал, и каким я был.

Я пытаюсь дышать, пытаюсь найти хоть каплю силы, чтобы отвернуться.

— Я доверяла тебе, — говорю я ему. Слова вылетают из моего рта. — Но больше нет.

Я делаю шаг назад, и он хватает меня за руку, но я вырываюсь. Я забегаю в квартиру и захлопываю дверь, заблокировав его. Брэм злобно стучит в нее, зовет меня, но я не хочу его видеть. Не могу его видеть.

И не могу быть здесь.

Я натягиваю джинсы и футболку, хватаю сумочку и открываю дверь. Брэм стоит там, на лице смесь паники и боли, но я отталкиваю его.

— Не надо, Никола! — кричит он мне.

Но я бегу.

Я уже ушла.

Мне некуда идти.

Я на улице, быстро иду, пытаюсь добраться до ближайшей остановки автобуса, и трясущимися руками пишу Стеф.

Мне нужно сейчас же с тобой поговорить. Кое-что произошло.

Что? Она тут же отвечает. **Я все еще в Lion.**

Я приеду. Только автобуса дождусь.

Я бы приехала тебя забрать, но во мне слишком много пива. Это касается Брэма?

Я не отвечаю на это, а как только вхожу в бар, она все видит по моему лицу, хоть я и не плакала. Я не совсем уверена, что чувствую. Кроме ужасного, кошмарного осознания того, что та ваша жизнь, которую вы начали любить, никогда не будет прежней.

Все стерто.

— О, милая, — говорит Стеф, слезая со стула и обнимая меня. — Ты вся дрожишь, что случилось?

Рядом с ней, с любопытством разглядывая меня, сидит Линден. Иногда он так похож на своего брата.

Внезапно меня омывает волна гнева.

Я указываю на него пальцем.

— Ты знал?

Линден в недоумении смотрит на меня.

— Что? Знал что? — Он смотрит на Стеф, ожидая от нее помощи, но она тоже ничего

не понимает.

— Ты знал о Брэме?

Он прищуривается.

— Что насчет Брэма? Что он сделал?

— Ты знаешь, что у него есть чертов *ребенок*! — практически выплевываю я. Слова словно яд, вылетающий из моего рта, они будто могут меня отравить. — Он *отец*.

Глаза Линдена расширяются. Стеф, кажется, вот-вот потеряет голову.

— Так ты знал? — продолжаю я, злость все растет. — Я единственная была не в курсе?

— Подожди, подожди, — перебивает Стеф, выставляя вперед руку. — Ребенок? Отец?

Ты снова беременна?

Я уставилась на нее.

— Нет! Я имею в виду, у Брэма есть ребенок, долбаный ребенок, от кого-то другого. Его зовут Мэтью. Он так на него похож. Я, черт возьми, просто встретила его в его квартире. Они с мамочкой навещали его или не знаю, какого хрена там делали. Что за хрень?

Линден медленно качает головой.

— Нет, это невозможно. Этого не может быть. Я бы знал. — Он смотрит на Стеф — Мы должны были знать.

— Должны были? — парирую я. — У кого-нибудь из вас вообще есть идеи о том, каково было прошлое Брэма?

— Его ребенок и мама ребенка были в его квартире? — повторяет Стеф, она шокирована. — Почему?

Я машу руками.

— Откуда мне знать? Я думала, может Линден знает.

— Нет, — категорично заявляет Линден. — Если бы все это время у Брэма был ребенок, я бы об этом знал. Ты уверена, что он был в курсе? Может он только узнал.

Мне хочется рухнуть на пол, но вместо этого удается опереться на стул. И только тут я замечаю, что мы трое единственные в баре, не считая Джеймса, который в углу разговаривает с Сандрой, другим барменом.

— Он знал. О, он отлично знал обо всем. Он упоминал ее раньше. Он говорил об этой девушке, Тейлор, единственной девушке, которую любил, девушке, с которой он совершил ужасную ошибку. Полагаю, он имел в виду Мэтью... — у меня болит сердце. — Или ошибкой было оставить ее. — Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох через нос. — Эти проклятые глупые носки.

— Ты про те с Несси? — спрашивает Линден.

Я киваю.

— Я понятия не имела, почему он их носил, он просто сказал, что они счастливые.

— Он сказал мне то же самое, когда я издевался над ним.

— Неужели он воспринял это в штыки?

— Да, типа того. Он иногда ведет себя подобным образом, когда вы на самом деле не ожидаете от него подобного.

Я нервно вздыхаю и сажусь на стул. Ноги не перестают дрожать. Я вся дрожу. Я настолько потрясена.

— В этом весь Брэм, не так ли? Делает то, что вы меньше всего от него ожидаете. Я видела такие же носки на Мэтью. Нет ни единого шанса, что это было простое совпадение. Он с самого начала знал о Мэтью. — В голове всплывают его слова. — Он сказал, что сделал

с ними то же, что Фил сделал со мной и Авой.

— Какая сволочь, — говорит Стеф, положив руку мне на плечо. — Мне так жаль. Что ты теперь будешь делать?

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю. Не знаю. Я просто сбежала. Не могла там находиться.

— Я не виню тебя, — говорит она, и к нам подходит Джеймс.

— Что происходит? — спрашивает он.

— Ничего, — говорит Стеф. — Но Николе надо шот виски и быстро.

— Сделай два, — говорит Линден. — Он выглядит немного контуженным.

Предполагаю, это нелегко, узнать, что ты давно уже дядя и понятия об этом не имеешь.

— И Джеймс, — добавляю я. — Если ты все еще предлагаешь мне должность помощника менеджера, я хочу ее.

Он улыбается мне и наливает рюмку.

— Рад слышать. — Но я не улыбаюсь в ответ.

— Думаю, мы должны сказать поздравляю, — мягко говорит Стеф. — Но прямо сейчас это не кажется правильным. — Мне так жаль, Никола. — Она ищет мой взгляд и в ее глазах столько грусти. — Я знаю, как сильно ты в него влюблена.

А вот это действительно жалит. То, что я люблю его. То, что он не любит меня. И то, что *это* произошло. Любви одного не достаточно чтобы удержать двух людей вместе, теперь я это точно знаю.

Джеймс протягивает нам с Линденом виски, и я тут же проглатываю свое. Оно обжигает, но недостаточно. Я хочу, чтоб оно сожгло все то, что случилось вечером.

— Я буду еще один, — говорю я Джеймсу. Затем Линден и Стеф присоединяются к заказу.

Вдруг раздается стук в дверь бара, и все мы оборачиваемся, чтобы увидеть Брэма, стоящего за дверью. Он выглядит жалко.

— Не открывай, — шиплю я Джеймсу. — Скажи, что мы закрыты.

Джеймс смотрит на Линдена.

— Что происходит?

— Не о чем беспокоится, — говорит он и кивает на дверь. — Впусти его. Хочу сказать ему парочку слов.

— Черт, сегодня ведь не та ночь, которая никогда не заканчивается? — спрашивает Джеймс. — Потому что, когда она все ж заканчивается, я в конечном итоге звоню в полицию.

Но Стеф уже на ногах, идет через бар. Она останавливается перед дверью, смотрит на Брэма через стекло, а затем отпирает дверь.

— Что тебе надо? — спрашивает она, чуть приоткрыв дверь.

— Мне нужно поговорить с Николой, — говорит он. Смотрит на меня. — Пожалуйста.

Линден трогает меня за руку.

— Иди, — говорит он. — Поговори с ним. После этого с ним побеседую я.

Разговор с Брэмом это последнее, чего я хочу. Ситуация все равно не станет лучше. Но его слова могут сделать все еще хуже. И независимо от того, что происходит, что сделано, то сделано, и я знаю, еще достаточно долго все будет ужасно.

— Ладно, Стеф, — говорю ей. Я подхожу к двери, и она неохотно отступает, все еще пристально глядя на Брэму.

— Помни, ты поклялся на мизинцах, — ворчит она, а затем отходит, чтобы присоединиться к Линдену в баре.

— Никола, — говорит Брэм. У него красные, полные беспокойства глаза, губы скривились от горечи. Он дерьмово выглядит, будто страдает, будто произошло что-то ужасное. Но это меня ни радует, нисколько. — Я должен объяснить. — Он смотрит в бар. — Давай поговорим внутри?

— Нет, — говорю я, протискиваясь через дверь. Я прилагаю огромное усилие, чтобы не налететь на него. Как странно, он для моего тела словно магнит, что-то от чего вы не можете остаться в стороне, и представить себе не можете, чтобы снова к этому прикоснуться.

Я думала, что оказавшись на улице смогу дышать, но эта странная влажная ночь и туман будто душат меня. Я засовываю руки в карманы джинс, они окоченели, и смотрю на землю.

— Что ж, ты меня нашел, — говорю я. — Теперь объясняй.

— Я бы рассказал тебе...

— Нет, — резко говорю я. — Просто забудь все эти «сделал бы, должен был». Ты этого не сделал, да? Ты этого не сделал, а теперь уже слишком поздно. Так что просто начни с самого начала. У тебя есть сын. — Какая ирония, что при других обстоятельствах это звучало бы прекрасно.

Он тяжело дышит.

— Да. Мэтью мой сын. Я встретил Тейлор семь лет назад. Я быстро влюбился в нее, и чертовски сильно.

— Как замечательно, — не могу не прокомментировать я.

— Пожалуйста, выслушай, — шепчет он, а затем откашливается. — Я влюбился в нее, потому что она была хорошей. Она хорошая женщина, я знаю, ты не хочешь это слышать, но это правда. Она принесла ощущение нормального в мою жизнь и наполнила ее целью. До нее этого не было. Тогда я был развалиной. Наркотики, вечеринки. Я катился вниз. Я принимал все, что мог, пил все, что видел. Я просирал деньги. Завел кучу врагов и купил пару друзей. Ты бы на меня даже не взглянула. Я был худшим отребьем, бродившим по улицам. — Он сглатывает. — Но Тейлор увидела что-то во мне, я не знаю что. И пока я бы влюблен в нее, я был лучше. Эта женщина заставила меня не чувствовать себя бесполезным куском дерьма, хотя, в тот момент именно таким я и был. Никола, я думал, что любовь победит все. Я ошибался. Потому что когда оказалось, что она беременна, мое первое желание, первая мысль была — бежать, мне нужно бежать. Я чувствовал, что должен убраться к чертям, оставить ее наедине с этой ответственностью.

Мои вены начинают пульсировать от ярости. Мы с Тейлор связаны больше, чем хотелось бы.

— Я не мог быть отцом. Я действительно был ничего не стоящим дерьмом. Я начал думать, что она была сумасшедшей дурочкой, раз поверила в меня. Я любил ее, правда, любил, но этого было недостаточно, чтобы заставить меня остаться. Этого было недостаточно, чтоб заставить меня не изменять.

У меня перехватывает дыхание.

— Ты, бл*дь, изменял своей беременной девушке?

Он смотрит на землю, плечи поникли.

— Я не горжусь этим. Но да, я делал это. Вот как я облажался. И сильно.

Мне становится нехорошо.

— Как ты мог быть такой свиньей? Боже, я вообще знаю тебя?

Он поднимает глаза, чтобы встретиться со мной взглядом, и в его глазах стыд.

— Это был другой я. Я говорил тебе, каким я был.

— Я не знала, что ты был настолько отвратителен. — Чувствую, как мои губы кривятся в отвращении.

— Да, я был таким, хорошо! — Кричит он. — Теперь ты понимаешь, почему люди никогда не дают мне шанса, почему они никогда не позволяют мне стать чем-то большим, чем я был? Я был ужасным гребаным мудаком, я делал ужасные вещи. Может быть, я не насиловал женщин или не грабил банки или не продавал наркоту, но я вел себя ужасно. Я ранил Тейлор настолько, что ничего уже не исправить и я с самого начала испортил отношения с Мэтью. Потому что к тому времени, как я поумнел, к тому времени, как взял себя в руки, было уже слишком поздно. Тейлор не хотела иметь со мной ничего общего.

— Умная женщина, — бормочу я.

— И Мэтью держался в стороне. Я все пытался и пытался вернуть их в свою жизнь, но она не позволила. Так что я делал то, что мог, каждый месяц отправлял им деньги. Я платил алименты и добавлял еще. Убедился, что у Тейлор и Мэтью была лучшая жизнь из возможных.

— Но ты никогда не был отцом.

— Я пытался, — снова говорит он. Когда он расстроен, его шотландский акцент становится более явным. — Но было уже слишком, слишком поздно. И я не виню в этом Тейлор. Все, что я мог делать, это отправлять деньги и подарки и надеяться, что таким образом смогу сделать ее жизнь хоть немного легче.

У меня появляются болезненные, странные ощущения в горле. Мозг хочет, чтоб я думала о чем-то ужасном, и я отталкиваю в сторону все, сосредоточившись на том, что умоляя, говорит Брэм.

Он продолжает, проводя рукой по волосам.

— Примерно за три месяца до того, как я приехал сюда, Тейлор и Мэтью переехали. Они жили в Джерси, и вдруг все, что я посылал, стало возвращаться к отправителю. Полагаю это облегчило мой переезд сюда. Но я никогда не переставал откладывать для них деньги, надеясь, что в один прекрасный день она снова свяжется со мной, и я смогу продолжать делать все правильно. Это сегодня и произошло. Она живет со своей тетей в Сан-Бернардино, она увидела меня в новостях.

— Так она просто хочет получить свои деньги?

— Если честно, я не знаю, чего она хочет. Но я не могу врать тебе и сказать, что я не рад, что она здесь. Быть рядом с тобой и Авой, это заставило меня понять, сколько всего я еще могу дать.

Боль возвращается.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, помогая тебе... — он затихает.

Я чувствую, как дрожит мой подбородок.

— Стой. Подожди. — Я делаю вдох. — Вот почему ты проводил с нами время? Вот почему ты так интересовался мной и ей, помогал нам всем, чем мог? Чтобы успокоить свою чертову совесть?

Он выглядит так, словно я ударила его по лицу.

— Нет, это не так.

— Именно так, — говорю я, чувствуя себя абсолютно униженной. — Я была просто

объектом благотворительности. Мы с Авой обе. Тебе никогда не было до нас дела, ты просто хотел избавиться от своих грехов, просто хотел почувствовать себя лучше. Не удивительно, что ты никогда не любил меня! Об этом не было и речи!

В один сокрушительный момент все складывается вместе.

Мое сердце будто признали негодным.

— Нет! — кричит он, хватая меня за руку и притягивая к себе. В его глазах паника, такой дикий взгляд. — Все не так, нет! Никола. Я...я...ты...

— Видишь, ты даже не можешь сказать это! — кричу я ему в лицо. — Потому что ты не чувствуешь этого и никогда не будешь. Ты только *хочешь* любить меня, потому что думаешь, что так все будет проще.

— Нет, пожалуйста, ты для меня весь мир. Весь мой мир, — умоляет он.

Я вырываюсь из его хватки.

— Ну, видимо в твоём мире больше людей, чем я ожидала.

— Не делай этого, — говорит он. — Не уходи от меня, от нас. Нам так хорошо вместе, так чертовски хорошо.

Я выстреливаю в ответ.

— Все это было гребаной ложью! В этом не было ничего реального или хорошего! — Я направляюсь обратно в бар.

— Пожалуйста, — громче кричит он. — Там никогда не было лжи, была только правда. То, что у нас есть, это правда. Я не могу продолжать делать это без тебя. — Его лицо будто разрушается у меня на глазах. — Я думал, может ты смогла бы понять, — тихо добавляет он.

Я останавливаюсь у двери, горечь обжигает горло.

— Единственное, что я понимаю, так это каково быть на её месте, и каково быть объектом благотворительности. С меня этого понимания достаточно. — Открываю дверь, останавливаюсь, понимая, что собираюсь сделать самую трудную, самую болезненную вещь.

Но правильную.

— Мне очень жаль, Брэм. — Горячие слезы собираются в уголках глаз, и я пытаюсь совладать с голосом. — Это разобьет Аве сердце. Но мы завтра съедем. Таким образом, мы больше не будем участвовать в твоей благотворительности.

Не оглядываясь назад, я делаю шаг внутрь бара и закрываю дверь

Глава 19

НИКОЛА

Ава плачет не переставая.

Надо было солгать. Сказать ей, что мы просто ненадолго уедем. Надо было сказать, что мы обязательно увидим Брэма снова.

Но я не могла. Ложь мешала мне сказать, даже подумать о том, что со временем разрушит её.

Для нас обоих было лучше разрушить все одним махом.

После того, как я вернулась домой из Lion, мое сердце истекало кровью — никому не нужное, хрупкое, такое беззащитное. Вида моей квартиры — подачка Брэма — было достаточно, чтоб меня затошнило, и я сразу же начала паковать вещи.

Громко включив музыку, я паковала их всю ночь. Я не отвечала на телефон или стук в

дверь. Если Брэм что-то и кричал мне, я его не слышала. Если он воссоединился с женщиной и его сыном — *его* сыном — я об этом не зала. Я словно заведенная продолжала и продолжала, пока рассвет не озарил город, и моя квартира не была упакована в каждую свободную коробку, чемодан или мешок для мусора, который у меня был.

Там была куча мешков для мусора.

Чего я действительно хотела, так это найти новое место, пока Авы не было дома. Я была в бреду. Не знаю, почему думала, что у меня получится. Почему я думала, что моя мама просто привезет ее в ее новую жизнь. И она никогда снова не увидит наше старое место.

Я все упаковала, но идти мне было некуда, у меня даже не было машины.

Я позвонила маме. Объяснила, что произошло.

Я сделала это без слез. Думала, я храбрая.

Мама приехала, и в ту же минуту, как я увидела лицо Авы, я поняла, что не такая уж и храбрая.

Я так запуталась.

Она в замешательстве оглядела квартиру. Она не хотела ничего понимать, и не важно, что я пыталась все объяснить. У меня не было правильного ответа на вопрос что происходит.

Я не хочу во всем винить Брэма. Не хочу, чтоб она ненавидела его. Даже если я начинаю верить, что сама его ненавижу.

Ава не ненавидит. В ней нет ненависти. Она просто ломается, словно фарфоровая кукла.

А что еще хуже, вдобавок ко всем эмоциям, которые она чувствует — дискомфорт и боль от потери вещей, которые она любила — у нее кружится голова.

Ей больно.

Ее тошнит, уровень сахара в крови очень низкий.

Несмотря на то, что мама рядом, я еще никогда не чувствовала себя такой одинокой, пытаюсь накормить ее нужной пищей, влить воду и вколоть инсулин, стабилизировать ее. Я знала, что Брэм рядом. Я слышала его, но я никогда бы снова не попросила его о помощи.

К счастью, когда мы уже собирались отвезти ее в больницу, она пришла в себя.

А затем пришли слезы.

Они текли не переставая.

Я в доме матери, сижу на диване, подобрал под себя ноги и потягивая чай. С виду все идеально, но внутри меня все бушует.

Ава сидит рядом со мной, всхлипывая, вытирая нос рукой.

Я могу только держать ее. Только сказать, что все будет хорошо, даже если сама в это не верю. Это настолько тщетно и бесполезно, но я все равно продолжаю твердить эту бессмыслицу.

Кайла предложила нам свою квартиру. Как и мама. Но так как у меня есть работа — и меня даже повысили — я собираюсь остаться в городе у Кайлы. Нам с Авой будет тесно в квартире Кайлы, но это лишь временно, и думаю, Кайле нужна помощь с растущей арендной платой. Линден и Стеф предложили пожить у них, но прямо сейчас я не могу смотреть на Линдена. Он слишком напоминает своего брата. Он предложил отвезти мою мебель из квартиры в хранилище, пока мы не найдем себе жилье. Щедрый поступок, и этим он тоже очень напоминает своего брата.

Ава ерзает в моих руках и смотрит на меня своими большими влажными глазами. В них столько надежды, что мне снова хочется плакать. Я молюсь, чтоб эта надежда не ввела ее в

зablуждение.

Она потеряла Брэма, который фактически стал для нее папой, хочу я этого или нет.

Я потеряла свое сердце.

Я любила Брэма.

Любила его.

Его улыбку, его шутки, его великодушие. Его губы, глаза, подбородок. Его образ мыслей, добродушие, юмор. Его непринужденность, его рост, его тело. Его амбиции. Его самоотдачу.

Он смотрел на меня так, словно я была магией.

Я начинала в это верить.

Мы вместе, это была магия.

И я до сих пор люблю его.

После всего этого, как я могу не любить?

Как мне перестать чувствовать это?

Но эта любовь разрушает меня.

Секунда за секундой.

Кирпичик за кирпичиком.

Глава 20

БРЭМ

Шесть недель спустя

— Знаешь, не думаю, что говорила тебе, как мне жаль.

Я слышу голос Тейлор, сидящей через стол, но на самом деле не слышу ее. Мы сидим в кафе в торговом центре в Сан-Бернардино, играет песня, но так тихо. Мне не дает покоя то, что я могу распознать ритм, но не могу услышать текст.

— Брэм? — тихо говорит она, и я, наконец, смотрю на нее.

— Хмм?

— Мне жаль, как все произошло с Николой, — говорит она, и это имя для меня словно удар в сердце. — Я не должна была вот так появляться у тебя. Я не думала, что...

— Ты не думала, что в моей жизни есть кто-то важный, — заканчиваю я с отсутствующим видом. Кручу часы вокруг запястья и уныло пожимаю плечами. — Я не виню тебя. И пожалуйста, не надо извиняться. Уверен, я сам напросился. Знаешь, карма та еще сука.

Она кивает.

— Я знаю. Но это было так давно, и...я действительно не имела права появляться вот так.

Я вздыхаю. Да, она говорит подобное, но знаю, она считает, что ее можно оправдать, и вероятно она права. Когда кто-то так сильно облажался, его долгу не будет конца — нет ничего, что можно сделать неуместного по отношению к такому человеку.

Как бы там ни было, я не виню Тейлор. Она смотрела новости, и вдруг там появляюсь я, отец ее ребенка, которого она так сильно пыталась забыть. Она не говорит мне этого, но уверен, она хотела забросать телевизор камнями, возможно, разбить его. Я знаю, она кричала и проклинала его.

А потом материнский инстинкт взял верх, она запихнула Мэтью в машину и поехала в Сан-Франциско. Чтобы увидеть мужчину, которого, как она делала вид, никогда не существовало.

Я знаю, она пришла за деньгами, хоть и утверждает обратное. Она сказала, что взглянула на меня по-новому. Я был успешным, амбициозным и теперь делал добрые дела. Я был противоположностью того человека, которого она ненавидела. Доказал, что могу управлять своей жизнью и улучшить не только свою собственную жизнь, но и жизнь других людей.

Возможно это правда. Но в данный момент я не вижу особой разницы. В моем доме все еще живут те же жильцы, те, кто не может позволить себе жить в другом месте, те, которые нуждаются во мне. У меня есть они, кроме двух...наиболее важных из всех.

Никола была верна своему слову и съехала на следующий же день. Я пытался остановиться ее. Я перепробовал все. Ничего не помогало. Никогда не видел ее такой упрямой, настолько жестокой. Хоть я и знаю, что заслужил подобное, это все равно ранит. Она защищала Аву больше, чем себя и когда я посмотрел на эту маленькую девчушку, плачущую в коридоре, я...В тот день я потерял и ее.

В тот день я столько всего потерял.

И эти потери по-прежнему со мной. Это чувство растет, оно не ослабевает. Каждое утро я просыпаюсь в пустой кровати, и словно еще один чертов черный кирпич цементируется в моей груди. Никола не имеет ни малейшего представления, что она для меня значила — что она до сих пор для меня значит — и что ранит сильнее всего, так это то, что она никогда не увидит мою боль.

Я потерял магию, которая была в моей жизни.

— Ты хороший человек, Брэм, — говорит Тейлор.

Я издаю сухой смешок и поднимаю бровь.

— Ты уверена, что тебе не плеснули алкоголя в кофе?

Она улыбается.

— *Теперь* ты хороший человек. А может ты и тогда был таким, где-то в глубине души. Конечно, я так и считала. Знаешь, Брэм, я была безумно влюблена в тебя. Безумно. Вот почему так больно

Я киваю.

— Как я уже сказал, карма. Я делаю паузу. — Ты же знаешь, я тоже любил тебя.

Она качает головой.

— Нет. Это была не любовь, Брэм. Ты не...ты не вел себя так, будто кого-то любишь. Я не сомневаюсь, ты думал, что то, что ты чувствуешь, это любовь, но когда ты любишь, ты не разбрасываешься этим. Ты не отказываешься от нее. Не убегаешь, даже если это тебя пугает. И если ты делаешь все это, тогда это не любовь.

Я жую губу.

— Не думаю, что все так просто.

— Все именно просто. Люди сложны. Любовь проста.

— Что ж, — говорю я, мне трудно спорить об этом. Я потягиваю чай, он уже остыл. — Как бы там ни было, то, что я чувствовал к тебе, я думал, это была любовь. И я достаточно долго верил в это.

— До тех пор, пока не встретил ее.

Я смотрю ей в глаза и не могу не поморщиться.

— До. До нее.

— А теперь ты знаешь. То, что ты чувствовал ко мне, и что чувствуешь к ней, это не одно и то же.

Не могу не заметить, что она говорит в настоящем времени.

Она понимающе улыбается.

— Нет смысла делать вид, что ты все еще не безумно влюблен в нее, Брэм.

— Ну, — начинаю я, не уверенный в том, стоит ли говорить ей что до этого момента и не понимал, что влюблен в Николу.

Но она права.

Потому что я люблю ее. Это было так просто понять. Я ожидал чего-то более сложного, чем оно было на самом деле. Но, правда в том, что мое сердце уже принадлежало ей.

Понимания этого достаточно, чтобы сбить меня со стула.

Подумать только, когда она сказала мне, что любит меня, я мог бы ответить ей тем же. Я мог сказать хоть что-то, вместо того, что сделал. Мне не надо было разбивать ей сердце до того, как я снова сломал его.

— Послушай, — говорит мне Тейлор. — Когда я увидела тебя в новостях, я не собиралась портить тебе жизнь. Я не хотела, чтоб ты говорил мне, что все еще любишь меня, потому что знаю, мы оба двинулись дальше. И ты был более чем великодушен, уделяя нам время весь прошлый месяц. Нельзя было выбрать лучшее время со мной, мотающейся между работой и Мэтью, действительно нуждающимся в отце, который мог бы быть ему примером. Все что я хотела, это чтоб он узнал тебя и чтоб ты узнал его, так и случилось. Теперь он знает что за мужчина скрывается за этими носками. — Она улыбается сама себе и вертит в руках чашку кофе. — Последнее, чего я хочу, так это разрушить то, что у тебя было. Если ты все еще любишь ее, тебе надо идти за ней. Ты должен ей все рассказать, должен бороться за нее.

Я пытаюсь проглотить свою боль.

— Немного поздновато для этого.

Она удивленно моргает.

— Никогда не бывает слишком поздно, — непреклонно говорит она. — Что я говорила о любви? Она проста. Она просто так не уйдет. Если она была влюблена в тебя раньше, и, судя по душевной боли на лице этой бедной девочки, она любила сильно, значит, она и сейчас все еще любит тебя. Пожалуйста, поверь мне, я ведь была там. Гнев не стирает любовь. Боль не стирает любовь. Слезы не стирают любовь. Только время. Много, очень много времени. — Она указывает на меня пальцем. — И поверь мне, для вас обоих прошло очень мало времени. Прошло чуть больше месяца. Она собирается любить тебя дольше этого срока. Я ненавижу это признавать, но если бы три года назад ты появился перед моей дверью и предпринял еще одну попытку завоевать меня, это бы сработало.

— И наши жизни были бы совершенно другими, — замечаю я, откидываясь на спинку стула. Громкость песни растет, и я узнаю Garbage «Хитрость заключается в том, чтобы продолжать дышать». Думаю, Ширли Мэнсон права во многих вещах.

— Другими, да, — говорит Тейлор. — Но знаешь, я ни о чем не жалею.

Я резко смотрю на нее.

— Ты о чем?

— Я говорю, что ни о чем не жалею. Я не верю в сожаления. Не хочу так жить. Что бы ни случилось, что бы не произошло, это делает из нас тех, кем мы стали, и приводит туда,

где мы и должны быть.

Девиз Николы. Это слишком.

Тейлор тянется вперед и трогает мою руку.

— Мы никогда не должны были быть вместе, Брэм. И Мэтью до недавнего времени не должен был знать своего отца. Потому что мы были в порядке, он и я. Мы команда. Благодаря тебе и твоим деньгам, он ни в чем не нуждался. И это сделал меня сильнее. Это заставило меня понять чего я хочу. Конечно, никто не просит о том, чтоб стать матерью-одиночкой, но ведь это не конец света. Это просто жизнь. Просто так сложилась жизнь и надо двигаться дальше.

— А любовь?

Она кокетливо улыбается.

— Знаешь, есть один мужчина. Ирвинг. Он военный, так что я его не так уж часто и вижу, ну и мы в действительности только друзья. Но ему нравится Мэтью, а Мэтью нравится он. И я знаю, это любовь. Маленькая любовь на пути к большой любви. Просто я еще не нашла смелости сказать ему об этом. Но когда он вернется, я обязательно скажу ему.

Я улыбаюсь.

— Это замечательно. Рад за вас.

Она танцует в кресле свой маленький танец и краснеет, напоминая мне Николу.

— Так что видишь, у меня еще есть надежда. И у тебя еще есть надежда, Брэм.

Я глотаю ее слова словно кислород. В последнее время надежда кажется очень опасным словом.

— Что ж, — говорит она, отодвигая кофе. — Мне пора домой.

Я знаю, это прощание. После того, как Тейлор и Мэтью появились у меня на пороге, я удостоверился, чтоб они оставались в городе столько, сколько хотели. Неделю назад они вернулись в Сан-Бернардино, и я поехал посмотреть, где живет Мэтью.

Я остановился в местном отеле, но теперь пришло время мне лететь обратно в Сан-Франциско. Сегодня из Эдинбурга прилетает мой кузен, а это значит, что я на какое-то время смогу отвлечься. Мне это катастрофически необходимо.

— Ты уверен, что доедешь до аэропорта на такси? — спрашивает она. — Я могу тебя отвезти.

Я похлопываю по чемодану рядом со мной.

— Я в порядке, иди, спасай Мэтью от тети. — Я поднимаюсь со стула, и хотя моим первым порывом было пожать ей руку, в конечном итоге, я обнимаю ее. — Спасибо, что простила меня.

Она обнимает меня в ответ, слегка похлопывая по спине.

— Спасибо за то, что тебя было так легко простить, — говорит она. — Ты всегда такой очаровательный. — Мы отстраняемся, она кладет руки по обе стороны от моего лица, и пристально смотри на меня. — Я живу без извинений. Ты тоже должен. Иди и убедись, что тебе не за что извиняться.

— Так и сделаю, — заверяю ее я. Когда она идет к двери, я кричу. — И скажи мелкому, что в следующий раз Dodgers играют с Giants, и я позвоню ему, позлорадствую.

Она закатывает глаза и продолжает идти. Вообще-то я не особо интересуюсь бейсболом, но Мэтью одержим LA Dodgers и я стараюсь общаться с ним на все темы, на которые только могу. Безусловно, совсем не просто стать кем-то значимым в жизни Мэтью, ведь до этого я был чем-то далеким. Мы оба учимся этому, и он и я. Мы еще не особо наладили отношения,

и сомневаюсь, что когда-нибудь доберемся до уровня, где он начнет называть меня папой. Но ведь точно этого никто не скажет. Безусловно, я буду работать над этим столько, сколько смогу.

Тейлор ясно дала понять, что у них есть своя жизнь, и хоть она и хочет, чтоб я был ее частью, я должен иметь и свою собственную.

Если бы только в ней, в этой жизни, была Никола.

Я выдыхаю, кирпичи в моей груди сдвигаются, но никогда не двигаются. Я заканчиваю пить чай, беру чемодан и направляюсь домой.

Следующие несколько дней пролетают как один, вместо того, чтобы, как обычно, тянуться болезненно и медленно. Сердце все еще болит, будто уже миллион лет, и каждый вздох чувствуется как последний. Но наличие кузена, которого вы уже давно не видели, живущего теперь с вами, заставляет ход часов замедлиться. Я бы поселил его в бывшей квартире Николы и Авы, но не могу. Это будет значить, что я двинулся дальше. Она пуста, там никто не живет, и я хочу, чтоб она такой и осталась. Вдруг они захотят вернуться.

Сказать, что я брежу, значит, ничего не сказать.

Стоит ли говорить, что Лаклан МакГрегор идеальный сосед. Человек действительно раскрывается, лишь когда пьян, в остальное время он необычайно серьезен и редко улыбается. И это хорошо, потому что давайте посмотрит правде в глаза, сейчас я не смогу иметь дело с еще одной драмой. Но я из тех, кто любит шутить, чтобы расположить людей к себе, а с Лаком у меня такое чувство, что я разговариваю со стеной. Не помогает и то, что он отчасти напоминает меня.

Дома в Эдинбурге Лак играет в регби, он крайний нападающий в главной команде города, но недавний разрыв ахиллесовой пяты на какое-то время вывел его из игры. Я знал, что Лак был довольно загружен, не только спортом, а потому что он очень умный. Уже много лет он занимается инвестициями. Если кто и способен разбить стереотип, что игроки в регби тупые ублюдки, что ж, это Лак.

Хотя мы периодически и переписываемся в FB, комментируем фото или что-то еще (ой, ты тупая обезьяна, ты выиграл еще одну игру — несмотря на то, что он умный, я не хочу, чтоб он думал, что я об этом знаю) наши отношения никогда не выходили за рамки этого. Сами понимаете, как это бывает с кузенами, особенно когда вы из семьи, где все лажают.

Однако после новостей с моей физиономией, а затем и статьи в San Francisco Chronicle, в которой люди вроде как боролись за мое финансирование, весь мой жилищный проект для людей с низким уровнем дохода застопорился. У меня есть деньги, я выплачиваю ипотеку из своих сбережений, и у меня нет никакого дохода. Если все так будет и дальше, я потеряю свой проект, свою мечту и окажусь в дыре. После того, как я потерял Николу и Аву, я не позволю этому случиться.

Так что я проглотил свою чертову гордость и позвонил ему. Это не просто, просить о помощи кузена, который намного успешней, чем я, и на три года моложе. Но я это сделал. Потому что, бл*дь, я не собираюсь снова проигрывать.

К моему удивлению, Лаклану было скучно сидеть на скамейке, и, несмотря на то, что он должен вернуться в спорт к началу нового сезона, он сказал, что, по крайней мере, на большую часть лета останется здесь. Хоть я и рассказал ему заранее о своей идее, теперь,

когда он здесь, мы объединили усилия и вместе пытаемся придумать лучший способ двигаться дальше. Если все пойдет хорошо, и если он сможет найти спонсора, он говорит, что будет готов присоединиться ко мне, создать некоммерческую организацию и сдвинуть дело с мертвой точки.

— Жюстин! — неожиданно вскрикиваю я, щелкая пальцами.

Лак отрывается от пива, он выглядит усталым от нашего монотонного мозгового штурма.

— Что?

Я хватаю пиво со столешницы на кухне и сажусь напротив него в гостиной.

— Жюстин женщина, с которой я однажды ходил в оперу.

— Опера. — Хмыкает он, едва улыбаясь. Я рад, что он улыбнулся мне.

— Да, опера. Она родом из богатой семьи. Очень богатой. На самом деле, нас свел отец. Он по-прежнему считает, что деньги должны быть во главе всего, и из того, что я слышал, у ее семьи много денег и много власти. Она великолепная девчонка, и ты вроде как не слишком уродлив, так что может, угостишь ее ужином и посмотришь, сможем ли мы получить от нее какие-то инвестиции.

Он обдумывает мои слова.

— Какая власть, и какие деньги?

Я пожимаю плечами и делаю глоток пива

— Понятия не имею. Я не спрашивал.

— А, понятно. Был слишком занят, трахая ее.

— Вообще-то нет, — замечаю я, и у меня сжимается сердце. — Нет, я был не заинтересован в ней.

— Она великолепна, у нее есть деньги, и ты не был заинтересован? — спрашивает он. — Что заставляет тебя думать, что я буду?

— Потому что, — говорю ему, громко выдыхая. — Тогда я был с Николой.

— Ах, — говорит он, уже слишком много зная о ней. Если честно, я не могу заткнуться и перестать говорить о ней. Возможно поэтому он всегда выглядит так, будто готов убить себя.

— На самом деле, — продолжаю я, — в то время мы не встречались, но...но это было тогда, когда она стала забираться мне под кожу, ну ты понимаешь. Все время, пока я был с Жюстин, я думал о Николе. Оглядываясь назад, я понимаю, что уже тогда пропал. Просто в то время был слишком упрям, чтобы это увидеть.

— А сейчас у тебя какие оправдания?

— Что?

— Ты не перестаешь болтать об этой чертовой цыпочке. Если ты не говоришь о здании, ты говоришь о ней, и мне очень жаль, но по моему профессиональному мнению, тебе надо или забыть о ней или поднять свою упрямую задницу и пойти что-нибудь с этим сделать. Перестань быть таким слюнтяем.

— Твоему профессиональному мнению? — повторяю я

Он смотрит на меня.

— Эй, я играю в регби, не так ли? И если не учитывать некоторые из этих шрамов, — он трогает парочку бледных следов на щеке. — Я в это не плох. А это значит, что я получаю больше кисок, чем вероятно ты.

Старый я поспорил бы с этим, но меряться членами с моим кузенком не кажется мне

правильным.

Не сейчас, во всяком случае.

Я вернусь к этому позже.

— И, — добавляет он, — вместе с кисками приходят проблемы. Иди поскорей разберись со своим дерьмом или я начну использовать твою голову как мяч для регби. Мне нужна чертова практика.

Я хмурюсь.

— Такой грубиян. — Но я не связываюсь с ним. Может мы и одного роста, может быть у меня столько же мышц, сколько и у него, но он выглядит так, будто ему наплевать, если ему подпортят физиономию, а вот мне на мою не наплевать.

Единственное, что удерживает меня от того, чтобы сделать то, что предложил он, что предложила Тейлор, все та же старая история. Моя чертова гордость. Мой чертов страх.

Что если я приду к Николе, и она отвернется от меня? Может она не хочет меня видеть. Может она не хочет снова довериться мне. Сейчас мне терять нечего, у меня внутри осталась лишь тупая, глубокая боль, словно мне удалили какой-то жизненно важный орган. Меня окружает неизвестность и эта опасная надежда. И я могу скулить и стонать как маленькая девочка, до тех пор, пока что-нибудь с этим не сделаю. Я могу только предположить, что возможно в один прекрасный день, когда-нибудь, все получится.

Но я не хочу слушать *свой* девиз. Не в этот раз. Я не оставлю все на волю случая, надеясь, что все получится.

Никола достойна гораздо большего, чем случайность.

Мне нужно, чтоб у меня не было никаких сожалений.

Глава 21

НИКОЛА

Знаете ту часть фильма, где героя смешивают с грязью, или выгоняют из команды, или его похищает криминальный синдикат, и надежда потеряна. И все же вы знаете, неважно откуда, так или иначе героя ждет счастливый финал. И пока он подвергается пыткам, или весь город ополчается против него или от него уходит жена, вы сочувствуете ему, но вам помогает знание того, что, в конце концов, все наладиться. Так просто должно быть.

Что ж, хотела б я, чтоб то же самое можно было применить и к моей жизни. Потому что у меня такое чувство, будто я упала со скалы, меня смешали с грязью и подвергли пыткам. И в обозримом будущем нет никакой надежды на счастливый конец

Конечно, все эти удары, которые я принимаю, идут прямиком мне в сердце. Вот где они остаются, вот где они ранят больше всего. Это своего рода смешно, вот она я, почти два месяца спустя, и когда дело доходит до Брэма, я до сих пор одна рваная открытая рана. В остальной моей жизни случаются и взлеты и падения. Я до сих пор живу с Кайлой и до сих пор ищу какое-то доступное жилье. На самом деле, все не так уж плохо, и в то время как я знаю, Кайла ценит, что плачу часть арендной платы, я знаю, что мы мешаем ее образу жизни. Я имею в виду, Кайле нравится веселиться и она все чаще и чаще остается ночевать у какого-то чувака, с которым сейчас встречается.

Так что понимаю, жизнь со мной и моей пятилетней дочерью не ее мечта, но она в курсе, что я работаю над этим. Моя работа в Lion идет достаточно хорошо. Хочу сказать,

работы очень много, но мне, как правило, все равно, да и Джеймс иногда может быть еще тем сучонком. Но она приносит деньги, и мой сберегательный счет все растет и растет. Даже если внутри все ощущается так, будто постоянно рушится и восстанавливается, я обеспечила некую форму безопасности для нас обеих.

Кроме того я все больше и больше сосредоточена на проектировании одежды. По утрам и ночью я часами сижу за швейной машинкой. Творчество для меня лучшее топливо и должна заметить, это отлично отвлекает. И иногда это единственный способ удержать себя от мыслей о Брэме.

Что я и делаю. Все это время. Мне стыдно признаться в этом даже самой себе. Я не говорю о нем со Стеф и Кайлой, и когда я вижу Линдена, замечаю, что он крайне осторожен и не приводит его с собой. Хотя пару раз он был совсем рядом. Однажды я услышала, что он придет в Lion с Линденом, и тогда я пошла в кабинет Джеймса и целый час пряталась там, дела вид, что над чем-то работаю. Знаю, очень по-взрослому, но на данный момент я очень сильно забочусь о том, чтобы сохранить свое сердце живым. Я защищаю его от всего.

Я просто хочу перестать ощущать эту глубокую, холодную дыру внутри, когда я просыпаюсь и понимаю, что снова одна. Хочу перестать представлять, как Брэм держит меня в своих руках когда мне грустно, или ласкает мое тело, когда я в хорошем настроении. Хочу сделать вид, что у меня никогда не было отношений с человеком, который заставил меня чувствовать себя дикой, свободной и полной жизни. Мне так хочется того, чего у меня быть не может.

И вот она я, еле плетусь, как героиня истории, только у меня нет той храбрости. Я просто еще один человек на этой планете со сломанной душой, который ждет, пока пройдет время. Я не чувствую, что это надоедливое «все будет хорошо», правда. Я не понимаю, как у меня может быть счастливый конец, это ведь значило бы, что все вернется к тому, с чего началось и как я вообще смогу забыть боль, которая повсюду преследует меня?

— Не унывай, Лютик, — говорит мне Стеф. Ничего не могу с собой поделаться и вздрагиваю при этом слове. Оно слишком напоминает мне тот проклятый желтый диван.

Мы сидим в кабинке в Lion. Ава сидит недалеко от нас, что-то раскрашивает. Лиза заболела, а мне надо было на работу, так что у меня не было выбора, и я взяла Аву с собой. К счастью, Джеймс отнесся к этому хорошо и, как правило, она просто болтается со мной в кабинете. У Стеф перерыв на обед и она захотела выпить. В последнее время я так часто полагалась на нее, поэтому полагаю я у нее в долгу.

— Прости, — извиняюсь я.

— Не извиняйся, — говорит она, сдирая этикетку с бутылки пива. — Просто ненавижу видеть тебя грустной. Ну вот как сейчас. Да и вообще в последнее время.

— Я в порядке, — говорю я, и смотрю, как она снимает этикетку, а затем проделывает то же самое с липкими частями, которые остались на бутылке. — У вас с Линденом проблемы?

Она останавливается и смотрит на меня.

— А?

— Сексуальное расстройство, — говорю я, кивая на бутылку. — Вот почему ты пристала к этикетке.

— О, — говорит она. Отталкивает пиво в сторону, с удивлением глядя на него. — Нет. Нет, Линден это Линден, понимаешь? Если он в чем то и хорош, так это в...

Я поднимаю руку.

— Пожалуйста. Просто остановись.

Она пожимает плечами, поднимает подстаканник и начинает вертеть его туда-сюда. Туда-сюда. Туда и сюда.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, заметив, что она стучит ногой по полу.

— Ммм? — она смотрит на меня. Произносит это рассеянно, немного даже слишком рассеянно.

— Ты выглядишь так, будто нервничаешь.

— Мамочка, — говорит Ава тоненьким голосочком. — Я нарисовала тебе бугозавра.

Она с гордостью показывает свою раскраску. Она даже не раскрасила те картинки, которые там есть, просто нарисовала зеленые с коричневым пятна на белом листе. Пятна с ногами. Полагаю, это и есть бугозавр.

— Спасибо, милая, — говорю я ей, и она возвращается к себе, высунув язык изо рта.

— Никола, — беспокойно говорит Стеф.

Я смотрю на нее.

— Что?

— Ты все еще любишь Брэма?

Откуда, черт возьми, это взялось? Я чувствую, как мое лицо белеет, задаюсь вопросом, я что, озвучила вслух свои мысли?

— Что? — я задыхаюсь. Смотрю на Аву, а она наблюдает за мной, хмурясь и надув губки лишь при упоминании его имени.

— Ты любишь его?

Я вылупилась на нее. Мое сердце глухо стучит в ребрах, словно напоминает мне, что оно все еще бьется.

— О, Стеф, — начинаю я, подыскивая слова, пытаюсь уйти от ответа. — Все не так просто.

— Все *просто*, — говорит она, сверлит меня глазами. — Это самый простой вопрос. Или ты любишь его. Или нет. В любви нет «может быть».

Вау. А Стеф глубоко копнула. Даже не знаю, что и думать. Я не хочу забираться так глубоко. Не хочу нырять туда и вытаскивать то, что осталось от него внутри меня.

— Я...

Она смотрит на меня. Ава смотрит на меня.

И я не могу солгать.

Я вздыхаю, медленно, тихо.

— Да. Я люблю его.

Стоит мне лишь сказать эти слова, и мое сердце сжимается.

— Хорошо, — говорит Стеф, самодовольно улыбаясь сама себе.

— Хорошо? — Мои глаза округляются. — Что в этом хорошего? Это плохо. Это ужасно. Я не хочу его любить. Хочу быть свободной от всего этого и двигаться дальше.

Она изгибает бровь, на лице дурацкая ухмылка.

— Любовь это хорошо, мой друг, любовь это хорошо.

— Что с тобой не так? — спрашиваю я, ударяя ее по руке. — Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Она делает большой глоток пива и говорит.

— Знаешь, какой самый худший способ начать предложение?

— Я пукнула! — С большой улыбкой кричит Ава. — Это самый худший способ.

Стеф одобрительно кивает Аве, а затем снова смотрит на меня.

— Ты знаешь второй самый худший способ?

— Какой?

— Пожалуйста, не ненавидь меня, — отвечает она, и на мгновение ее улыбка исчезает и она вздрагивает, будто я собираюсь ударить ее. — Серьезно, Никола, пожалуйста, не надо меня ненавидеть.

Она смотрит на дверь бара, и мои глаза следуют туда же. Там снаружи в солнечном свете я вижу знакомый силуэт. Он открывает дверь и заходит внутрь.

Я чувствую, как и тону и одновременно выплываю.

Чувствую, что прямо сейчас *определенно* ненавижу Стефани.

Это Брэм и он идет к нам, а я хватаюсь за край стола так сильно, что на самом деле могу сломать его.

Она наклоняется ко мне и шепчет на ухо.

— Прости. Он должен был тебя увидеть, а я знала, если бы я сказала тебе об этом, ты бы отказалась с ним встретиться. — Она быстро выходит из кабинки, обмениваясь с Брэмом взглядом, когда проходит мимо него, и идет к двери.

— Никола, — говорит Брэм, его гортанный акцент сотрясает меня до глубины души. Он стоит в нескольких футах от стола в шикарном синем костюме, руки висят по бокам. Его лицо, это прекрасное, красивое лицо, серьезней, чем я когда-либо видела.

— Брэм? — тихо говорит Ава, я смотрю на нее, ее глаза расширяются от изумления. — Брэм? — громче повторяет она.

— Привет, малышка. — Говорит он, ухмыляясь, и она тут же вскакивает с места, размахивая руками. Это было бы милейшей вещью, что я видела, если б не обстоятельства. Может я и сказала, что до сих пор влюблена в Брэма, но это не значит, что я хотела его видеть. Это не значит, что можно изменить прошлое. Вы можете любить кого-то и ничего с этим не делать.

Но Аве все равно. Она бежит к кабинке и практически запрыгивает на него. Он обнимает ее, поднимая вверх, и я разрываюсь между злостью и желанием сломать что-то и заплакать. Внутри меня столько всего, я пытаюсь сделать выбор как быть, уделить внимание всем чувствам и, в конце концов, просто превращаюсь в гигантский беспорядок.

Брэм осторожно ставит ее обратно на землю, но Ава продолжает прыгать, сходить с ума. Она широко улыбается, глаза широко раскрыты, дыхание резкое и неглубокое.

Ее дыхание не должно быть таким.

Брэм смотрит на меня, я с беспокойством смотрю на Аву, внимательно наблюдая за ней, пытаюсь прислушаться.

— Брэм-лала... — начинает петь она, но останавливается и пытается сделать глубокий вдох. Ее лицо белеет у меня на глазах, она качается взад-вперед.

— Вот дерьмо, — кричу я, выбираясь из кабинки, и она тут же падает на землю. Брэм рядом, он вовремя ловит ее, и я падаю на колени рядом, пока он удерживает ее тело.

— Что случилось? — спрашивает он.

Я хватаю ее за руку и сжимаю. Она липкая. Глаза не фокусируются, они стеклянные, от дыхания исходит знакомый фруктовый запах.

— Ох, твою мать, нет, не сейчас, — говорю я, когда она прямо на моих глазах начинает терять сознание. — Ава! — кричу я на нее, и ее глаза беспокойно открываются, а потом снова закрываются.

Брэм осторожно опускает ее на землю, пока я ползаю рядом, похлопывая ее по лицу. Он достает сотовый.

— Я вызываю скорую.

Я слышу, как он звонит, и не собираюсь с ним спорить.

— Дума, это ДКА. Диабетический шок.

— Такой же, как раньше? — спрашивает он высоким голосом.

Я киваю, а он передает информацию оператору. В последнее время Ава была здорова, все было так хорошо. Диета, чтение, все работало. Последний раз подобное было, когда ушел Брэм и теперь, когда он здесь, эмоций стало слишком много.

— Думаю, это может быть вызвано стрессом и эмоциональным потрясением, — говорю я не глядя на него. Я изо всех сил пытаюсь сохранять спокойствие и привести ее в чувство. Я узнала много нового. Я могу сделать это. Могу провести ее через это.

Но прямо сейчас я не могу сделать это в одиночку. Наконец, я встречаюсь глазами с Брэмом и вижу, что он смотрит на меня, он на грани.

— Мне надо, чтоб ты взял мою сумку, большую, фиолетовую, она в кабинке, и принес сюда. — Говорю я ему.

Он кивает и быстро делает как я прошу. Вокруг нас собираются люди, Джеймс спрашивает, нужно ли мне что-нибудь, и я не знаю, что ответить, просто делаю то, что знаю. Ввожу ей инсулин прямо в живот, она даже не дрогнула.

— Это сработает, правда? — спрашивает он меня.

— Я надеюсь, — отвечаю я, не желая думать о том, что случится, если это не сработает. В последний раз, когда она потеряла сознание, у нее не было этого фруктового запаха изо рта. Последний раз укол привел ее в чувства, но на этот раз...на этот раз я боюсь, что он не поможет.

К счастью, проходит немного времени, хоть мне и кажется, что прошли часы, и приезжает скорая, они кладут Аву на носилки и уносят в машину. Сотрудники скорой задают мне вопросы, и я выпаливаю все о ее болезни и о ее режиме, словно это формула из учебника.

Но когда я пытаюсь сесть в заднюю часть скорой, они говорят, что я не могу быть там с ней. И это ломает меня, я так потеряна. Я кричу и плачу, но они говорят мне, что таковы правила когда включена сирена.

Брэм удерживает меня, его руки лежат на моих руках, удерживая от того, чтоб наброситься на сотрудников скорой. Я чувствую себя дикой и сумасшедшей, беспокойство, паника и чувство несправедливости разрывает меня на части. Наконец, скорая отъезжает, и я чувствую, как моя надежда улетает вместе с ними.

Я опираюсь на Брэма и пытаюсь восстановить дыхание, обрести контроль над собой. Я не хочу, чтоб он держал меня, и в то же время я рада, что он здесь.

Единственный человек, который, кажется, действительно так сильно заботится о нас обоих.

Ты была объектом благотворительности, говорит злой голос в моей голове, и я игнорирую его, потому что то, что произошло между нами, не имеет никакого отношения к настоящему, ни тогда, когда моя девочка находится на грани смерти. Ничто вообще не имеет значения.

Брэм усаживает меня в свою машину, а затем мы мчимся за скорой в больницу, ту же, что и в прошлый раз. Если повезет, у нас будет тот же доктор и эта мысль, маленький шанс,

что я снова буду общаться с уже хоть немного знакомым с нашей проблемой человеком, приносит мне крошечную толику спокойствия.

В этот раз мы не ждем в приемной. Мы с Брэмом идем вниз по коридору к комнате, в которой находится Ава, и когда медсестра спрашивает, ее ли мы родители, я чувствую, что киваю. Брэм, казалось, готов уйти, но правда сейчас кажется настолько тяжелой, и мне нужен кто-то, как он, чтобы держать меня за руку, пока я буду держать за руку Аву.

Доктор тот же, что и тогда, но новости совсем другие. Он говорит, что ее уровень глюкозы настолько зашкаливает, что становится трудно поддерживать его на нужном уровне. Его слова доходят до меня, и теперь я очень боюсь, что счастливого конца не будет. Вообще ничего не будет. Это будет один из тех ироничных сюжетов, как в фильме, когда мать теряет дочь, но получает мужа. Но ту потерю, которую она чувствует, никогда и ничем нельзя будет заменить.

Доктор просит нас удалиться, ему нужно осмотреть кого-то еще, так что мы с Брэмом ждем в коридоре, застряв в неудобных креслах, я покачиваю взад-вперед. Мой мозг пытается примириться с ужасной действительностью. Я продолжаю представлять, каково будет, если они выйдут с плохими новостями, и это похоже на свободное падение в ад. Настолько жестоко и невыносимо, что при одной мысли об этом у меня начинает кружиться голова.

Брэм потирает мою спину, когда я сворачиваюсь в клубок, пытаюсь дышать и стараюсь не паниковать. Это так чертовски трудно. Но его присутствие, его поддержка так помогает.

И все это время он молчит. Не извиняется, не пытается расположить меня к себе — он даже не сказал мне, что все будет хорошо. Потому что он знает, как и я, что сейчас не все в порядке. Она там и это не хорошо, и что бы кто не говорил, правдой это не станет.

Все, что делает Брэм, это находится рядом. Так просто.

Он просто есть.

И это все, что мне сейчас нужно.

Я просто надеюсь, что Ава, даже если она без сознания, может тоже его почувствовать.

— Никола, — голос Брэма прорывается сквозь дымку. — Я принес тебе кофе.

Я открываю глаза и вижу, как он протягивает мне пластиковый стаканчик, наполненный чернильно-коричневой жидкостью

— На вкус как гребаный керосин, — виновато говорит он. — Но должно помочь.

Я выпрямляюсь в кресле и осторожно беру у него стаканчик, быстро улыбаясь ему в знак благодарности. Я смотрю на Аву, она лежит на больничной койке, ее глаза закрыты, вокруг куча капельниц. Она выглядит словно ангелочек.

— Как она?

Он садится рядом со мной и устало вздыхает.

— Она не просыпалась. Думаю, ей снился какой-то смешной сон, она улыбалась во сне. Медсестры говорят, лучше позволить ей спать. Ее маленький организм столько всего перенес.

Так и есть. Было около часу ночи, когда врачи наконец-то смогли вывести Аву из сахарной комы. Она не была полностью в сознании, но узнала меня и Брэма, и, слава Богу, была под воздействием лекарств, так что не смогла снова эмоционально отреагировать на него.

После этого я довольно долго стояла около нее, придумывала разные истории и рассказывала ей, пока она спала. В конце концов, я выдохлась и уснула прямо в кресле.

И все это время Брэм был здесь, как и в тот первый раз, когда я его еще совсем не знала.

Тогда он был здесь ради нас.

И сейчас он здесь ради нас.

Но между нами все еще столько всего, все это грязное прошлое удерживает нас на расстоянии, и я не знаю, как снова сделать все правильным.

Думаю, я хочу этого.

— Брэм, — мягко говорю я.

Он потирает ладонью лицо и смотрит на меня. Рукава на белой рубашке закатаны, рядом с пуговицами пятно от кофе. Волосы растрепаны. Глаза широкие, но красные, кожа уставшая и слегка серая. Он выглядит так, словно вообще не спал, и я знаю, что это из-за нее.

И может из-за меня.

— Да, — отвечает он.

Для храбрости делаю вдох.

— Знаю, сейчас возможно не самое подходящее время для того, чтобы говорить об это, но... Я все еще зла на тебя.

На его лице появляется маленькая, грустная улыбка.

— Я знаю. И ты имеешь полное право злиться на меня столько, сколько хочешь.

— Но я не хочу, — говорю я и смотрю на свои руки, потому что так проще. — Злость требует столько сил. Она парализует... Я не хочу сожалеть о тебе. Я не хочу так жить, с сожалением, даже если это причиняет мне боль.

— Я тоже не хочу, чтоб ты сожалела обо мне, — говорит он и кладет руку поверх моей. Я чувствую на себе его взгляд, он вглядывается в мое лицо, ища ответы, ответы которые я и сама не знаю. — Солнышко. Прости. Я безумно сожалею. Знаю, нет ничего, что я мог бы сказать или сделать, чтобы заставить тебя поверить мне, просто послушай. Просто знай, что я говорю правду. Я никогда не хотел скрывать от тебя Тейлор и Мэтью, я хотел рассказать тебе о них... Просто я был таким трусом и так, черт возьми, боялся, что ты оставишь меня. Никто не хочет признаваться что когда-то был ужасным человеком, делал страшные вещи. Я боялся, если ты узнаешь правду, это навсегда отпугнет тебя. Ты забудешь о том, каким я стал, кто я сейчас.

Я киваю, любопытно, что я сделала бы, если бы он рассказал мне обо всем раньше. Неизвестно. Может быть, я бы отнеслась к этому нормально. А может, и нет. Может мы были бы достаточно сильными, чтобы справиться с этим. А может, и нет.

Я вспоминаю, что он ответил, когда я призналась ему в любви. Что всему свое время. Но думаю это больше о *правильном* времени.

— Пожалуйста, просто услышь меня, когда я говорю, что ты никогда не была объектом благотворительности, хорошо?

Тьфу. Это все еще ранит.

— Пожалуйста, — повторяет он, и я могу почувствовать, насколько виноватым он себя чувствует. — Все, что я делал для тебя и для Авы, я делал, потому что хотел тебя. Потому что ты мне нравилась... сильно. Вы обе. Я просто хотел быть с тобой. Может подсознательно я и пытался заглядить свою вину за то, что сделал раньше, или возможно дело было в том, что я мог помочь кому-то когда у меня, наконец, появились средства для этого. Я просто хотел заставить тебя улыбаться. Вот и все. Вот как все было в действительности. Я хотел заставить

тебя улыбаться, потому что казалось так трудно заставить тебя сделать это. И если бы я мог заботиться о вас обеих, двух девочек, которые заслуживают этого больше, чем все, кого я знаю, я бы так и поступил.

— У тебя очень хорошо получалось заботиться о нас, — тихо говорю я.

— И надеюсь, у меня получилось заставить тебя улыбнуться.

Конечно же, я улыбаюсь от этих слов.

— Да, с этим ты тоже справился. Как всегда.

Между нами повисает мягкий, теплый вид тишины, и я не могу перестать сравнивать прошлое и настоящее. Так много, и одновременно так мало всего изменилось.

— Никола, — шепчет он, от его голоса у меня плавают кости. Я смотрю ему в глаза и вижу в них все, что хотела там увидеть, и не потому, что хочу этого, а потому что это действительно там.

— Я люблю тебя, — говорит он, и я знаю, это правда.

Потому что чувствую это. Потому что мое сердце пытается летать. Мне хочется его отпустить. Потому что знаю, оно как бумеранг, вернется к нему.

— Просто я тебя люблю, — говорит он, пальцами поглаживая мой подбородок, — И больше мне сказать нечего. Надеюсь, этих слов достаточно, потому что они идут прямо отсюда. — Он кладет руку на свою грудь. — Сначала мне нужно было это понять.

Мои глаза наполняются слезами, когда я уже думала, что слез не осталось. Сердце все увеличивается и увеличивается и увеличивается, угрожая переполниться, затопить меня, сбить с ног.

Я принимаю это. Потому что иметь сердце, наполненное его любовью и моей любовью к нему, это лучшее чувство в мире.

— Я все еще люблю тебя, — успеваю сказать я, и мой голос ломается. — Я не могла перестать, даже если пыталась. И я пыталась. Я хотела забыть тебя, но, что бы я не делала, ты всегда был в моем сердце. — Я с трудом сглатываю, и он наклоняется вперед, целует меня, пока слезы бегут по моим щекам.

Я снова и снова мечтала об этих губах. Даже когда я не хотела мечтать, даже когда это причиняло боль. Я мечтала о них.

Теперь они здесь, целуют меня, разбивая мою броню, делая меня дикой и свободной.

Занимаясь любовью с моим сердцем.

Внезапно кровать скрипит, вырывая меня из теплых объятий Брэма, мы отрываемся друг от друга, и видим, как Ава в замешательстве смотрит на нас. На секунду мне кажется, что она собирается снова сойти с ума, кто знает, как будет на этот раз.

Но она лишь улыбается, ярче солнца, светящего через окно.

— Вы теперь встречаетесь? — спрашивает она, ее голос немного дрожит, но в нем есть надежда.

Брэм сжимает мою руку.

— А ты бы этого хотела? — спрашивает он у нее.

Она медленно кивает.

— Да. Потому что ты снова повезешь меня в Диснейленд.

Я смеюсь и смотрю на Брэма.

— Похоже, ты задолжал ей еще одну поездку.

— Я отвезу ее туда, — он указывает на себя большим пальцем. Его улыбка задумчивая, пока он смотрит на меня. — С нами все будет хорошо, — говорит он мне. — Обещаю. Я, ты,

она. Все будет отлично.

— Отлично, — мягко говорит Ава.

Я целую Брэма в лоб и подхожу к Аве.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я и кладу руку на ее маленькую ручонку.

— Я устала, — говорит она. — И спать хочется.

— Ничего не болит? Ты знаешь, где ты?

Она кивает.

— В больнице. Что-то пошло не так с моей болезнью, да?

Я сжимаю ее руку.

— Да. Ты немного разволновалась, когда снова увидела Брэма. Такое иногда бывает, если ты слишком возбуждена. Но врач помог тебе, и теперь мне надо получше наблюдать за тобой, может попробовать новую ваву. Но ты будешь в порядке.

— Со мной все будет отлично, — сонно говорит она. — Как с тобой и с Брэмом.

Она закрывает глаза и снова уплывает.

Брэм подходит ко мне, оборачивает свою сильную руку вокруг моей талии и мы вдвоем наблюдаем как Ава спит.

Глава 22

НИКОЛА

Следующие несколько дней проносятся словно ракета. До этого все в моей жизни тянулось медленно, а теперь просто несется вперед. По пути была парочка ударов, но этого и стоит ожидать, если вы делаете разворот на 180 градусов, даже если это и к лучшему.

Говоря к лучшему, конечно же, я имею в виду возвращение Брэма в нашу жизнь. Плохо то, что Аве понадобилось время, чтоб справиться с приступом. Прошло три дня, один полный день она провела в больнице, выздоравливая. К счастью Джеймс сработал на опережение и оформил мою страховку тогда, когда я получила повышение, так что на этот раз не было никакой финансовой паники.

Я все еще живу с Кайлой, у нее так хорошо. Мы с Авой привыкли. Снова быть с Брэмом так ново и свежо. За прошедшие два месяца все так изменилось, нам надо какое-то время, чтобы снова привыкнуть друг к другу. На самом деле, после того, как он признался мне в любви, я даже не спала с ним. Знаю, это немного шокирует, но это ощущается правильным. Во всяком случае, пока.

Честно говоря, на самом деле я и не оставалась с Брэмом наедине. Кроме того времени, что мы провели вместе в больнице, я все еще вкалываю в Lion, отказываясь отдохнуть даже если он вернулся обратно в мою жизнь.

Хотя сегодня достаточно тихо. Сегодня вечер субботы, но в городе аномальная жара, и светит настоящее солнце, так что полагаю все расположились на верандах на улицах и в районе Залива. Душный ирландский паб это последнее место, где сейчас они хотели бы быть.

— Привет, красавица, — слышу я красивый шотландский акцент, вырывающий меня из моих мыслей.

Выпрямляюсь. Я расставляю пиво в холодильнике и смотрю через бар, видя, как ко мне направляется Брэм. Он в костюме — конечно же — светло-серого цвета и без галстука,

белая рубашка немного расстегнута, демонстрируя сексуальное горло и летний загар. В его руках букет из розовых и голубых роз.

— Это для меня? — спрашиваю я, полностью очарованная цветами и мужчиной, который держит их.

— Конечно, — говорит он, стоя по другую сторону бара и протягивая их мне. — Я тут понял, что все это время у меня не было возможности пригласить тебя на ужин. Ну знаешь, как джентльмен. Все мои ухаживания были через одно место.

Я краснею от такого замечания и ухмыляюсь.

— Ну не могу сказать, что возражала против особо стиля ухаживаний Брэма МакГрегора.

— Даже если и так, — продолжает он, — так как мы так или иначе начинаем все с начала, я хотел пригласить тебя на свидание.

— Прямо сейчас?

Он кивает.

— Да. Я позвонил Кайле, и она согласилась присмотреть за Авой, пока я буду ухаживать за тобой. На самом деле, она была немного, хм, жестче.

Кайла, благослови ее Господь.

— Итак, ты готова? Сегодня здесь будто все вымерли. — Он осматривает бар, кусая губы, будто вся эта затея со свиданием заставляет его немного нервничать. Так мило.

Я смотрю на Джеймса, он притворяется, что не слушает нас, хотя на самом деле это не так.

— Джеймс? — спрашиваю я.

Он пренебрежительно машет на меня.

— Иди.

Я так и делаю. Единственная проблема чтобы идти на свидание прямо из бара состоит в том, что у меня с собой нет никакой красивой одежды.

Я хватаю сумочку, надеюсь, что, по крайней мере, мой макияж и прическа после смены в порядке, и цепляюсь рукой за руку Брэма.

— Надеюсь, ты не ведешь меня в какое-то роскошное место, у меня не подходящая одежда.

— Одежда? — говорит он, поднимая бровь и пародируя Доктора Брауна. — Там, куда мы собираемся, не нужна *одежда*.

Я хихикаю.

— Ладно, извращенец. В этот ресторан ходят голыми?

— Ты все увидишь, — говорит он хриплым голосом и вдруг все, чего я хочу, наплевать на свидание и запрыгнуть на него. Это было так давно, очень очень давно, а он так близко.

Он уводит меня в горячую, душную ночь, в ожидающий нас Мерседес. Мы едем по городу и у меня такое впечатление, что мы просто катаемся без цели. Но я не жалуясь. С опущенными окнами, ветром в волосах и теплой рукой Брэма на моем бедре, эта ночь прекрасна и я точно знаю, нас ждет только хорошее.

— Как дела у Мэтью? — спрашиваю я. Не то чтобы я хотела поднимать эту тему, но Брэм часто говорит о нем. Я знаю, Мэтью и его мама живут в Южной Калифорнии своей собственной маленькой жизнью. До сих пор все было чрезвычайно ненавязчиво, но я все же хочу, чтоб Брэм знал, это нормально, говорить о своем сыне. Я не возражаю.

— У него все хорошо, — говорит он, его глаза блестят от проносящихся мимо фонарей,

пока мы петляем по знаменитой Ломбард Стрит, самой кривой улице в мире. Обычно от езды по этой улице у меня голова кружится, но сегодня я не чувствую ничего такого, лишь бодрость.

Брэм продолжает.

— Я не часто разговариваю с ним, сама понимаешь. Для нас обоих это все еще немного странно. Особенно учитывая, что мы знали друг о друге, но не общались. Он думает, что я просто какой-то друг его мамы, несмотря на то, что он знает, я его отец. Полагаю, это слово для него пока лишь термин. Но я это понимаю... для этого требуется время, и я не собираюсь вмешиваться в их маленькую жизнь.

Ничего не могу с собой поделать и мягко улыбаюсь.

— Думаю, твое вторжение в нашу с Авой жизнь было лучшим, что могло с нами случиться.

Он отрывает взгляд от дороги, чтобы посмотреть на меня.

— Ты, правда, так думаешь?

— Конечно, — отвечаю я. — Ты изменил нашу жизнь. И да, может, некоторое время все было немного беспокойно. Но уверена, мы со всем разберемся.

Он вздыхает, его руки сжимают и разжимают руль.

— Знаешь, я просто хочу продолжать извиняться. Каждый божий день.

— Не надо. Ты сказал уже достаточно.

— Я знаю, — решительно говорит он. — Но у меня такое чувство, что недостаточно. Ты слишком хороша для меня, Никола.

— Нет, — говорю ему. — Это не так. И ты не слишком хорош для меня. Думаю, мы оба хороши вместе и этого достаточно. Более чем.

Брэм ничего на это не отвечает, и мы едем в приятной, уютной тишине. Мы едем по мосту Золотые Ворота и город, словно призрак в ночи, сияет огнями в боковых зеркалах автомобиля. Я уже готова спросить, куда мы едем, как он поворачивает, и вот мы уже направляемся по холмам к смотровой площадке с видом на город.

Там стоит пара машин, это туристы, местные или романтики, смотрящие на светящийся мост. Но мы едем вниз по дороге к окраине парка, и, в конце концов, оказываемся одни.

— Не похоже на ужин, — говорю ему я.

Он смотрит на меня так, словно собирается съесть, и тут я понимаю, что у нас в меню.

Он кивает головой на заднее сиденье, и я вытягиваю шею, когда он включает в машине свет.

Там стоит корзинка для пикника. Я не заметила ее раньше. Он наклоняется назад, потянувшись в кресле, и от этого удивительного мужественного, свежего запаха я ощущаю покалывание по всему телу. Не буду ему говорить, что имела обыкновение спать с его старой рубашкой, только чтоб по ночам ощущать его запах, делать вид, что он там.

— Та-дам, — говорит он, поднимая корзинку. Я вижу бутылку красного вина и кучу закусок с разноцветных контейнерах — антипасто, оливки, хлеб, сыр, фрукты, греческий салат, киноа. Все выглядит сказочно. — Я подумал, что наше первое свидание будет здесь. Не могу представить вид лучше, чем этот.

Мы вынимаем одеяло из багажника и кладем на траву недалеко от машины. Он включает Lovage на портативных динамиках айфона и включает несколько электрических свечей. Мы раскладываем еду и вино, все так красиво. Лишь мы и город у наших ног. Не думала, что возможно снова влюбиться в Брэма МакГрегора, но я делаю это.

Это так обалденно.

После того, как мы закончили с едой и облизали испачканные в белом шоколаде пальцы друг друга, мы не останавливаемся. И я осознаю, что моя любовь к нему становится все глубже и глубже.

Мы словно эксгибиционисты занимаемся любовью на этом одеяле. Остальные посетители стоянки находятся слишком далеко, и они так или иначе не смогли бы увидеть нас со своих мест, но в любом случае это не имеет значения. Под этим редким открытым ночным небом и ослепительными звездами, которые так часто скрывает туман, мы все глубже и глубже чем когда-либо погружаемся друг в друга. Когда он толкается в меня, я чувствую себя настолько полной, что на моих глазах появляются слезы, и когда я тихо кончаю, всхлипывая ему в шею, по щекам начинают течь слезы.

— Милая, почему ты плачешь? — шепчет он, его голос тихий и насыщенный.

— Потому что люблю тебя, — говорю я ему. — И не могу представить ничего лучше.

Он вытирает мои слезы и не выходит из меня, хоть мы оба и кончили. Он остается во мне еще долго.

Позже, когда мы тормозим около здания квартиры Кайлы, он останавливает машину в парке и поворачивается на сиденье, чтобы посмотреть на меня.

— Никола, — говорит он, звуча так серьезно.

Я сглатываю, внезапно чувствуя тревогу.

— Что?

Он берет мои руки и сжимает их. Откашливается и смотрит вниз на свои руки.

— Я собираюсь у тебя кое-что спросить. А потом спросить Аву. И если вы оба скажете да, то я буду самым удачливым подонком в мире. — Он делает паузу, его глаза смотрят на меня. — Переедите ко мне?

— Ты шутишь? — спрашиваю я, желая засмеяться. — Конечно же, мы переедем к тебе.

— Не в дом, я имею в виду, в мою квартиру. Чтобы жить со мной.

— Что ж, ты будешь жить со мной. И пятилеткой.

— Но это да?

Я глупо улыбаюсь.

— Это да.

Он целует меня, быстро, глубоко и прекрасно. А затем мы идем наверх к моей, вскоре, бывшей квартире.

К счастью — или в этом виноваты плохие навыки няни — Ава все еще бодрствует, играя в игру с Кайлой.

— Брэм! — удивленно говорит она и бежит к нему. Он берет ее на руки и крепко обнимает.

— Что делаешь, малышка? Тебе ведь пора спать. — Он смотрит на Кайлу. — Ты доставила Кайле неприятности?

Я улыбаюсь тому, насколько естественно он ведет себя с ней. Он ставит ее обратно на пол, и она застенчиво смотрит на него.

— Я не могла уснуть, — отвечает она.

— Она не захотела спать, — добавляет Кайла.

Брэм усмехается им обоим, а затем приседает на корточки.

— Послушай, Ава. У меня для тебя есть важный, взрослый вопрос. Ты готова для него?

Она кивает, не улыбается и выглядит очень серьезной.

— Я готова.

— Как насчет того, чтобы переехать ко мне? С мамой, конечно же.

Ее глаза расширяются, и она расплывается в улыбке. Смотрит в мою сторону.

— Это правда?

— Да, ангел. Если ты согласишься, мы обе будем жить с Брэмом.

— Что скажешь? — спрашивает Брэм.

Ава выглядит так, словно собирается заплакать. Она оборачивает маленькие ручки вокруг шеи Брэма и приглушенным голосом говорит:

— Да.

Мое сердце, душа и яичники одновременно воспламеняются.

Этот мужчина.

Этот чертов мужчина.

Я слышу всхлип рядом со мной, и Кайла на самом деле плачет. *Кайла*, которая *никогда* не плачет.

— Кайла, — с притворным удивлением говорю я. — А ты оказывается не бездушная.

Она смотрит на меня и сердито вытирает слезу.

— Я просто счастлива, что вы, ребята, наконец-то съезжаете. — Но потом она бежит на кухню, крича. — Это надо отметить! Шампанское! — через плечо.

И я понимаю, насколько я везучая. Потому что стоя здесь, окруженная людьми, которых я люблю больше всего, я понимаю, как много у меня есть.

— Брэм, — говорит Ава, потянув его за рукав. — Когда мы переедем, можно мне батут?

Я закатываю глаза. Она просит один с тех пор, как научилась правильно говорить это слово.

— Посмотрим, — по-доброму говорит Брэм.

— А можно мне и пони? Мамочка не разрешает мне иметь пони.

Он смотрит на меня и улыбается.

— Мы подумаем и об этом, малышка. Думаю, у твоей мамы могут быть возражения.

Она делает паузу, размышляя. А потом.

— Брэм, а можно мне бугозавра?

— Я даже не знаю что это такое.

Я смеюсь.

— Ава, если ты хочешь, у тебя будет бугозавр.

— Ура! — кричит она, а затем бежит в нашу спальню. Спасибо Богу за вымышленных существ.

Кайла приносит шампанское, и каждый берет по бокалу. Поднимаем их в воздух для тоста.

— За новые начинания, — говорит Кайла. — И за то, что моя квартира возвращается ко мне.

— За любовь, — говорю я. — И за то, чтобы не отказываться от нее.

— За задницу Николы, — говорит Брэм, — и за то, что я буду видеть ее чаще и чаще.

Я закатываю глаза, но, так или иначе, чокаюсь.

Мы допиваем шампанское, и Брэму пора домой. Я стою с ним в холе, обмениваясь долгим, сладким поцелуем, его руки обнимают меня за талию, мои пальцы в его густых, мягких волосах

— Завтра, — говорит он, бормоча мне в шею, — ты уже будешь жить со мной

— Завтра я буду вся твоя.
И на следующий день после.
И на следующий день после этого
Я буду его навсегда.

Эпилог

НИКОЛА

Шесть месяцев спустя

— Брэм — лала-динь-дон! — кричит Ава.

Мытью не поможет удержаться и присоединяется.

— Брэм — лала-динь-дон!

Они вдвоем бегут впереди, пока Тейлор кричит на них, чтоб они вернулись. Где мы, по-вашему, находимся, в Диснейленде?

Потому что да, конечно же, мы в Диснейленде. Мы стараемся возвращаться сюда каждый раз, когда навещаем Тейлор, Ирвинга и Мэтью.

— Тебе не кажется неправильным, что дети продолжают использовать слово дон (при. пер. одно из значений слова член)? — шепчет мне Брэм, пока мы идем через толпу.

Я хихикаю.

— Ты извращенец.

— Я серьезно. И ты тоже в команде извращенцев, дорогуша.

Рождество в самом разгаре, в Южной Калифорнии все украшено и светит солнце, передышка от серого Сан-Франциско. Чем чаще мы навещаем Мэтью и остальных, тем больше я привязываюсь к этой области. Я не хочу жить в Сан-Бернардино, но где-нибудь на побережье с удовольствием, и это не дороже чем в Сан-Франциско.

Но у Брэма наступил настоящий прогресс в делах с его зданием, так что мы, вероятно, еще останемся в городе. Благодаря поддержке Лаклана, его кузена, играющего в регби и начинающего магната, и его ухаживаниям за местной богачкой, они были в состоянии запустить некоммерческий проект и получить деньги не только на погашение ипотеки и предоставление жилья тем, кто в нем действительно нуждается, но и возможности открыть еще одно предприятие.

Теперь Лаклан вернулся домой в Шотландию и забрал с собой Кайлу. Это долгая и сумасшедшая история, как они сошлись — я этого не ожидала — но мне кажется, Кайла в лице этого мачо шотландца, наконец, встретила достойного мужчину. Я просто продолжаю думать, что она вернется домой в слезах, с огромным желанием рассказать мне и Стеф о своей драме, но до сих пор все хорошо.

Я, конечно же, съехала с ее квартиры, так что знаю, что она сбежала из страны не из-за меня. Мы с Авой счастливо живем с Брэмом, а мое старое место сдается тому, кто действительно в нем нуждается.

И теперь, теперь все именно так, как и должно быть. Все ощущается правильным. Все вместе. Как бы ни банально было так говорить, и может слегка самонадеянно, но мы чувствуем себя как семья. Когда меня нет дома, обычно там Брэм, приглядывает за Авой. С тех пор у нее не было приступов и с ней все хорошо. Я знаю, за ее болезнью всегда надо

будет следить и контролировать, по крайней мере, пока она достаточно не подрастет, чтобы делать это самой.

Я вернулась к ночным сменам в Lion. Достаточно долго я работала помощником менеджера, но чем больше я работала, тем меньше времени у меня оставалось на мои дизайн-проекты. Брэм видел мое отчаяние и сказал, если я сделаю это своей целью и на 100 % сконцентрируюсь на своей линии одежды, я могу уйти из бара, и он позаботится обо мне. Естественно, моей гордости это не понравилось, поэтому мы пошли на компромисс. Я все еще работаю барменом, но только три раза в неделю. Остальное время я занимаюсь своей карьерой.

Думаю, скоро у меня случится прорыв. На неделе я собираюсь арендовать место на складе, а Стеф гарантирует, если я сделаю линию футболок, она выставит их в своем интернет-магазине и поможет найти других дистрибьюторов.

Я продвигаюсь маленькими шагами, но все же иду вперед.

Все мое время, как бы сказал Брэм.

— Вы, ребята, самая медленная пара, которую я видела, — кричит нам Тейлор, помахав, чтоб мы поторапливались. Мы идем вниз по ненастоящей Голливуд стрит в Парк калифорнийских приключений Диснея, Ава и Мэтью заметили Майка и Салли из Корпорации Монстров и ходят вокруг них. Хоть между ними и два года разницы, они отлично ладят, и их любовь к динозаврам объединяет их (на самом деле теперь это монстры, вот почему теперь они прыгают вокруг бедных людей, запертых в своих жарких костюмах).

Мы все фотографируемся и Ирвинг, парень Тейлор, делает хороший кадр этой сумасшедшей, разношерстной семьи. Пока дети увлечены персонажами мультфильма, словно это какие-то знаменитости, мое внимание привлекают веселые крики, и я смотрю на остальную часть парка.

Каждый раз, как мы приезжаем сюда, мы оказываемся на детских аттракционах и кажется, у нас никогда нет времени или возможности пойти на аттракционы для взрослых. Ну знаете, те, на которых на самом деле весело.

— Знаешь что? — говорю я Брэму. — Я не уеду отсюда пока...

— Мы не трахнемся на Съемочной площадке Голливуда? — быстро предполагает он, и я знаю, что он совершенно серьезно.

— Нет, — отвечаю я, пихая его локтем в бок. — С меня хватило последнего раза в IKEA. Мы как минимум травмировали пожилую пару, не собираюсь проделывать то же самое с детьми. — Он кажется, надулся. Я закатываю глаза. — Я собиралась сказать, что не уеду, пока не покатаюсь на том, что заставит меня кричать изо всех сил.

Он наклоняет голову и гнусно ухмыляется.

— Я знаю, на чем тебе стоит прокатиться.

— Брэм, если ты скажешь, что на твоём члене, я тебя убью, — шиплю я на него, радуясь, что дети нас не слышат. И Тейлор с Ирвингом тоже. Уверена, они не захотят услышать нашу болтовню о члене.

Брэм все еще ухмыляется, так что я продолжаю.

— Я вот о чем. О настоящей поездке, настоящих аттракционах. Башня Ужаса. Или Кричащая Калифорния.

— Я за Калифорнию, — говорит он. — Из-за слово *кричащая*.

— Договорились. — Я сжимаю его руку, а затем поворачиваюсь к остальным. — Эй все, мы с Брэмом собираемся прокатиться на американских горках, и вы ничего не сможете с

этим поделаться.

Мэтью топает ногой.

— Я хочу поехать на американских горках!

Он высокий, каким вероятно был и его отец в его возрасте, так что есть шанс, что его пустят на аттракцион. Но не в этот раз. Этот раз только для нас.

— О, Мэтью, — увещевает Тейлор. — Пусть они повеселятся.

Итак, мы шестером направляемся к Миру Машин и ненастоящему Сан-Франциско пока не оказываемся на вечно радостном Райском Причале. Мы недолго стоим там, наблюдая, как кабинки американских горок проносятся по легендарной Кричащей Калифорнии, во время поездки по которой, судя по названию, вам остается только одно — кричать.

— Ты уверена? — спрашивает Брэм, прежде чем пройти за линию.

— Не говори, что ты трусил, ты ж не киска, — дразню я его.

Он притягивает меня к себе, утыкаясь теплыми губами мне в шею.

— К слову о киске, как насчет того, чтобы когда вернемся в отель отправить куда-нибудь Аву с Мэтью и Тейлор?

— О, но ведь будет так очевидно, почему мы это делаем.

Он пожимает плечами, ему до этого нет дела.

— И что? Думаю слишком поздно делать вид, что мы не занимаемся сексом. — Мы оба смотрим на Аву и Мэтью, которые бегают друг за другом по променаду. Он прав.

Так мы оказываемся в очереди, убивая время, играя в игры на наших айфонах и выясняя, кто шутит глупее (Брэм выигрывает, что вполне очевидно). Приятно побыть с ним наедине, только с ним. Несмотря на то, что мы окружены людьми — и оба завидуем парочке перед нами, которые догадались принести две Маргариты, чтобы скоротать ожидание — такое ощущение, что мы находимся в своем собственном маленьком мирке. И я вспоминаю, почему так сильно люблю этого сексуального шотландца.

Наконец пришло время попасть внутрь. У меня голова идет кругом, а Брэм чуток нервничает, что я нахожу крайне очаровательным. Ограничители опускаются, запирая нас на месте, так что мы не можем выйти.

Из динамиков доносится звенящая музыка, и мы медленно двигаемся вперед, огибая угол, к точке старта, где с растущим нетерпением ждем, когда двинемся вперед и напрямик вверх на первую горку.

— Мамочка! — я смотрю вниз и вижу, как Ава машет мне. Все стоят вдоль перил, приготовившись к нашему взлету.

— Повеселитесь! — кричит Мэтью.

Мое сердце ускоряется, и я вдруг начинаю нервничать. Это сладкое, пылкое предвкушение. Как секс. Я сжимаю стержень, окружающий меня, когда, начиная с *трех*, начинается обратный отсчет.

— Никаких сожалений, верно? — с обезоруживающей улыбкой спрашивает меня Брэм.

Два.

— Никаких сожалений, — улыбаюсь я ему. — Не в этой жизни.

Один.

И мы уносимся в будущее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net